Институт языка и литературы им. А. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана

На правах рукописи

ЗАЙДУЛЛОЕВА ДАВЛАТМО АСМАТИЛЛОЕВНА

ИССЛЕДОВАНИЕ ДУБЛЕТОВ И СЛОВ-ПОВТОРОВ В ТАДЖИКСКОМ И ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКАХ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (памирские языки)

Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор П. Джамшедов

Душанбе – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……4

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДУБЛЕТОВ И СЛОВ-ПОВТОРОВ В ЛИНГВИСТИКЕ ……. 18

1.1. К вопросу о сравнении слов-повторов и дублетных слов в лингвистике……....18

1.2. Редупликации современного таджикского и шугнанского языков.....41

1.3. Общая характеристика грамматических свойств парных синонимов и дублетов в таджикском языке……...54

1.4. Лингвистическая терминология дублетных слов и слов-повторов…….....60

1.5. Повтор – как единица языка в сопоставляемых языках……65

1.6. Классификация дублетных слов таджикского языка……..74

Вывод к первой главе……76

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ФОРМАЛЬНОЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДУБЛЕТНЫХ СЛОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ…….....78

2.1. Основные источники обогащения новых слов в языке…….....78

2.2. Этимологические дублеты в современном таджикском языке….....84

2.3. Заимствованные слова и слова-повторы в современном таджикском языке……...87

2.4. Редупликация прилагательных и числительных в таджикском и шугнанском языках….....……77

2.5. Особенности дублетных слов в соотношение с когнатами……112

2.6. Парные синонимы и дублеты в составе других частей речи……..…...120

Вывод ко второй главе……...……134

ГЛАВА III. РЕДУПЛИКАЦИЯ И СЛОВ-ПОВТОРОВ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ……...……..…136

3.1. Общие сведения о Шугнане и шугнанском языке……....136

3.2. Географическое распространение шугнанского языка……137

3.3. История изучения шугнанского языка……...…141

3.4. Имя существительное в шугнанском языке.....144

3.5. Морфологический способ выражения категории грамматического рода в шугнанском языке…….…….....147

3.6. Редупликация в современном шугнанском языке……....150

3.7. Префиксальный и префиксально-суффиксальный способы образования дублетов наречий……151

3.8. Сравнительный анализ редупликатов и слов-повторов в таджикском и шугнанском языках……153

Выводы к третьей главе……163
Заключение……165
Использованная литература……..169
Приложение 178
Список сокращений.....183

ВВЕДЕНИЕ

Сопоставительно-типологическое исследование языков на современном этапе получило всемирную активизацию, и занимает ведущее место среди общих языковедческих дисциплин.

В целом необходимость сопоставительного исследования языков была вызвана теми возможностями, которые предоставляло сопоставительное изучение языков в раскрытии особенностей функционирования системы языка и отдельных её элементов.

В качестве объекта своего анализа сопоставительно-типологическое языкознание выбирает те проблемы, которые являются наиболее актуальными, господствующими в современном языкознании. Всё более интенсивно оно способствует разработке основ универсальной теории сопоставительно-типологического анализа. У истоков этой науки стояли такие выдающиеся исследователи 20-го столетия, как Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, И.И. Мещанинов и др. В более поздних исследованиях этого направления в трудах В.Н. Ярцевой, А.И. Смирницкого, В.А. Звегинцева, В.Д. Аракина, В.Г. Гака И.И. Мещанинова, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Ш. Балли, С.Д. Кацнельсон, Л.Г. Герценберг и др., а также русских и таджикских ученых В.Д. Аракин, А.А. Реформатский, А.И. Смирницкий, А.А.Уфимцева, Б. А.Успенский, В.А. Виноградов, Э. Сепир, П. Джамшедов, С. Джаматов, С. Назарзода, Р.Л. Неменова, Р. Джураев, М.И. Ибрагимова, Д.Искандарова, А. Мирбобоев, Д. Карамшоев, М. и Ш. Аламшоевы, С.Д. Холматова. М. Султон, М.Ф. Исматуллоев, М.Н. Абдуллаева, Д. Музаффарова, Л. Бекташ и многих других разрабатывается широкий круг вопросов, касающийся методов и аспектов осуществления сопоставительно-типологического анализа, определяется его значение для общей теории языка, выработки универсальных способов для раскрытия различных аспектов изучения языковых единиц и их систем.

Сравнение одного и того же языкового явления в разных языках позволяет более четко и наглядно вскрыть сущность изучаемого явления, обнаружить его специфику как в языковом, так и в речевом, функциональном аспекте.

Сопоставительное изучение языков, имеющих разносистемную структуру, проводится на основе определения актуальных проблем, господствующих в современном языкознании. Следует заметить, что данный процесс в современном языкознании в целом настолько углубился, что охватил все структурные уровни языков. Аспект изучения структуры слова как часть речи сегодня является привлекающим исследователей-лингвистов объектом специального изучения в сопоставительно-типологическом аспекте. В сопоставительной лингвистике бытует множество исследований по сопоставительному изучению языков, среди которых немало работ, посвященных теоретическим вопросам.

Сопоставительная лингвистика настолько выросла как наука, что, можно смело заявлять о том, что она может решать широкий круг теоретических и лингводидактических задач. Она имеет свой предмет и конкретные задачи, и представляет собой ту область языкознания, которая тесно связана с методикой обучения иностранным языкам. Данное исследование посвящено изучению специфики функционирования дублетных слов в таджикском и шугнанском языках в сравнительном аспекте.

Вызывает особый интерес сопоставительное исследование таджикского и шугнанского языков в плане раскрытия процессов и закономерностей, систематизации специфических явлений и процессов дублетных слов в рассматриваемых языках. Таджикский и шугнанский языки, имея общую генетическую связь, принадлежат к иранской группе индоевропейской языковой семьи.

Избранная тема актуальна также и тем, что семантика дублетных слов во многих языках, в частности и в таджикском и шугнанском языках, в

сравнительном плане нуждается в таких исследованиях, так как именно они дают возможность с точностью определить роль и значение тех или иных лексико-семантических групп в формировании и развитии различных языковых стилей.

Эти вопросы, как в плане синхронии, так и в плане диахронии, особенно в таджикском и шугнанском языках, остаются спорными, потому что в современном таджикском и шугнанском языках дублетные слова до сих пор в сравнительном плане не достаточно изучены, хотя в существующей научной и учебной литературе в данное время имеются работы таджикских учёных-лингвистов, таких как С.И. Баевского (1953), Б. Ниёзмухамедова (1970), И.И. Норовой, А. Халилова (1964), М. Ибрагимова (1978), А.З. Розенфельда (1963) Бекташ Лукман(2015) Д. Музаффаровой (2018), Ш. Аламшоева (2020) и др.

В конце XX века в языкознании начали рассматривать язык не как знаковую, а как антропоцентрическую систему, целью изучения которой является речемыслительная деятельность человека. Это содействовало появлению массы различных направлений в науке, таких как: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, психо-лингвистика, межкультурная коммуникация и другие. Дублетные слова – явление многоаспектное, и поэтому в лингвистических исследованиях наличествует множество суждений и подходов к интерпретации сущности языка. Все приведенные лингвистические направления ставят одну цель – выявить процессы, результатом которых и является речь человека.

Таджикский литературный язык так изменился за последние 20 лет, что и революция охватила все области языка. Оказалось, что это качество было реализовано в течение последних 40-50 лет назад. Это можно назвать переворотом. Эти изменения, прежде всего, отражаются в языке печати и других средств массовой информации – телевидения, радио и др. Итак, мы сочли необходимым рассмотреть современное состояние таджикского литературного языка и бесписьменного шугнанского в сопоставительном

аспекте. Необходимо отметить, что последние годы, в лексику таджикского языка возвращены слова и термины классического происхождения и появились новые слова в литературном как заимствованные, так и исконные.

Например, слова типа *арзиш* (значение), *афзудан* (увеличение), *баст* (близко), *бахш* (раздел), *бархурдор* (подход), *сармад* (люди), *сафина* (корабль), *меҳан* (родина), *фараон* (мудрый), *перомун* (окружение) и как отмечают исследователи, некоторые из этих слов и терминов еще не нашли своего применения. (Шукурова М, 1976, Зикриеев, Хочиев, Чалилов, 2001). Со словами и терминами цитат, которые в основном относятся к арабскому (греческому) и русскому языкам, ситуация иная, то есть изменений произошло больше. Некоторые из поэтов, помимо добра и справедливости, в своих письмах и выступлениях употребляют непонятные слова арабского происхождения и ломаные формы, которые усложняют таджикский литературный язык. Так, в языке радио и телевидения, преимущественно в публицистическом стиле обращения с трудными для понимания словами, терминами и формами словообразования арабского языка употребляют такие слова: *аґлаб* (много), *алъон* (сейчас) *ахтаршиносӣ* (звездосчет), *ашкол* (форма), *вақеҳ* (бесстижая), *воридот* (доход), *дайн* (долг), *зимом* (узда), *зовия* (сторон), *ибтикор* (инициатива), *иноткор* (мятежный), *иртило* (поднимающийся), *ифтитор* (сарсу), *мадрак* (доказательство), *талофи* (награда) и др.

Сопоставляемые в настоящей диссертации языки относятся к индоевропейской семье языков, и типология их морфологических систем во многом совпадает. С данной точки зрения вполне закономерно полное или частичное совпадение проблем, связанных с классификацией частей речи и языковых явлений в этих языках.

Учитывая то, что таджикский и шугнанские языки по своим структурно-семантическим особенностям достаточно близки друг к другу, но морфологические признаки этих языков имеют различное значение при определении характеристик большинства частей речи. Например, в

шугнанском языке роль морфологического пласта доминирует при определении частей речи, а в таджикском языке эти части речи определяются главным образом на основании семантических и синтаксических признаков. Для каждого языка важной задачей является изучение и анализ его словарного запаса, его лексического фонда и степени употребления языковых возможностей.

Язык – как форма выражения мысли и важнейшее средство общения между людьми, изменяется и развивается наряду с изменением и развитием общества. В частности, современное состояние сопоставляемых языков, обладающих богатейшим арсеналом языковых средств и вобравших в себя все смысловые оттенки языка классического периода, позволяет причислить их к числу развитых языков мира. Однако, несмотря на все богатство и разнообразие лексического состава данных языков, они, так же, как и другие языки, нуждаются в совершенствовании, изменении и избирательном отношении в отборе нормативной лексики.

В начале XX века в странах Европы и Азии произошли серьезные перемены, которые оставили неизгладимый след на культуре и духовности таджикского народов, в том числе и на процессы формирования и развития их лексических систем. Великий русский языковед А.А. Потебня в своих работах впервые рассмотрел структурные особенности исследуемых сочетаний. В его научном труде «Из записок по русской грамматике» предложена атрибутивная интерпретация парных сочетаний типа *дани-пошлины, рать и сила, честь и слава,* о которых он говорит: «существительное с определительным прилагательным предполагает сочетание двух существительных, притом сочетание паратактическое, ибо подчинение одного из этих существительных другому хотя и не устраняет двойственности субстанций, но направлено к их объединению» [Потебня; 1968, 551с.].

Удвоение, объединение двух понятий в подобных сочетаниях, с точки зрения А.А. Потебни, есть способ создания нового значения, состоящего в

обобщении частных значений, а также в «идеализации в изображении предмета». И с этой точкой зрения трудно не согласиться.

Другой российский языковед Д.С. Лихачев называет приведенные выше сочетания разновидностью синонимических сочетаний: «Наиболее распространенный тип синонимических сочетаний – сращение типа *правда-истина, род-племя, честь-хвала* и т.д. Учёный считает, что в таких парных выражениях особенности значения каждого слова сохраняются, и само сращение приобретает в своем значении особый, дополнительный и новый оттенок. В результате образуется новое сочетание, с новыми особенностями значения, новым кругом поэтических ассоциаций и как бы усиленное в своем значении». Здесь учёный отмечает семантическую нерасчлененность, неделимость парных синонимов, которые образуются путем объединения двух понятий, «причем одно из понятий может быть видовым и конкретным, а другое – родовым и более абстрактным» [Лихачев, 1979 с. 76; 107-108].

Со стилистической точки зрения функции парных синонимов рассмотрены в трудах А.П. Евгеньевой, которая определяет, как «синонимические парные сочетания/парные сочетания синонимов». По мнению учёного, совместное употребление и слияние двух слов образует новое сложное сочетание. Основанием для сочетания синонимов в исследуемых единицах «служит совпадение значения, являющееся принципом, определяющим как подбор слов и словосочетаний, так и стилистическую функцию их, которая заключается в усилении, уточнении значения, в акцентировании его» [Евгеньева, 1963 с.48; 260].

Еще двое российских ученых С.В. Друговейко и С.В. Николаева исследуют парные названия с позиций стилистического анализа текста, они определяют роль парных слов организации поэтического текста [Друговейко, 1998, с.44; 113-114].

Для обозначения парных конструкций известный лингвист В.В. Колесов использует термины «парные именования», «парные соединения близкозначных слов», «редупликации», «сдвоенные формулы» [Колесов,

1990, 3-11]. Ученый выделяет особенности семантической организации парных синонимов.

По словам Колшанского на основе сближения частных значений, объединяемых слов, образуется «понятие собирательного смысла, художественная сила которого возникает из совместимости прежде разнонаправленных смыслов» [Колшанский, 2005, 231с].

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования в большой мере обусловлена недостаточной изученностью дублетов (слов-повторов) в современном таджикском и шугнанском языке на основе художественной литературы и двуязычных словарей в сопоставительном аспекте.

Важность изучения интересующей нас проблемы становится очевидной, если учесть, что изучение фактов языка на уровне лексики и семантики является тем важным звеном, в котором можно выявить не только лексический арсенал того или иного языка, но и структурно-семантическую этимологию, механизм развития полисемии и её использования в языке, особенно в сравнении с другим иранским бесписьменным языком – шугнанским, где сохранились утерянные слова-дублеты в ходе развитя современного таджикского языка. Сопоставительное изучение парных слов таджикского и шугнанского языков позволит установить общие и уникальные черты этих лексем в самих языках, а также выделить особенности функционирования этих слов как лингвистического феномена.

Актуальность темы данного диссертационного исследования также состоит в исследовании дублетных слов в таджикском и шугнанском языках, а также в создании единой концепции данного языкового явления, по которому можно выявить сходства и различия сопоставляемых языков.

Степень разработанности проблемы. Сопоставительно-типологическое исследование языков на современном этапе получило всемирную активизацию, и занимает ведущее место среди общеязыковедческих дисциплин.

В сфере изучения лексики редупликатов и слов-повторв в языках различного строя уделялось внимание таких ученых, как Дорюша Борбора, В.И. Абаева, Н.И. Ашмариной, Н., О.С. Ахмановой, А.Г. Герценберга, С.Д. Кацнельсона, В.С. Расторгуевой, Т.Н. Пахалиной, И.М. Стеблина-Каменского, В.С. Соколовой, Л.В. Успенской, С. Назарзода, М. Султона, Дж.И. Эдельмана, А. Мирбобоева, М. Мухаммадиева, И.М. Оранского, В.А. Лившица, Х.М. Маджидова, Б. Камолиддинова, П. Нурова, Д. Карамшоева, М и Ш Аламшоевых, П. Джамшедова, Л. Додихудоевой, М. Ленца, Шоу и другие. В качестве методической и научной основы настоящей диссертации послужили так же труды русских и таджикских ученых В.В. Виноградова, М.Н. Шанского, Н. Маъсуми, М. Хайдарова, Х. Шамбезода, О. Касимова, А. Мамадназарова, Д. Искандаровой, Л. Бекташ, Д. Музаффарова, М. Даминова и другие.

Правда, такого рода подражания и усложнения таджикского языка неоднократно критиковали лингвисты Р. Амонов, М. Шукуров, Р. Ходизода, Ш. Рустамов, М. Косимова, Р. Гаффоров, Ф. Карамшоев, Б. Камолиддинов и другие. «Подражание, – писал М. Шукуров, – никогда не может быть делом положительным... Начиная с 1919 года количество сокращенного ломаного множественного число в нашей письменности уменьшилось, а сегодня оно увеличивается». Эта форма редко встречается в языке таджикского народа, поэтому она редко попадала в литературный язык, который мы должны беречь и соблюдать (Шукуров, 1989). Сотим Улугзода также увидел эту ситуацию и сказал следующее: «К сожалению, некоторые наши писатели, видимо, хотят показать свою «умность» и пользуются сошедшими с языка и забытыми вещами и окончательно отталкивают от себя читателя. Нужно, чтобы редакторы не допускали подобных вещей, а требовать от авторов писать четко и ясно. Именно поэтому представители народа высказывали различные жалобы и недовольства в СМИ. [С.Улугзаде, 1986. – с. 18.].

Предметом исследования является общее и различительные черты дублетов и парных слов в сопоставляемых языках в семантическом и

грамматическом планах в контексте генетического родства и конвергентных отношениях послужила лексическая система дублетных слов и слов-повторов таджикского и шугнанского языков на базе художественной литературы, в частности книги Ф. Мухаммавдиева «Угловая палата» с точки зрения семантики функции и структуры вторичных номинации и словарей И. Зарубина, Д. Карамшоева, М. Аламшоева, Ш. Аламшоева, П. Джамшедова и М. Шодибековой по шугнанскому языку.

Объектом исследования являются редупликация и слова-повторы в таджикском и шугнанском языках как специфичная группа лексических единиц.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является описание процессов редупликации и лексики повтора в сопоставляемых языках. Цель исследования обусловлена конкретными задачами:

- рассмотреть различные подходы к изучению дублетов и слов-повторов;

- определить сущностные параметры дублетов и слов-повторов в традициях, принятых в иранистике;

- ознакомление с инструментарием лексики таджикских и шугнанских дублетов, словами и выражениями, понятиями и закономерностями их функционирования;

- установить особенности дублетов и слов-повторов, включая подражательную специфику в редупликативных образованиях;

- составление картотеки дублетных слов и слов-повторов из художественной литературы и двуязычных словарей;

- изучение морфологической и деривотологической структуры таджикских и шугнанских парных слов в сопоставительном аспекте;

- разработка классификации лексики повтора и методология их исследования;

дать семантическую характеристику словам-повторам на основе смысловых отношений компонентов;

- изучить лингвистический аспект повтора таджикского и шугнанского языков;

- описать употребление дублетов в таджикском и шугнанском языках;

- рассмотреть этимологию дублетов.

В связи с перечисленными задачами был проведен анализ теоретических вопросов, связанные с историей и классификацией дублетов, предложенными различными учеными. Также выполнялась практическая исследовательская работа по изучению каждого вида этих явлений на примерах, взятых из произведения Ф. Мухаммадиева «Угловая палата» и двуязычных словарей шугнанского языка.

Методы лингвистического исследования, применяемые в работе обусловлены её целью, задачами и характером материала. Теоретическую основу диссертации составили научные изыскания и теоретические выводы таджикских, русских и зарубежных языковедов. В процессе осуществления поставленных задач нами использованы следующие методы: описательный, включающий в себе приемы наблюдения, сравнительно-сопоставительный, и аналитическо-статический, необходимый при разработке классификации дублетов таджикского языка.

Материалом исследования послужила сплошная выборка из словарей таджикского и шугнанского языков, словарь синонимов, и повторов из произведения Ф. Мухаммадиева «Угловая палата», двух- и трёхязычние словари шугнанского языка Д. Карамшоева, М, Аламшоева, Ш. Аламшоева, П. Джамшедова, М. Шодибековой, а также язык СМИ и прессы.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в сопоставительном аспекте рассматриваются дублеты и слова-повторы таджикского и шугнанского языков. Данные языки генетически родственные, в ходе длительных контактов развили множество общих черт. В ходе исследования установлены общие и частные параметры дублетов и слов-повторов сопоставляемых слов, объяснены их причины, а также зафиксированы новые парно-образованные лексические единицы обоих

языков. Сопоставление материала таджикского и шугнанского языков позволило создать объективное представление об изучаемом феномене. Работа является первым исследованием проблематики дублетов таджикского и шугнанского языков в сопоставительном аспекте.

Научная новизна диссертационного исследования также заключается в том, что:

- впервые на материале художественного произведения и двуязычных словарей анализированы лексика дублетов и слов-повторов в сопоставительном аспекте.

- расширен корпус выявления механизмов лексики повтора (дублетов) в таджикском и шугнанском языках.

- уточнено место лексики повтора (дублетов) в системе лексики таджикского и шугнанского языков.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации собран и исследован большой языковой материал, которая впервые вводится в научный оборот в таджикском и шугнанском языках. Уточнена теория лексического повтора и дублетов, вывод из которой послужит дальнейшему изучению этих явлений, особенно в науке об иранских языках. Установлены общие и частные параметры функционирования дублетов и парных слов, существенно расширяющие представление о лексической системе сопоставляемых языков; выявлены этнические индивидуальные модели существования дублетных слов и слов-повторов в таджикском и шугнанском языках.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применении результатов исследования в чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по лексикологию и стилистике современного таджикского языка и в целом, а также теории перевод и лингвокультурологии. Работа может быть полезна при написании курсовых, дипломных, магистерских диссертации на филологических факультетах вузов республики.

На защиту выносятся следующие положения:

- дублетные слова используются как самостоятельная категория слов, которые имеют особое строение, семантику, словообразование и историю.

- источники происхождения дублетов в таджикском и шугнанском языках разнообразны.

- структура дублетных слов определяется историей народов – носителей данного языка.

- роль дублетных слов в развитии лексического состава в сопоставляемых языках.

д) этимологический анализ некоторых дублетов в таджикском и шугнанском.

Личное участие автора состоит в получении результатов, изложенных в диссертации, состоит в участии, обсуждении цели и задач исследования, в получении и обсуждении результатов, изложенных в диссертации, в формулировке ее основных положений и выводов, опубликовании полученных результатов. Автором лично проведена обработка, анализ и систематизация, полученного материала. Основные положения диссертации неоднократно докладывались автором на международных и отечественных конференциях в виде докладов.

Основные источники исследования. В качестве основных источников исследования выступают таджикские, шугнанские художественые произведения и двуязычные словари. По таджикскому языку нами проведена выборка редупликатов и слов-повторов по произведению Ф. Мухаммадиева «Угловая палата» (Палатаи кунҷакӣ) а по шугнанскому языку двуязычные словари Д. Карамшоева, М. Аламшоева и Ш. Аламшоева. Нами так же исползована книга Comparative Etymological Dictionary of Reduplication in the languages and Dialects of Iran. Общее количество редупликатов и слов-повторов в диссертации составляет 300 единиц для таджикского языка и 200 единиц для шугнанского языка, которые использованы при анализе материала.

Теоретико-методологическую основу работы составляют идеи и принципы исследования лексических единиц, разработанные в теориях и областях, связанных со становлением структурного, семантического, сравнительно-исторического, этимологического а так же когнитивного направления лингвистики, труды иранистов по изучаемой проблеме теории семантической лингвистики содержащиеся в трудах отечественных, российских и зарубежных лингвистов В.И. Абаева, Н.Ю. Апересяна, Н.И. Ашмариной, Н. А. Андреевой, М. Р. Федотовой, Г. М. Семёновой, О.С. Ахманова, А.Г. Герценберг, С.Д. Кацнельсон, В.С. Расторгуева, Т.Н. Пахалина, И.М. Стеблин-Каменский, В.С. Соколова, Л.В. Успенской, С. Назарзода, М. Султон, Дж. И. Эдельман, А. Мирбобоева, М. Мухаммадиева, И.М. Оранского, В.А. Лившиц, Х.М. Маджидова, Б. Камолиддинова, П. Нурова, Д. Карамшоева, М и Ш Аламшоевых, П. Джамшедова, Л. Додихудоевой, М Ленц, Шоу и других. В качестве методической и научной основы настоящей диссертации послужили так же труды русских и таджикских ученых В.В. Виноградова, М.Н. Шанского, Н. Маъсуми, М. Хайдарова, Х. Шамбезода, Мамаджонова, О. Касимова, А. Мамадназарова и др.

Методы исследования. В работе применялся комплекс методов; анализ, синтез, систематизация и классификация материала, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный и количественный. Работа также основана на количественно-качественных методах. В частности, автором объясняется распространённость дублетных слов и слов-повторов в таджикском и шугнанском языках их синтаксической обусловленностью.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложенные в докладах на ежегодных научных конференциях сотрудников Института языка и литературы имени А. Рудаки (2020-2022) а также на ежегодных конференциях кафедры иностранных языков национальной академии наук Таджикистана, международной конференции «Современные проблемы и перспективные направления инновационного

развития в лингвистике» (24.11.2022), участие в международной конференции при Институте лингвистики РАН в городе Москве, а также участвие в семинарах по памирским языкам при Бауманском университете (12. 2022).

Диссертация обсуждалась на заседание ученого совета кафедры иностранных языков национальной академии наук Таджикистана (протокол № от 2022). По теме диссертации опубликованы 7 статьи, из них 3 статьи в научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ, а также монография по теме работы.

Структура работы Диссертация состоит из введения, 3-х глав, заключения и выводов. В приложении приводятся списки дублетов на таджикском и их эквиваленты в шугнанском языке с переводом на русский язык. Библиография включает в себя работы отечественных, русских и зарубежных авторов, использованных в ходе исследования.

Основное содержание диссертационной работы. Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, определяются цели и задачи, объект исследования, научная новизна и ценность, достоверность методологической основы, теоретическая и практическая значимость работы, выносимые на защиту, положения, апробация результатов исследования и др.

В первой главе анализируются теоретические вопросы, касающиеся лексики индоиранских языков, её исторического развития, в частности, современных иранских языков.

Во второй главе анализируются дублетные слова и слова-повторы в современном таджикском языке на материале художественой литературы по произведению Фазлиддина Мухаммадиева «Палатаи кунҷакӣ» (Угловая палата).

В третьей главе подвергаются анализу дублеты и слова-повторы в шугнанском языке, которые собраны путём сплошной выборки из словарей по шугнанскому языку и устное творчество шугнанцев. Проводится сравнительный анализ собранного таджикского и шугнанского материала.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДУБЛЕТОВ И СЛОВ-ПОВТОРОВ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. К вопросу о сравнении слов-повторов и дублетных слов в лингвистике

Сравнительно-сопоставительное исследование в языкознании привлекало внимание многих зарубежных и отечественных лингвистов. Ознакомление с особенностями их точки зрения и сделанными ими заключениями даёт возможность для выработки определенного мнения и подходов к рассмотрению данного вопроса.

Сопоставляемые в настоящей диссертации языки относятся к индоевропейской семье языков, и типология их морфологических систем во многом совпадает. С данной точки зрения вполне закономерно полное или частичное совпадение проблем, связанных с классификацией частей речи и языковых явлений в этих языках.

Учитывая то, что таджикский и шугнанские языки по своим структурно-семантическим особенностям достаточно близки друг к другу, морфологические признаки этих языков имеют различное значение при определении характеристик большинства частей речи. Например, в шугнанском языке роль морфологического пласта доминирует при определении частей речи, а в таджикском языке эти части речи определяются главным образом на основании семантических и синтаксических признаков. Для каждого языка важной задачей является изучение и анализ его словарного запаса, его лексического фонда и степени употребления языковых возможностей.

Язык – как форма выражения мысли и важнейшее средство общения между людьми, изменяется и развивается наряду с изменением и развитием общества.

В частности, современное состояние сопоставляемых языков, обладающих богатейшим арсеналом языковых средств и вобравших в себя

все смысловые оттенки языка классического периода, позволяет причислить их к числу развитых языков мира. Однако, несмотря на все богатство и разнообразие лексического состава данных языков, они, так же, как и другие языки, нуждаются в совершенствовании, изменении и избирательном отношении в отборе нормативной лексики.

Языковые дублеты и синонимы в языке. Редупликации не являются ни сленгом, ни чисто звукоподражательными словами, или словами, не заслуживающими глубокого изучения, как считали многие грамматики до очередного всплеска внимания. Звукоподражательный аспект редупликации несколько преувеличен традиционными взглядами на редупликацию по сравнению с другими доступными типами.

Из-за отсутствия глубоких исследований и разрозненности информации до последних лет многие научные работы являются неполными, сомнительными или откровенно ошибочными; редупликации во многих словарях отсутствуют, спорадичны или недостаточны.

Лексически многие словари на самом деле передают только значение «первой» части слова или основы, или двух частей дословно, тогда как частичный дубликат часто имеет другое значение: в некоторых случаях повторение полностью утратило основное значение своего корня и сохранило только метафорический смысл, например: таджикско-персидское **ab «вода» + tab** «свечение, сияние, блеск»; **обу тоб+ab-u-tab,** метафорически означает закаливание, закаляться; таджикское **бастан, банд** «связать, конфисковать, заключить в тюрьму и т.д.» таджикский+ персидский **бастан** «закреплённый» **– банд-у-баст**, **банда**, метафорически «закулисная [незаконная] сделка, сговор»; таджикский **ҷав** “ячмень” **ҷаву ҷав, ҷав ба ҷав**, метофорически “частица части зерно за зерном, понемногу, **ҷаву ҷав** – понемножку; очень мало; постепенно"; или персидское **kirt** – случайно", метафорически kiri-kirt – случайно; волей-неволей; очень неактуально; совершенно непредвиденное”; таджикско-персидское **тар** “мокрый” + **хушк** “ шугн. кок – сухой” метафарический **тару хушк** “что угодно, всё”, как в:

Дар инқилоб тару хушк бо ҳам месӯзанд; преобразование первоначальной коннотации в метафорический смысл не обязательно требует периодов времени, т.е. **шол – кулох**, которое начиналось как одно слово, обозначающее официальный “головной убор” у разных народов в настоящее время используется исключительно в метафорическом значении **шал-кулах** [кардан] – наряжаться. Арабский **faq - faq > faq** – скипящие пузыри, треск или шипение, метафорически faq-**faq > faq-aq-at > faq-fiq-at** < волдыри на коже; Турецкий **бок** – экскременты, дерьмо, метафорически "**бок-бок” бом-бок –** очень плохой, отвратительный; дерьмовый: сложный"; Турецкий **улаг-улак** по-разному “лошадь; вестник”, метафорически " **улаг-улаг > улаг-б-улаг**/" **улак-улак> улак-б-улак** – очень неорганизованный, запутанный: Английский " **knack-knack** – безделушка пустяк игрушка, происходящая от метафорического значения пустяк, как щелканье пальцев и т.д.

Путем сопоставления большого разнообразия редупликаций в разных языках и детального изучения различных денотатов в значительном количестве источников стало возможным добавить много новых записей, которых нет ни в одном словаре, даже в специализированных трудах по редупликации, и прояснить и расширить большую часть реального смысла. В нашей работе были собраны редупликации или слова-повторы по произведению Ф.Мухаммадиева «Палатаи кунҷакӣ» (Угловая палата).

Редупликации не ограничиваются какой-либо семьей языков или конкретным языком, хотя их частота может значительно варьироваться от одного языка к другому. Дублирование существует на разных уровнях и с разной частотой во всех древних языках. Исследование показывает, что некоторые редупликаты имеют очень древние корни, возможно, уходящие глубоко доисторические периоды.

По статистике, согласно исследованиям профессора Дорюша Борбора персидские редупликаты содержат по крайней мере 6% индоевропейских, 24% санскритских, 29% авестийских, 15% древнеперсидских и 48%

среднеперсидских языков. Персидизированные редупликаты, имеющие арабские корни, не превышают 14%. [Borbor D. 2008, 520c].

Другим очевидным доказательством многих редупликатов является их близость к самым основным человеческим потребностям и речевым потребностям. Простой демонстрацией этого является тот факт, что из примерно 270 основных слов около 100 или более одной трети тем или иным образом встречаются в нашем лексиконе в повторяющейся форме. Если мы сократим сравнительный список Кристенсена до более основных элементов, процентное соотношение увеличится до более чем половины. Некоторые малоизвестные, но, очевидно, очень необходимые части тела, такие как «*зрачок глаза*», встречаются в повторной форме во многих древних и современных родственных или неродственных языках, столь же разнесенных во времени и пространстве, как лувийский, хеттский, арабский, персидский, японский и английский. Универсальная ассоциация этой крошечной части тела с младенцем во многих неродственных языках является очевидным доказательством очень древней ассоциации:

Бу-бу > бу бу > бу-бу аль-айн: «зрачок глаза, зеница ока» (лувийское **ti-ti-ta**, которое существует также в хеттском «зрачок [глаза]»; Эламские **ти-ти-каш** могут скрывать древнеперсидские **ди-ди-яка / ти-ти-яка**; Арабский **бу-бу-бу-бун бу-бу ал-айн.** Еврейское **бах-бах > ба-ба**. Сирийский **бу-бу**, Персидский, **"ба-ба > ба-бак / би-би > би- би-ак.** Курдский, **ба-ба / би-би / бил-бил**. Армянский, "**би-би, би-б-пи-пи-к, пу-пу-к.** турецкий, **бе-бе > бе-ек, "бу-бу/ бу-бу**. Греческий, ***ви -ви > ви.** английский **bybe,** зрачок «зрачок глаза» на персидском языке **ni-ni** означает как ребенок», так и зрачок глаза, то же самое различимо в причем английском языке, младенцы в глаза, как в: **ў дастҳояшро ба гарданаш овехта ўро даҳ бор бўсид**. (Она обвила его шею, подарила ему десять поцелуев). В диалекте гелакӣ (Иран) **çumi ni-ni**, в диалекте логардӣ **ni-ni-yak**. персидский, **нӣ-нӣ**, симнани, **нӣ-нӣ > пӣ-пӣ-ка.** систанӣ, **ni-ni,** согд., -**ny-ny > ny-nk** «зрачок глаза», арабское, на-**на > на-на" > на-на / ну-ну > ну-ну**" [продолжительно / непрерывное] вращение зрачка

глаза. В сирийском, **на-на > на-но**. осетинский, **га-га > гаго-у> га-гу-й**. грузинский, **га-га > гу-га**. персидский **ка-ка > ка-к > ки-к** (зрачок) японский," каку-каку > каку-маку «роговица», африканские языки **ми-м-me-m [m] e mu-m[m]**. [Hurch, Bernard; Mattes, Veronika, 2005.].

Древняя природа некоторых дуплетов привела к ситуации, когда некоторые дубликаты больше не актуальны в исходном языке, но все еще преобладают в языке получателя, например, персидский *чобук-чобук* > турецкий *габук-габук* и т.д. В других случаях аутентичная форма сохраняется в импортированном, тогда как исходная форма на родном языке изменилась, например, турецкий *толан-толан* сохранился в персидском языке, а турецкая форма изменилась на *алан-талан.*

Очень трудно установить, какие арабские слова вошли в турецкий напрямую, а какие через персидский, поскольку, насколько нам известно, систематических исследований по этому вопросу не проводилось.

Существует два типа редупликации: «не модифицированная», «полная» и «модифицированная» или «частичная». В качестве исключения мы включили некоторые японские и исландские примеры и их эквиваленты для целей сравнения. Японский будучи генетически изолированным и, казалось бы, далеким языком, содержит большое количество дублетов, многие из которых обладают необычайной семантикой с персидским или другими рассматриваемыми языками и диалектами и в другой стороне мира, исландский, который сохранил больше сконструированных индоевропейских корней, чем любой другой живой язык, около 57% [Johannesson, Alexander, 1952, p.8], также сохранил некоторые интересные редупликаты, также демонстрирующие семантическую близость к нашему исследованию, например, *kar-kar erglanzen, aufleuchten* (сиять ярко)*, bul- ul* (вспыхивать); *cenkungen* (тонуть, окунуться, падать)*, mowifen* (глубокий, глубинный разрыв) и т.д.

Частичные дублированные конструкции могут относиться ко многим возможным подтипам, в зависимости от того, как определена конкретная

дублируемая часть. Должны быть определенные пределы вариативности форм редупликационных конструкций в естественных человеческих языках. Свойства дублируемого объекта в принципе могут быть определены либо мономодальное (через смысловые свойства), либо бимодально (через звуковые свойства), либо по отношению к обоим; таким образом, они могут быть семантико-синтаксическими составляющими или могут быть фонетико-фонологическими терминами. При редупликации всегда делается ссылка, как на смысл, так и на звуковую форму.

Повтор и удвоение подвергались серьезному изучению в области морфологии и фонологии с 1970-х годов, в основном в США, включая ряд попыток сформулировать универсальные правила, ни одна из которых не нашла полного удовлетворения. До этого периода имеется лишь несколько ценных работ. Очень похвальные усилия были предприняты в последние годы Грацским лингвистическим институтом, включая создание базы данных по дублированию и организацию международных конференций, поэтому вопросу. [Borbor D. 2008, 520c].

Из-за сложной связи редупликации с семантикой в этой области не может быть достигнут значительный прогресс до тех пор, пока лексиконы редупликаций не станут доступными для широкого круга языков. Мы надеемся, что наша работа побудит других следовать этому примеру в других языках, создав основу для более всестороннего изучения редупликации и общей лингвистики.

В качестве объекта своего анализа мы выбираем те проблемы, которые являются наиболее актуальными, господствующими в современном языкознании. Всё более интенсивно оно способствует разработке основ универсальной теории сопоставительно-типологического анализа. У истоков этой науки стояли такие выдающиеся исследователи XX-го столетия, как Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, И.И. Мещанинова, и др. В более поздних исследованиях этого направления в трудах В.Н. Ярцевой, А.И. Смирницкого, В.А. Звегинцева, В.Д. Аракина, И.И. Мещанинова, Е.Д.Поливанова, Л.В.

Щербы, Ш. Балли, С.Д. Кацнельсон и др., а также русские и таджикские А.А.Реформатский, А.И. Смирницкий, А.А. Уфимцева, В.А. Виноградова, Э. Сепир, Дж. Эдельман, Borbor D., П. Джамшедова, Назарзода С., А. Мирбобоев, Ф.Зикриёева, Р.Л. Неменовой, Джураев Р., Ибрагимовой М., Холматовой С., Джаматова С., Мамадназарова А., Саймиддинова Д., Абдуллаевой М, и многих других разрабатывается широкий круг вопросов, касающийся методов и аспектов осуществления анализа, определяется его значение для общей теории языка, выработки универсальных способов для раскрытия различных аспектов изучения языковых единиц и их систем.

Сравнение одного и того же языкового явления в структуре двух языков позволяет более четко и наглядно вскрыть сущность изучаемого явления, обнаружить его специфику как в языковом, так и в речевом, функциональном аспекте.

Следует заметить, что данный процесс в современном языкознании в целом настолько углубился, что охватил все структурные уровни языков.

Дуплетные слова таджикского языка образуются с помощью следующих средств:

1. через связующее звено -у (-ю): *шодию хурсандӣ, дару девор, меҳру муҳаббат, созу наво, хушу хурсандӣ, шабу руз, хашму ғазаб, сурху сафед, кору бор, шарму ҳаё, еру диёр, аҳду вафо, шуру ғавғо*.

2. путём соединительной *ма-; баҳс- мабаҳс*,

3. интонацией, без какой-либо формы; *сиҳат саломат, курпа болишт, китоб-дафтар, курпа-бистар и др.*

4. с помощью предлогов и послелогов *ба, то, аз, дар* и т.д *даст ба даст, сар ба сар, гул ба гул, руз ба руз, сол ба сол, хона ба хона* и тд.

Дублетные лексические единицы двойного употребления широко используются в таджикском языке и делают речь более эффектной и беглой. Являясь одним из способов словообразования таджикского языка, фразеологизмы также служат определенной целью в обогащении языка (речи). Несмотря на все это, они не достигли уровня изучения и исследования

в таджикской лингвистике. Прежде всего, мы сочли необходимым уделить внимание вопросу классификации (классификации) этих единиц. Конечно, наша классификация является первым опытом и основана на материалах, собранных нами из языка мастеров речи С. Айни, С. Улугзаде, Дж. Икроми, Фазлиддина Мухаммадиева, Рахима Джалиля, Расула Хадизода, Пулода Толиса и других, а также разговорного и фольклорного материала (лексические единицы двойного употребления относительно больше употребляются в разговорной речи и творческой устной речи народа). Наша классификация учитывает семантическую, структурную и функциональную функции этих единиц, (рассматривается не только таджикское, но и лингвистические исследования шугнанских и таджикских языковедов и других народов). Итак, согласно собранному языковому материалу, мы классифицируем лексические единицы дуплетов следующим образом:

- словарные единицы парного употребления, состав которых не может быть нарушен: вторая часть не может быть отделена от первой части; второй компонент дается для усиления первого компонента как словесного соотношения; некоторые из вторых компонентов не имеют определенного словарного значения; они не могут дать значение словаря вместе с первой частью. Слова этой пары употребления были разделены и дроблены. Обычно они используются как единая форма, поэтому их также можно называть расширенными дуплетами. Например, *нозу неъмат, раъду барқ, бому дар, дашту даман, обу арақ, ғаму ғусса, заҳру заҳум, долу дарахт, орзую омол, одаму олам, боғу роғ, ҷангу ҷидол, ғала пала, калтаку куртак, чоку чилок, хоку хингил, сӯзу гудоз, сару бар, бача-кача, фаччу лач, гапу калоча, чӯбу чаҳс, беху бун, харачу марач, апаку чапак, балову ано, др*.

Шумо калон шавед, нозу неъмати ҷамъията офаред, ана сонӣ ҳақ доред бигӯед, ки замони Шумо даррасид. [Муҳаммадиев, 1974, с.364]. (Растите, творите добро для общества, и вы вправе сказать, что пришло ваше время). *Соате қабл аз раъду барқ ва борони сел ба таги шонаҳояш, ба дасту пояш дард даромад, вале ҳамин, ки ҳиссаи аввали обҳои осмонӣ ба сару бому*

дару долу дарахт фурӯ рехт, дард пасанда шуд ва чашми ӯро ғанаб бурд. [Муҳаммадиев, 1974, с.5]. (За час до грома и проливного дождя у него начались боли в руках и ногах, но как только первая часть небесных вод обрушилась на деревья, боль стихла и глаза закрылись). *Баръакс,бо ҳикояти каждуму заҳру зуқум ман дилгиратон кардам.* [Муҳаммадиев, 1974, с.356]. (Наоборот, я утомил вас рассказом о скорпионах, яде и чуме). *Ягон бор аз мушкилӣ, аз ғаму ғусса нагиристам.* [Муҳаммадиев, 1974, с.363]. (Я никогда не плакал из-за проблемы). *Қалби беғашу наҷибе доштааст.* [Муҳаммадиев, 1974, с.252]. (У него великодушное и благородное сердце).

Ряд таких слов речи имеет арабское произношение: *хайру шарр, ҳисобу китоб, дурушту дағал, тартибу тариқат, ранҷу машаққат, радду бадал, макру ҳиял, назру ниёз, зеру забар, лолу мим, қазову қадар, сиҳат-саломат, аҷоибу ғароиб, аллоҳу акбар, дину имон, хайру эҳсон, ассалому алейкум, зиллату иллат.*

Примеры: *Дар хусуси дилгир гузаштани рӯзҳои истироҳат, кам будани тамошогоҳ барои бачаҳои хурдсол сухане чанд радду бадал мешуд*. [Муҳаммадиев, 1974, с.138]. (Было много разговоров о скучных выходных, отсутствии развлечений для маленьких детей). *Сухан аз мушкилию мураккабиҳои кори табибон, ранҷу машаққатҳои онон мерафта бошад, дар воқеъ рост мегӯянд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.9]. (Говоря о трудностях и осложнениях работы врачей, их страданиях, они говорят правду). *Баъд саргузашти гарони Хиромон, феъли аҷибу ғариб ва мураккаби ӯро ба ёд овард.* [Муҳаммадиев, 1974, с.251]. (Потом он вспомнил грустную историю Хиромона, его странное и сложное поведение). *Лекин Иброҳиҷон мисли шавҳари Хиромон он қадар накӯкори маҳзу соддадил нест, ки аз макру ҳияли ҳамҷинс ғофил монад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.184]. (Но Ибрагимджан, как и муж Хироман, не настолько добродетелен и простодушен, чтобы не обращать внимания на козни своего пола). *Чаро рӯзгорро чунин тартибу тариқат бахшидаӣ, ки кас то даме ки аз саломатӣ маҳрум нашавад, қадри онро намешиносад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.65]. (Зачем вы устроили жизнь

так, что человек не знает ее цены, пока не потеряет здоровье). *Ин мӯйсафеди ботамкин ва некдил ҳам фақат се рӯз қабл аз ин ба назараш дурушту даҳал менамуд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.66]. (Этот спокойный и добросердечный старик казался ему резким и грубым еще три дня назад).

В эту же группу входят лучшие сочинения, состоящие из двух двойных слов. Отличить их друг от друга невозможно, в случае их повторения будет нарушен смысл слова «двойник», и образ будет испорчен. Из-за этого их используют, как целую пару: *Ҳусни табиӣ, ин бартарии табиат атокарда бар акси худ мубаддал шуда, сабабгори ранҷу озораш гаштааст.* [Муҳаммадиев, 1974, с.184]. (Естественное счастье, это преимущество, данное природой, превратилось в ее собственный образ и стало причиной страданий). *Бале, моями рақобат рашку ҳасад буд, мақсад азбайн бардоштани шавҳари Хиромон буд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.184]. (Да, источником соперничества была ревность, целью было уничтожить мужа Хиромона). *Очаву бача ҳар кадоме дастаи гул дар баҳал ба назди мошин омаданд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.186]. (Мать и сын подошли к машине каждый с букетом цветов в руках).

В эту группу также входит еще одна модель, как и упомянутая единица потребления, нельзя отделить друг от друга. Вторая часть из них представлена по аналогии, как рифма, а некоторые из них шаблонны и не имеют смысла, такие стереотипы стали очень устоявшимися и устойчивыми: *Дар назари воло ба молу пулу ашёи одаму олам, дар завқу ҳавас ба зебоӣ нафосат.* [Муҳаммадиев, 1974, с.137]. (В высоком взгляде на богатство, деньги и предметы людей и мира, во вкусе и страсти к красоте). *Ин чӣ савдоест, ки ҳастии маро, тану ҷону фикру зикру орзую омоли маро тасхир кардааст.* [Муҳаммадиев, 1974, с.137]. (Что это за дело, захватившее мое существо, мое тело, разум, мысли, мечты и желания).

Имитационные слова, неполные повторы, осмысленные слова, образованные от восклицаний, также относятся к группе слов устойчивого употребления: *ҳисобу китоб, гушу ҳуш, алғав-далғав, харачу-марач, гапу*

калоча, чингу линг, масту аласт, оҳу оҳ, оҳу вой, ҳай-пай, пачақу мачақ, чиккаву пукка, чин-пин, пагоҳ-магоҳ, дарҳам-барҳам, лашу луш, чолоку чалок, молу ҳол, ҳангу манг, моту маҳбут, сузу гудоз, шарту шурт.

Например, *Лекин агар малоикаҳои бухгалтерияи осмонӣ, ки ҳисобу китоби хайру шарри заминиён машғуланд, малоикаҳои баинсоф неши каждуми шумро бояд ба ҷои ду, ҳатто се-чор ҳисоб кунанд.* [Муҳаммадиев, 1974, с. 354].

Шабу рӯз, дар мактабу хона, маҷлису машварат ана ҳамин маъно ба гушу ҳуши мо талқин мешуд. [Муҳаммадиев, 1974, с.233].

Сложные слова, составные части которых являются синонимами и синонимами друг друга, также считаются устойчивыми сложными словами. Примеры: *наву тоза, қадду қомат, ҳавову ҳавас, орзуву ҳавас, яккаву танҳо, ғаму андӯҳ, суруди тарона, гушаву канор, ёру дуст, ёру ошно, шӯру ғавғо, макру ҳиял, ранҷу озор, рашку ҳасад, нозуку маҳин, чусту чолок* и др.

Он ҷо илова ба ҳамаи ин ҳусну накҳат, боз идгоҳи мардумон қарор ёфтаасту садои хандаю бозӣ, шодию сурури онҳо бар осмонҳо мепечид. [Муҳаммадиев, 1974, с. 245]. *Ин мӯйсафеди ботамкин ва некдил ҳам фақат се рӯз қабл аз ин ба назараш дурушту даҳал менамуд*. [Муҳаммадиев, 1974, с. 66].

Одним из особенностей слов-употреблений является то, что большинство из них являются лингвистическими и стилистическими, они не являются общеупотребительными и используются сценаристами с целью персонализации персонажей. Например, распространенная лексема *қошу қавоқ* в основном используется в разных регионах и имеет тюркское происхождение. Это слово использовали писатели Дж. Икроми и Пулод Толис с целью персонализации персонажей своих произведений и придания эффектности их речи. Квалифицированные писатели взяли эту единицу вместе с другими типами наречий, такими как *барфу борон* шугн: *жинич ат борӯн* (снег и дождь); *Як умр аз қошу қавокаш барфу борон меборад.*

[Муҳаммадиев, 1974, с. 60].(Дождь и снег на всю жизнь). [Муҳаммадиев, 1989, 283с.].

Таким образом, такие лексические шаблоны, компоненты которых взаимосвязаны, в настоящее время являются синонимами друг друга. Правильно называть их лексическими единицами устойчивого употребления, поскольку они являются устойчивыми единицами, не поддающимися разделению на компоненты значения, а их составные части всегда сочетаются и выражаются как единое целое в устойчивом шаблоне.

В таджикском языке используется и другой тип сложных слов, состоящий из двух компонентов, компоненты которых тесно связаны друг с другом. Условно их можно назвать слова двойного употребления термином лексических единиц слепков двойного употребления. Потому что по цели выражения и стилистической необходимости, а также по своим выразительным функциям, даже если они составлены из двух самостоятельных компонентов с разным значением, они сочетаются и интегрируются. Именно в их сочетании они действуют выразительно и эффектно. Смысл части таких дублетов не исходит непосредственно из лексического значения их частей, но мы понимаем его через их общее и некоторое метафорическое значение: *Шабу рӯзро бо айшу тараби ба қавли худаш, риндона ба сар бурда буд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.269].

В этом примере единица пары ночь и день выражает значения непрерывного времени, вечности действия и состояния, а не словарное значение «ночи» и «дня».

Слова-дублеты *нону намак, ошу нон, хӯрду хӯрок, ошу об, хӯрду хӯр;* выражают значения наслаждения едой, участия в чьей-то трапезе и т.п.: *Ин одамро ошу нон надиҳеду аз воқеоти ҷанг нақл кунед*. [Муҳаммадиев, 1974, с.180].

Или распространённые дуплеты *каму беш* (более или менее) означают одно и то же, они представляют определенную сумму: *Аз ҳамин кораш каму беш сармоя ғундошта истодааст.* [Муҳаммадиев, 1974, с.180].

Некоторые из этих дублетов стали терминами различных областей: *обу хаво, боду хаво (иқлим), хату савод (маълумот, маърифатнокӣ), ҳисобу китоб (муҳандисӣ, бухгалтерия, қоғазу қалам (зиёӣ будан, навиштан, котибӣ, нависандагӣ), обу замин, кору бор (кишоварзӣ, хоҷагии қишлоқ), китобу қалам (омили зиёӣ), гарму хунук (зарфи гарму хунук, мафҳуми динӣ, маҷоз); доруву даво, доруву дармон (тиббӣ: дору, маводи табобатӣ); зану бача, марду зан (оила), обу нон, ошу нон, нону об, нону намак (хӯрокиҳо, ғизо), арраю теша (асбоби дуредгарӣ), сармову гармо – гарму сард, сардию гармӣ, (рӯзгор), хурду калон (ҳама одамон, мардум, ҷомеа), саволу ҷавоб (пурсиш), чизу чора (мол) сарфу наҳв (грамматика), коргару деҳқон (синф) ва ғ.*

Например: *Инсон хоҳ зану хоҳ мард – то калон шуда, ман барин мӯйсафед шуданаш, тақрибан ҳама чизе, ки ба муносибати марду зан дахл дорад, мебинад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.235]. *Дар филмҳои ҳуҷҷатии, масалан дар зарфи 30 сол бардоштаашон бояд кору бору зисту зиндагонии мардуми ҳамаи соҳаҳои хоҷагӣ ва маданият инъикос ёбад.* [Муҳаммадиев, 1974, с. 240].

Как мы видим из приведенных примеров, единицы двупричастного глагола, как и готовые двусмысленные слова, имеют порядок в этой функции они не делятся на отдельные части и имеют единое значение, то есть семантически целое. Однако между этими наречиями есть некоторые отличия: а) общее значение наречных единиц тесно связано с содержанием их компонентов по сравнению с фиксированными наречиями, их значение обнаруживается в исходных значениях составляющих их слов. В самом деле, первоначальное значение их составных частей позволяет быстро понять общее содержание устойчивых двуствольных единиц; 6) сложные предложения единиц фиксированного двойного употребления – это разные слова с многозначностью, в этом смысле они отличаются от устойчивого двойного употребления (первый тип). Благодаря этим словам слова выражаются единым образцом связным и гармоничным образом, а вместе они объясняют одно и то же значение словаря.: *тобу тавон, ҳусну накҳат,*

шодию сурур, *шуру ғавғо, тираву тор, ёду ҳуш, атвору кирдор, сарv сомон, урфу одат, хулқу атвор, хору хас, дуру дароз, чизу чора, хасv хошок, даву ғеч, дону дид, обу арак, хобу хур, ёру ҷура, чангу ғубор, тахту тоҷ, тару тоза, тунду тез, қурбу киммат, зеру забар, чину оҷинг, каду баст, ҳисобу китоб, обу замии, обу ҳаво, хату савод, қоғазу қалам, ҳисобу китоб, хурду калон, шабу руз (рузу шаб), солу моҳ, нону намак, буду шуд, ибою хато, саволу ҷавоб, ошу нон (нону ош), синну сол, дору-дармон, сармову гармо, зану бача, обу нон, ору номус*.

Примеры: *Акнун аз Душанбе тобу тавони дурӣ надошт*. [Муҳаммадиев, 1974, с. 242]. *Он ҷо илова ба ҳамаи ин ҳусну накҳат, боз идгоҳи мардумон қарор ёфтааасту садои хандаю бозӣ, шодию сурури онҳо бар осмонҳо мепечад*. [Муҳаммадиев, 1974, с. 245].

Отличительные черты зависимых пар состоят в том, что они могут функционировать независимо, не теряя своей смысловой самостоятельности. Например, в *ошуфтаю парешон* можно использовать одно из существительных, не удаляя его какую-то часть. Например, *Дар хона зани никоҳиаш ошуфтаю парешон менишаст, ки ўро ростӣ, дўст намедошт.* [Муҳаммадиев, 1974, с.268].

Но в таджикском языке эти два слова всегда употребляются вместе, в одном и том же узоре выливается, как будто они связаны друг с другом. Эти дублеты употребляются именно в смысловом единстве, и в этом способе выражения повышается их действенность и выразительность, форма их выражения протекает, и благодаря этому они становятся понятными. Примеры: *Магар ба ин гуна муҳит меҳру муҳаббати одамӣ қадам мениҳад?* [Муҳаммадиев, 1974, с.269]. *Робитаи марду зан, ки бояд аз маҳрамонатарин, покизатарин ва нафистарин лаҳзаҳои ҳаёт бошад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.269]. *Боре яке аз лўъбатаконаш ба ҷону ҳол намонда, ба бошишгоҳаш бурд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.269].

По этой причине в единицах третьей группы считается, что они более зависимы и связаны друг с другом, и что они сближаются. Рассмотрена

большая часть их стилистической функции, тематики и эффективности. Недаром некоторые из них выражаются в особых формах стекания: *Рост мегӯӣ, азизам, ғами гапи касу нокаса нахӯр.* [Муҳаммадиев, 1974, с.273]. *Дар як оиначаи майдаяки чашми одамӣ ин қадар эҳсосу афкор акс меёбад, ҳам шодию фараҳ, ғаму андӯҳ ва орзую умед, ҳам ҷаҳон-ҷаҳон андешаҳо мегуфт ӯ ба худ.* [Муҳаммадиев, 1974, с.274].

Таким образом, состав связанного дублета помог этим единицам стать еще более устойчивыми. Примеры: *Ба ҷону дил, – Иброҳимҷон бо оҳанге ки ариза ё саволнома мехонанд, тез-тез гӯё қироат мекард.* [Муҳаммадиев, 1974, с.275]. *Ба деворҳо қолин овезед, ба ҳар гӯша телевизор монед, ҳар соат меваи тару тоза биёред* [Муҳаммадиев, 1974, с.283].

Таким образом, как свидетельствуют приведенные примеры, дублеты-фразеологизмы употребляются как сами по себе, так и в сочетании с другими элементами фразеологизма: их значение связано с содержанием компонентов их состава, и в основе этого отношения (связи) лежит на смещении значения слова создаются, то есть значение таких фразеологических пар мы понимаем не непосредственно, а через образное значение слов. Чудотворная и образная выразительность – одна из характерных черт фразеологизмов.

Уместно сказать, что дублетные единицы таджикского языка также рассматриваются как один из источников словообразования. Например, сложные слова, образованные с помощью союзных союзов -у (ю), и, образованные от единиц двойного употребления: *гуфту шунид – гуфтушунид, рафту омад, омаду рафт – омадурафт, болою поин – болопоин. каллаю поча – каллапоча, тохту тоз – тохтутоз.*

Предполагается, что часть единиц пары в данный момент находится в процессе перехода в составные слова. Например, *хайру хуш, гирду гун, саволу ҷавоб, каҷу килеб, пасту баланд*, *ҷабру ҷафо* и др.

Примеры: *Шумо пасту баландии ин районро аз куҷо медонед?* [Муҳаммадиев, 1974, с.286]. *Ба ҳамаи ҷабру ҷафоҳои кашидаам лаънат мехонам.* [Муҳаммадиев, 1974, с.292].

И так, все виды лексических единиц двойного употребления существуют в виде отдельных и готовых слов; по способу употребления они не делятся на отдельные части и имеют общее значение (семантически одно и то же), имеют значение одного слова. Именно в этом отношении они все похожи друг на друга.

Еще одна общность между редупликантами заключается в том, что при синтаксическом анализе они интерпретируются как часть предложения: их можно заменить самостоятельным словом. С этой точки зрения можно сказать, что все они принимаются как устойчивые образцы речи. Их синтаксические функции – в целом, рассматриваемые как член предложения – будут свидетельствовать об этом утверждении.

1. Дублеты – подлежащие: *Ҳамту гуфта боҷу хироҷи таъинкардаи қурбошиҳоро адо накардааст.* [Муҳаммадиев, 1974, с.295].

2. Дублеты – сказуемое, *Гӯё намедонист, ки ба занӣ зӯран гирифта додаашон рағбате надорад, меҳру муҳббат як сӯ монд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.305].

3. Единицей пары наречий является предложение: *Ман ҳазл намекунам* (Я не шучу). (Засада, 113).

4. Дублеты – определение: *Агар ҳушу ёди худ ва қуввати дастонашро ба маҳкам доштани қафаса равона кунад, нафосати зарбу савт мекоҳид.* [Муҳаммадиев, 1974, с.312]. *Сонӣ, дар болои релсҳо ба тамоми тӯли майдони бинокорӣ пасу пеш меравад.* [Муҳаммадиев, 1974, с. 312]. *Ба пешвози Абӯшитофтанаш вуҷуди ӯро фаро гирифта, ақлу ҳушашро тасхир карда буд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.314]. *Лекин шумо аз чашмдошти мӯйсафеди оламу одамдида ҳам зеботар будаед.* [Муҳаммадиев, 1974, с.315].

5. Дублеты – дополнение: *Намедонанд, ки дар он дами ошӯби хашму ғазаб ва нафрату кароҳат бо даст ё пой кадом фишанги дастгоҳро пахш кардаст.* [Муҳаммадиев, 1974, с.314]. *Лекин дасту дилам ба кори намеравад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.321]. *Дукаса баҳсу мунозиракунон маслиҳат мекарданд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.322].

6. Дублеты – обстоятельства: *ӯ ҳамин буд, ки нақшаи ӯро дар бораи сохтанни филми мустақил аз кору бору зиндагонии Хиромон бечуну чаро хоҳанд пазируфт.* [Муҳаммадиев, 1974, с.17].

Следует отметить, что все виды лексических единиц парного употребления (корневые, продолженные и зависимые) не делятся на смысловые части, они семантически целы, их общее значение связано с содержанием компонентов (слов) их состава; при синтаксическом анализе они выступают только как один член предложения; по смыслу они соотносятся и могут быть заменены, одним словом.

Такие единицы языка являются одним из источников обогащения лексического состава языка (речи), а также их можно рассматривать как один из способов словообразования таджикского языка. Лексические единицы двустишия имеют стилистический характер: они представляют собой очень расплывчатые образцы таджикского языка и делают речь эффектной и эмоциональной.

Дублеты имеют непосредственное отношение к синтаксической синонимии, так как зачастую применяются в различных предложениях во избежание однообразия и повтора слов. Они дополняют и объединяют значения, которые в отдельности не всегда несут определенную семантическую нагрузку. Кроме того, парадигматика синонимов с дублетными значениями – симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, и это приводит к яркой и неординарной выраженности дублетов.

Для установления отличительных черт дублетов необходимо, дать исчерпывающую характеристику слов-дублетов с целью их сопоставления с парными синонимами и синонимическими единицами в составе определённого микрополя.

Языковые дублеты также, как и парные синонимы, да и вся группа синонимов способствуют раскрытию целей автора или говорящего красочности и оказанию влияния речи. В «Толковом словаре» В.И. Даля

[1863-1866] дана следующая характеристика слова «дуплет/дублет» и его семантических вариаций: *дуплет, (франц) вещь вдвойне; две вполне равные, одинаковые вещи, из которых посему одна в излишке: говорят о книгах монетах и пр. двойник о сросшихся гранках: двойчата, двоешник; о поддельном камне: сдвоенный, из двух стекол и другие***.**

Дублеты или дуплеты – это взаимозаменяющие попарно используемые слова, обладающие одинаковой семантической нагрузкой, которая, однако, не обязательно должна быть эквивалентной;

1) дублирующие друг друга лексические единицы употребляются попарно, дополняют и консолидируют значения, которые в отдельности не всегда несут определённую семантическую нагрузку.

2) парадигматика функционально-семантических микросистем с дублетными значениями – симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, что может представляться в различной форме, в особенности дублетов в составе сопоставляемых языков. В современном таджикском языке данное понятия также широко употребляется. Она трактуется в значениях *дугоник, ҳамранг, нусха* «двойник, подобие, копия» и в морфологическом выражении используется в качестве существительных-дубликат документа, прилагательных – дублирующий состав и глаголов- дублировать что-либо.

В отечественном языкознании впервые данная проблема была освещена в работах известного таджикского лексиколога, специалиста в области синонимии – М. Мухаммадиева [Мухаммадиев, 1968.– 165с].

Необходимо отметить, что работы известного таджикского лексиколога М. Мухаммадиева были лишь первым шагом на пути исследования таджикских дублетов. Это самое первое суждение о новом аспекте структуры дублетов таджикского языка. Однако, к сожалению, данный вопрос по сей день не нашёл своего должного анализа и исследования и не проник в учебники по таджикскому языку, и даже в академическое издание грамматики таджикского языка. Наряду с этим, в большинстве видов стиля

речи дублеты используются довольно широко, они даже имеют различные разновидности и отображают природу таджикского языка выясняется, что такие слова не появились или были заимствованы из других языков, а всегда исконно существовали.

Необходима отметить, что в некоторых научных работах, посвященных проблеме синонимии принят к употреблению термин «дублетность» т.е. *вожаҳои ҷуфтистеъмол*. По нашему мнению, этот выбор является наиболее подходящим, он звучит лучше, чем термин «дуплет». Это связано с тем, что все дублеты выражены идентичными по своей семантике словами или устойчивыми цельными выражениями. Исследование данного вопроса имеет как научное, так и практическое значение и свидетельствует о том, что таджикский язык имеет свою особую и богатую грамматику и до сих пор в нем есть множество нераскрытых сторон, не исследованных в полном объёме. В связи с этим, наша цель и задача состоит в том, чтобы по мере возможности пролить свет на данный вопрос и всесторонне рассмотреть суть и разновидности дублетов с целью, чтобы данная тема нашла своё место и отражение в учебниках и пополнила учебные пособия.

С целью обобщения сведений о дублетах применительно к таджикскому языку, нами установлено, что дублеты по структуре принадлежат к синонимам, но обладают собственным арсеналом признаков. Кроме того, они отличаются от парних синонимов. Это связанно с тем, что дублеты помимо выражения повтора, также могут выражать альтернативу.

Дублеты отвечают на вопросы, так как по структуре являются неустойчивыми и разделяются на компоненты. В свою очередь, дублеты также отличаются и от других разновидностей парных синонимов. При помощи примеров мы постараемся передать отличие дублетов от вышеупомянутых парных синонимов.

Языковой материал свидетельствует о том, что в современном таджикском языке широко применяется 3 вида дублетов:

1. словообразовательные*: сафед – сафедтар, даст – даста – дастӣ*

2. стилистические: *ҳофиз – сароянда, ханда – хандаовар***.**

3. фразеологические: *ба дил задан, дил об шудан, дил хун кардан, дил бой додан.* Для лингвистов интерес представляет также этимология данного слова. [Алламуродова, 2011., с. 45-49]/

Словј «дублет» заимствовано таджикским языком через русского языка из французского, в котором оно исторически обозначала «*бе либоси ҳарбӣ»,* то есть использовавшийся в качестве второй одежды или военный доспех.

Первые, как правило, сильно изменены языковыми законами просторечия (элизия, протеза, ассимиляция, измененное ударение и др.), а классический книжный латинизм мало отличается от своего античного аналога.

В текстах, наиболее близких к разговорному стилю, особенно к диалогу и монологу, можно встретить предложения, содержащие слова и конструкции, в которых дублетные компоненты являются устойчивыми, не расчленяющимися на отдельные компоненты и морфемы. Такого рода словоформы в языкознании называются словами-дублетами или же абсолютными синонимами. Дублеты в синтаксическом плане не разделяются на компоненты, а также их компоненты нельзя считать морфемами. Они по структуре в современном таджикском языке выполняют функции различных членов предложения. Как отмечает Адмони В.Г. компоненты дублетов приобретают целостный смысл только в контексте, следовательно, они не обладают самостоятельным семантическим полем. [Адмони, 1964., с.85]

Наряду с этим дублетные пары, которые во время диалога выражаются одним словом, ни в коем случае нельзя отождествлять со словами-предложениями, так как они отвечают на определённый вопрос и выполняют функции того или иного предложения.

К слову, необходимо подчеркнуть, что дублетные пары и односоставные номинативные предложения, которые также преимущественно не могут быть выражены одним, словом, также отличаются друг от друга, так как номинативное предложении принадлежит к одному из главных членов

предложения – к подлежащему, кроме того, они обладают синтаксической нагрузкой в предложении. Дублеты в основном свойственны разговорной речи, поэтому они всегда тесно связаны с контекстом и преимущественно выступают в рамках диалогической и разговорной, индивидуальной (монологической) речи.

Таким образом, в таджикском языке дублеты своими характерными свойствами кардинально отличаются от частиц, междометий звукоподражательных слов, они по своим морфологическим признакам близки к тем или иным частям речи, так как отвечают на определённые вопросы.

Для анализа построения слов-дублетов, нам необходима, обратиться к значению данной лексемы в словарях. Значения «дублетность» в различных словарях трактуется по – разному. Это, прежде всего, историческое слово женского рода, заимствованное из французского языка - «double». Значение данного термина в различных областях принимает следующие семантические оттенки.

1. Наличие дублетов. Заимствование с установкой на сопоставление с европейским словарем и известное подравнивание под влиятельные нормы европейского словоупотребления предполагало в ряде случаев наличие разнозначного русского материала, семантически эквивалентного приходящим иноязычным словам. Это было причиной возникновения дублетных пар и серий иного рода – из русских и иноязычных слов.

2. Слово дублет (ҷуфтистеъмол, такрорӣ,) дубль, дублировать, употребляется в значении «второй экземпляр какой-либо вещи» (обычно в коллекции, музее, библиотеке и т.п.); один из двух одинаковых предметов.

Также дублетами называют фотообъектив из двух линз (Кацнелсон С.), пару близко расположенных спектральных линий (например, желтый дублет в спектре натрия).

В таджикском и шугнанском языках применение дублетов, также, как и парных синонимов, является достаточно распространённым явлениям. Как

указывалось ранее, в таджикском языкознании термин до сих пор не разработан, о дублетах упоминается лишь в работах ряда таджикских лингвистов только в качестве парных синонимов. Ниже приводятся этимологии некоторых редупликаций в персидско-таджикском и шугнанском языках: ab-ab много воды; перс. ab, авест. ap, пехлав. aw, av, араб. wab-wab; ab az ab; ab-ataš – риск, оташ – огонь, авест. atar, пахлав. Ataxš; ab-tab-ab-u-tab успех, великолепие; пример: *Чун гуҳар обу тоб агар дорӣ* (Соҳиби Табрези), ab-ja rub (кардан) – очистить, подготовить ab – вода, jārub веник; ob-rang ab-u-rang (додан) – приукрасить; ab-u-arag покраснеть от стыда; ав-u-alaf – кормить животных; ав-u-gil принадлежность, богатство; ab-u-hava – погода; at-u-ašγal – мусор; aj -u-dag – влюблятся; *гумон мекунӣ оҷу доғи чашмонат астам*; аҺ-u-vaҳ – оҳ, оҳ; āx-u-tuf – плевать; axir-u axir – в конце концов; ba-ba – дед; bag-u-rag – сады и луга; kam-кam – немного; çarand-parand; dul-dul – позв. лошадь; bul-bul – звук. протикание воды; alan-talan – беспорядок; ašti-mašti –примериться; γur-γur – гулдурос; às-u-pas – бедный; aftab-mahtab – детская игра; ari-ari – да, да; aram -u-iram – медленно; āraiš-piroiš – наряжаться; adam-u-adam – народ и люди; axir-u agibat – конец, финал; ruy-a-ruy – напротив; xit-xit – зазывать куриц; andak-mandak – мало; ajanna-axanna – сумашедший (араб); fil-fil – перец (ар); bah-bah – очень хорошо; bas-bas – хватит; baq-baq – звук пчелы; agar-agar – иногда; bur-bur – издать звук; păš-păš – вдребезге (сломать); pušt-pušt один за другим; čiy-čix – тадж, шум, крик; čur-čur – звук воды (балучи), таджк; ču-ču – о лошади; da-da – отец (диалект) в балучи сестра; daru-dowa – мед, лекарства; dam-dam – часто; dum ba dum – время от времени; ru-ru (ruba ru) – напротив друг друга; zum-zum (ram-zam) – святая вода в Мекке; sah-in sah – король королей; tak-tak – стук (pers, шугн); ajin-ajin (курд) – мало по малу; iru-uru – тут и там шугн. Мируя-wируя (тадж, шугн); par-par – гулдузӣ (курд), вышывание; čand-čund – узнать цену у торговца (тадж, тюрк); čag-čag – разговор, беседа (тадж, шугн); piš-piš – зазывать кошку (pers, шугн); kuh-kuh – кашлить (pers, шугн.); pal-pal – блестеть (pers, шугн); a-a – ҳа-ҳа (*назир ловен - ат вевандa-аа сӯд);* aw-aw –

лай, тявканье; *ай-ай* – ой, эй, ах – увы; тит-тит (ак) разбитый вдребезги; цуғ-цуғ (ак) рванный; *айру́н-айру́н* – растерянность; бач-кач – дети; *бад-бад* (чихтов) смотреть со злостью; *барг (ас) барг* – не шелохнется, тихонечко; *баргӯ-баргӯ* – обрывать листья; бардор-бардор (чидов) – хвалить; *барзин-барзин* – обматывание, скручивание; *wарраст-wарраст* – быстро, бегло; (о пчелах) звук пчелы, жужжать; *wай-wай* – ой, ох; *wурз-wурз* – судороги, дрожь, озноб; *wурс-wурс* – щепетать; га-га – иногда; *гап-гап* – разговоры , слухи; *гур-гур* – друг за другом, толпой; *даwу́н-даwу́н* – прорастать, бегом; *дам (ба) дам* – непристанно, часто; дар ба дар – скиталец, бродяга; *дараќ-дарақ* – дрожать, трястись, трепетать; *туха-муха* – дорожные припасы; дӀӀл-дӀӀл (чидов) – утещать, успокаивать; *дус-дус* (ик) – по немногу; *ду́нд-ду́нд (ак)* – gykg (ak) – на части, в дребезги; *бис-бисак* - (устно) сто; *вуст (ми) вуст* – рука об руки; *ӧик-ӧик* – заикание, коноязычие; йигу́н-йигу́н – иногда, временами; *хуч-хуч* (ак) – медленно; кам-кам – мало помалу; кар-кар – шуршание, шорох; *каш-каш* – (шугн) – очень горячо; *кур-кур* – шорох, шум; *куру́х - куру́х* – шорох, шелесть; *кук - кук* – кряхтанье; лай – лай - баю бай, баинки; *лах-лах* – постукивание, стук; *лу́г-лу́г* – толпой, гурбой; *лум-лум* – плавно, тихо; *лӱг-лӱг* – подзывать яка; *маҳ́-маҳ́* (а) – лениво, вяло (есть); *мӑв-мӑв* – мяу-мяу; *муқ-муқ (ик)* – пухлый, упитанный; остӓ-остӓ - тихо-тихо; *пат-пат* – бормотание; *патте-пате* (зибид) – прыгать, скакать; *пале-пале* – бок, сторона, край; *пул-пул* – свет, отблеск, огоньки; *рам-рам* – топот, грохот; *рафта-рафта* – постепенно; *сӑм (бар) сӑм* – в страхе, в испуге; *шар-шар* – звук воды, шум водопода; *кур-кур* (чидов) – свистящий звук; *қут-қут* – подающая звук курицы; *чунг-чунг* – согнувший; *шут-шут* (шат-шат) – хромой[1]; [Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь, том 1, Москва, 1988с.].

[1] Карамшоев Д. Шугнанско – русский словарь, том 1, Москва, 1988с.].

1.2. Редупликации современного таджикского и шугнанского языков

Дублеты в современном таджикском и шугнанском выражают: действенное выражение, выражение мысли – *оҳу воҳ (о боже), нолаю афғон (вздох и стоны), тобу тоқат (терпение) шугн:вай-вай ,ой-ат, вой* и т.д.

Например: *Эҳтимол, аз умраш фақат чанд рӯз боқӣ монда бошад ва ба оҳу воҳу нолаю афғони дигарон тобу тоқат надорад* [Мухаммадиев, 1974,с.103]. *(шугн. Винд йи чанд руз га реđ̣ дич̣ат ю ойат вой тоқат ачга накихт.)* (У него может остаться всего несколько дней в жизни, и он не потерпит чужих вздохов и стонов).

Эти выражения иногда употребляются в настоящем времени. Писатель использует эту форму именно для того, чтобы удержать предмет изображения в душевном состоянии, чтобы сократить мысль, сократить предложение.

Аз экран сари писараке намоён мешуд, ки ҳама тан гушу ҳуш гардида, даҳанаш боз мондааст [Мухаммадиев, 1974, с.56]. (На экране была голова проснувшегося мальчика с открытым ртом).

Выражение образ и способ совершения действия: *шуху шаттоҳ* (шутник). *Инро гуфта, Қамари шуху шаттоҳ хам шуда, аз руйи рафиқаш бӯсид.* [Мухаммадиев, 1974, с.56]. (Сказав это, шутник Камар наклонился и поцеловал своего друга в лицо).

Значение определения и описания: *саъю кӯшиш, ч̣идду ч̣аҳд (старание). Пеш вай дар ақидае буд, ки ҳамаи саъю кушиш, ч̣идду ч̣аҳд ва талоши Носир Аббос барин шахсон фақат зоҳиран гуё маъное дорад.* [Мухаммадиев, 1974, с.223]. (Ранее он придерживался мнения, что все старания, старания и старания таких людей, как Нассер Аббас, только кажутся бессмысленными).

Выражение степени или акцента речи: *сахту сухт (твердый), таппа-тайор (готовый).*

Аз ёд бурдааст, ки гапҳои сахту сухт, эродҳои дабардуққи ўро бечора Қамар мебардорад… [Мухаммадиев, 1974, с.182]. Он забыл, о том что его твердые слова только его друг бедный Камар выносит. *Ҳасан, баъзан кўдаки таппа тайёр мешави-а!* [Мухаммадиев, 1974, с.99]. (Ҳасан иногда ведёт себя как ребёнок).

Выражение описания (интерпретации): *дуғу даранг (бунтовать), дуғу даґдаґа (высокомерие).*

Ҳамин хел дуғу даранг кардан гирад, ба пеши мардак телевизор, радиоприемник, телефони алоҳида ҳам оварда мемонанд, аз дил гузаронид Иброҳимчон [Мухаммадиев, 1974,с.104]. (Точно так же мужчине подносят телевизор, радиоприемник и отдельный телефон, подумал Ибрагимжон). *Чӣ гуноҳ дорам ман? Барои чӣ маро аз роҳ боздошта, дуғу даґдаґа мекунед? Шурида рафт он ҳайкал* [Мухаммадиев, 1974,с.286]. (В чем мой грех? Почему ты беспокоишь меня? Статуя была взорвана).

Связь образа с негативным эмоциональным оттенком: *фачу лач* (бред какой то). *Меґўянд, ки он ҳуҷайрахо на фақат аз кор нафармудан, балки аз шунидани гапҳои фачу лач ҳам шах мешаванд.* [Мухаммадиев, 1974,с.72]. (Говорят, что эти клетки не только перестают работать, но и становятся глухими, когда слышат глупый разговор)**.**

Антонимическое отношение ко всему: *пиру ҷавон* (старый и молодой)*, сафеду сиёҳ,* (белый и чёрный)*, наґзу ганда* (хорошо и плохо), *бобу нобоб* (комфортно и некомфортно).

Ҳазорон пиру ҷавони мамлакат бо як забон полковникро тарафдорӣ мекарданд. [Мухаммадиев, 1974, с.84]. (Тысячи молодых и старых страны поддерживали полковника).

Лекин ин нозҳо, ин корро ба наґзу ганда, бобу нобоб ҷудо карданҳо ҳама аз серию ношукриҳо буд. [Мухаммадиев, 1974, с.64]. (Но все эти уловки, отделяющие хорошее от плохого в работе, были все из-за неблагодарности).

Деворҳо пур аз расмҳои калон калони ранга ва сафеду сиёҳи гуногун намунаи беҳтарин кадрҳо аз филмҳое, ки ба худаш ва рафиқонаш писанд омадаанд. [Мухаммадиев, 1974, с.65]. (Стены заполнены большими большими картинами различных цветов и черно-белыми примерами лучших кадров из фильмов, которые понравились ему самому и его друзьям).

Можно констатировать дублетные слова как средство художественного изображения на протяжении длительного времени используется в художественной литературе для усиления, подчёркнутости речи произведениях их авторов. Через него они вносят в свои творения художественную красочность, семантические и модальные оттенки, а также экспрессивность.

В процессе анализа было определено, во-первых, дублетные слова считаются фактором организации однородных членов предложения и средством формирования сложных предложений. Во-вторых, выявлено образование дублетных слов особыми способами, определена их грамматическая (синтаксическая) особенность, фактор дублетных слов как части, формирующей речь и другие его неисследованные проблемы.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что дублетные слова могут быть разделены на лексические и семантические, интерпретация которых составляет содержания данной главы.

Учитывая то, что таджикский язык по-своей структурно-семантической особенности достаточно отличается от других языков, морфологические признаки этого языка имеют различное значение при определении характеристик большинства частей речи.

Например, в шугнанском языке роль морфологического пласта доминирует при определении частей речи, а в таджикском языке эти части речи определяются главным образом на основании семантических и синтаксических признаков.

В настоящее время российское языкознание для изучения дублетов располагает научным комплексом теоретических подходов, составляющих

основу лингвистических исследований. Круг вопросов этой области языкознания активно разработан в трудах российских языковедов, таких как Ю.Д. Апресян, Г.А. Золотова, В.М. Лейчик, В.П. Жуков, В.Т. Шкляров, М.И. Сидоренко, З.Е. Александрова, К. Горбачевич, Е.И. Шендельс и др.

Для каждого языка важной задачей является изучение и анализ его словарного запаса, его лексического фонда и степени употребления языковых возможностей.

Язык, как форма выражения мысли и важнейшее средство общения между людьми, изменяется и развивается наряду с изменением и развитием общества. В частности, современное состояние дублетных слов, обладающих богатейшим арсеналом языковых средств и вобравших в себя все смысловые оттенки языка классического периода, позволяет причислить их к числу самых развитых языков мира. Однако, несмотря на все богатство и разнообразие лексического состава данный язык, так же, как и другие языки, нуждается в совершенствовании, изменении и избирательном отношении в отборе нормативной лексики.

В начале XX века в странах Европы и Азии произошли серьезные перемены, которые оставили неизгладимый след на культуру и духовность русского и таджикского народов, в том числе и на процессы формирования и развития их лексических систем. Великий русский языковед А.А. Потебня в своих работах впервые рассмотрел структурные особенности исследуемых сочетаний.

В научном труде “Из записок по русской грамматике” предложена атрибутивная интерпретация парных сочетаний типа *дани-пошлины, рать и сила, честь и слава***,** о которых он говорит: «существительное с определительным прилагательным предполагает сочетание двух существительных, притом сочетание пратактическое, ибо подчинение одного из этих существительных другому хотя и не устраняет двойственности субстанций, но направлено к их объединению» [Распопов, И.П. 1962, с.218].

Удвоение, объединение двух понятий подобных сочетаниях, с точки зрения А.А. Потебни, есть способ создания нового значения, состоящего в обобщении частных значений, а также в «идеализации в изображении предмета». И с этой точкой зрения трудно не согласиться.

Другой российский языковед Д.С. Лихачев называет приведенные выше сочетания разновидностью синонимических сочетаний: «Наиболее распространенный тип синонимических сочетаний – сращения типа *правда-истина, род-племя, честь-хвала* и т.д.

Ученый считает, что в таких парных выражениях особенности значения каждого слова сохраняются, и самосращение приобретает в своем значении особый, дополнительный, новый оттенок. В результате образуется новое сочетание, с новыми особенностями значения, новым кругом поэтических ассоциаций и как бы усиленное в своем значении». Здесь учёный отмечает семантическую нерасчлененность, неделимость парных синонимов, которые образуются путем объединения двух понятий, «причем одно из понятий может быть видовым и конкретным, а другое – родовым более абстрактным» [Маслов, 1987, с.107-108].

Со стилистической точки зрения функции парных синонимов рассмотрены в трудах А.П. Евгеньевой, которая определяет как «синонимические парные сочетания / парные сочетания синонимов». По мнению ученого, совместное употребление и слияние двух слов образует новое сложное сочетание. Основанием для сочетания синонимов в исследуемых единицах «служит совпадение значения, являющееся принципом, определяющим как подбор слов и словосочетаний, так и стилистическую функцию их, которая заключается в усилении, уточнении значения, в акцентировании его» [Забони адабии хозираи точик. 1973, с.260].

Еще двое российских ученых С.В. Друговейко и С.В. Николаева исследуют парные названия с позиций стилистического анализа текста, они определяют роль дублетных слов в организации поэтического текста [Джабборова, М.Т. 2005, стр. 113-114].

Для обозначения парных конструкций известный лингвист В.В. Колесов использует термины «парные именования», «парные соединения близкозначных слов», «редупликации», «сдвоенные формулы». Ученый выделяет особенности семантической организации парных синонимов.

По его словам, на основе сближения частных значений объединяемых слов образуется «понятие собирательного смысла, художественная сила которого возникает из совместимости прежде разнонаправленных смыслов»: совмещение значений личного переживания субъекта с осуждением коллектива (*горе и печаль – ғаму андӯҳ, страх и ужас – тарсу ваҳм, радость и веселье – шодиву хурсандӣ*), совмещение частного и общего *(час и время – вақту соат),* внутреннего и внешнего (*чудо и диво, чудиться и дивиться*) [Колшанский, 1970, с.145].

Те социальные и культурные изменения, которые произошли в 70-е, 80-е и 90-е годы двадцатого столетия в жизни таджикского народа, не могли не сказаться на состоянии таджикского литературного языка. В эти десятилетия таджикский язык претерпел качественно новые изменения, важнейшие из которых заключаются во внедрении в литературный язык новых слов – неологизмов и синонимов.

Известно, что в советское время таджикская лингвистика, опираясь на достижения российского и европейского языкознания, добилась больших результатов в решении задач грамматики, лексикологии и лексикографии.

В таджикском языковедения начиная с 40-70-х годов прошлого столетия начали публиковаться научные произведения таких известных лексикологов, как Л. Бузургзаде, А. Мирзоев, Б. Ниёзмухаммадов, Д. Таджиев, А. Каримов, М. Фозилов, Н. Масуми, В.С. Расторгуева основавших научную школу таджикского языкознания. Они поставили на обсуждение и внесли огромный вклад в решение вопросов фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии современного таджикского языка. В дальнейшем также наиболее важные аспекты лексики, фразеологии, морфологии, лексикографии и других отраслей таджикского языкознания были

рассмотрены в научных трудах Ш. Рустамова, М.Н. Касымовой, А.Л. Хромова, Б. Камолиддинова, С. Халимова, М. Мухаммадиева, Т. Хаскашева, С.Ходжаевой , Ш.Рустамов С. Назарзода, А. Мамадназаров, С. Джаматова , П. Джамшедова М. Султон, М. Мамаджанова и других ученых.

На современном этапе раскрытием наиболее важных аспектов таджикской лингвистики, и, в частности, лексикологии заняты такие известные ученые, как М.Н. Касымова, Б. Камолиддинов, С. Назарзода, М Султон, Х. Шамбезода С. Джаматов, П. Джамшедов, Д. Саймиддинов и др.

В таджикском языкознании существует ряд проблем, которые на сегодняшний день не нашли своего должного решения или до сих пор не изучены до конца. Одним из таких наиболее важных для таджикской лингвистики проблем является исследование и анализ некоторых лексико-грамматических и стилистических особенностей дублетов и слов-повторов в произведениях художественной литературы и языка прессы.

На сегодняшний день до сих пор малоизученными остаются поэтические произведения (кроме научных работ А. Абдулкадырова о языке и стиле поэзии Мирзо Турсунзаде) авторов современной таджикской литературы, тогда как для описания синонимов в произведениях классических авторов таджикскими языковедами осуществлен ряд монографических исследований (см. работы С. Хашимова, Б. Сиёева, К. Мухторова, С. Аминова и др.).

Всестороннее изучение и исследование лексических и стилистических особенностей современной поэзии играет важную роль в определении развития и совершенствования лексического состава таджикского языка.

В вопросе исследования дублетных слов таджикского языка большая заслуга принадлежит известному языковеду М. Мухаммадиеву, который посвятил много лет делу изучения этого важного вопроса таджикской лингвистики. Одним из первых научных произведений М. Мухаммадиева, посвященных изучению синонимов, является его труд «Синонимы в таджикском литературном языке», изданный в 1962 году. В последующие

годы были опубликованы его другие научные работы, в которых автор рассматривает проблематику синонимических целей и стилистических синонимов [Мухаммадиев, 1962. с.165].

Еще одна огромная заслуга М. Мухаммадиева в исследовании синонимов заключается в составлении словаря синонимов таджикского языка, который впервые вышел в свет в 1975 в сокращенном варианте, а в 1985 году был переиздан с дополнениями и изменениями [Насриддинов, А. 1998, с. 80-104.].

Фундаментальный труд учёного «Синонимҳо дар забони хозираи тоҷик (Ҳиссаҳои мустақили нутқ)» (Синонимы в современном таджикском языке (Самостоятельные части речи)) является результатом его многолетних научных изысканий. Это исследование представляет собой особую ценность для современных отечественных языковедов в плане изучения лингвистических, и, в частности, лексических особенностей синонимов, репрезентованных той или иной частью речи.

В результате изучения лексических особенностей именных частеречных синонимов ученый сделал важные выводы по некоторым стилистическим и грамматическим характеристикам синонимов.

«Словарь синонимов таджикского языка» М. Мухаммадиева охватывает научный комментарий и лексико-грамматическое описание свыше трехсот словарных единиц, которые приводятся вместе с их синонимами.

Необходимо подчеркнуть, что в изучении дублетных слов таджикского языка и при их сопоставлении с русскими синонимами также большой вклад внесли составители словаря «Луғати мухтасари русӣ-тоҷикӣ ва тоҷикӣ-русии синонимҳо» (Краткий русско-таджикский словарь синонимов) и этот научный труд также занимает высокое положение среди работ, раскрывающих суть таджикских синонимов.

Статья «Синонимичные слова и их стилистические особенности», принадлежащая Р. Гаффорову [Гаффоров, 2003], представляет собой

источник, в котором вопросы синонимии и дублетных слов исследованы обстоятельно и развернуто. В статье дана научная интерпретация парно употребляемых синонимов, способы и источники их формирования. Автор статьи приходит к такому заключению, что знание и употребление композиционно-стилистических свойств синонимии достигается в результате творческого отношения и тщательного изучения семантики языка.

Необходимо отметить, что вопросы исследования парных или дублетных слов таджикского языка, рассмотрены таджикскими языковедами намного в меньшей степени, чем в российской лингвистике. Более того, работ, посвященных данному вопросу, можно сосчитать на пальцах. Первые шаги на пути исследования парных слов сделаны З. Шариповой, С. Аминовым и Б. Сиёевым, но на сегодняшний день отдельные монографические исследования в данном направлении отсутствуют.

При изучении и описании семантических и стилистических особенностей лексических синонимов на материале анализа трилогии Дж. Икроми «Двенадцать ворот Бухары», отечественный лексиколог Н. Хикматуллоев делает вывод о том, что в синонимических парах слов имеют место полные или частичные совпадения лексических значений, соответствующий звуковой состав, смысловые оттенки, определенная эмоциональная окраска, что характеризует ситуацию и уровень употребления дублетных слов, их стилистическое соотношение, принадлежность к одной лексико-грамматической группе. Автор также приходит к выводу о том, что лексические синонимы обладают возможностью замены друг друга в контексте того или иного стиля речи [Хикматуллаев, 1995., с.6-15].

О дублетах языка произведений таджикских авторов также ещё сделано недостаточное количество исследований. Стоит отметить, что из всего комплекса вопросов таджикского языкознания вопрос об изучении языка и стиля отдельных литераторов относительно глубже рассматривается таджикскими учёными-лингвистами.

Часть таджикских языковедов, такие как Х. Хусейнов [Хусейнов, 1967], Б. Камолиддинов [Камолиддинов, Б., 2012], С. Гаффаров [Гаффоров, 1968], А.В. в своих монографиях касаются вопросов языка и стиля красоты С. Айнй, Хакима Карима, Рахима Джалиля, Фазлиддина Мухаммадиева, Мирзо Турсунзаде и в процессе анализа по темы ведутся исследования отдельных дисциплин о синонимах таджикского языка.

Интересное исследование о дублетные словах в произведении Саади завершено известным лексикологом С. Хашимовым. В монографии «Лексические особенности «Гулистон»-а Саьди Шерози» учёный отмечает, что употребление лексических единиц и конструкций с различной структурой, но близких по смыслу в творчестве каждого литератора особо важно для определения творческого мастерства писателя. В монографии автор с учетом лексических особенностей синонимов произведения Саади «Гулистон» по их принадлежности к конкретным языкам, распределяет синонимы по отдельным группам, что представляет интерес для нашего исследования [Хошимов, 1978., с.56 - 67].

Исследователь З. Мухторов при исследовании лексики произведений Санои также высказывает собственную точку зрения о дублетных словах таджикского языка [Мухторов, 2001. с.78-85].

Таджикский исследователь С.Б. Джураева в своей диссертационной работе под названием «Синонимы поэзии Абдурахмана Джами» утверждает, что анализ употребления дублетных слов, синонимов и их исследование в различные периоды развития таджикского языка отражают процессы, происходившие в языке поэзии, вызывая необходимость принципиально нового построения концепций, требующих инновационного осмысления разнообразия синонимов в художественных произведениях эпохи Абдурахман Джами [Джураева, 2009., с.36-37].

В результате С.Б. Джураева приходит к выводу, что поэт в выборе и использовании синонимических слов проявляет весьма особую внимательность, описывая способ выражения синонимических единиц, и

представления функционально-контекстуальных ситуаций и условий их употребления. При их описании, составляющем основы интерпретации системных связей между единицами языка поэзии Джами, можно находить весьма интересные фрагменты этой системы в контекстуальных условиях употребления синонимических единиц, картины экспликации и демонстрации чрезвычайно широких их прикладных возможностей.

Действительно, некоторые лексические единицы в его поэзии имеют до сорока и пятидесяти синонимов, каждый из которых употреблен и выбран автором в качестве моделирующего объекта. При этом синонимичные конструкции выявляют категориальную (частушечную), логико-семантическую, иерархическую характерность своих знаковых единиц, а самое главное – индивидуальный художественно-оценочный и образный стиль описания поэта [Джураева, 2009., с.112].

Ученый-лингвист Б. Сиёев, анализируя древнюю историю парных слов таджикского литературного языка, даёт краткую характеристику особенностей указанных лексических единиц. Он рассматривает их с точки зрения установления частотности их употребления, структурных особенностей и принадлежности к частям речи. Исследуя способы отображения парных синонимов в языке произведения «Таърихи Бадахшон», ученый приходит к выводу, что наличие в одном сочетании двух лексем в соответствии с закономерностями каждого языка, в частности, таджикского, является естественным явлением. Ученый утверждает, что именно наличие особых, семантически близких друг к другу слов приводит к развитию парных синонимов. Еще один вывод ученого состоит в том, что для приобретения двуполярности исходных языковых знаков особое значение имеют элементы состава парных синонимов, состоящих из различных моделей сложных слов [Сиёев, 2001., с.28-30].

Статья Ш. Кабирова «Размышления о вопросах интеграции в языке» также посвящена исследованию особенностей такого языкового явления таджикского языка, как *ҳамгирой* – *интеграция*, синонимичность,

семантическая созвучность [Кабиров, 2011., с.24-27]. Автор на основе интересных примеров из классической литературы основательно доказывает наличие множества синонимических конструкций в письменных памятниках таджикского литературного языка.

Исследователи явления парной синонимии наблюдают, что среди таджикских учёных отсутствует единство в формулировке термина парных синонимов. Некоторые характеризуют парные синонимы как «ҷуфтҳои муродифӣ» (синонимичные пары), а некоторые в своих исследованиях используют термины ибораҳои муродифӣ» (синонимичные словосочетания), «воҳидҳои ҷуфт» (парные единицы), «таркибҳои ҷуфт» (парные составы), равнозначные по своей семантике.

Однако большая часть учёных отмечают, что для выражения особенностей двух синонимичных слов наиболее подходящим является термин «ҷуфтҳои муродифӣ» (парные синонимы).

Лексические характеристики данного явления заключаются в продуктивности лингвистической экспликации и пропорциональном использовании синонимических единиц, репрезентованных конкретной структурой и источниками происхождения слов (тадж.+ тадж.+ тадж.*: ганҷу зару гавхар; шугн: зарат зевар арабск тадж.+арабск.: тааммулу бардошту сабр; узбекско-таджикско арабские: яроқ – анҷом – аслиҳа*) [Забони адабии ҳозираи тоҷик. 1973., с.76-79].

Известный таджикский языковед и литературовед А. Давронов в своей статье «Синонимы «Кабуснаме» Унсуралмаоли Кайковуса» с научной точки зрения комментирует процесс формирования синонимов на материале известного дидактического произведения XI века «Кабуснаме». Учёный распределяет однозначные слова контекста на две большие группы: лексические синонимы и их грамматические прототипы.

По его мнению, в произведении встречаются случаи вариативного употребления синонимических единиц и их применения в различных контекстах (*бурҳон – далел* (доказательство, довод)*; расул – пайгамбар*

(пророк посланник), в очень близких друг от друга позициях (*зар аз – мақсуд, пур – писар*) и в виде составов (*дуову офарин, ҳамдусано*). Учёный выделяет как однокоренные слова грамматические синонимы *бин - ибн, фазояд – афзояд, шармсор – шарманда* и отмечает синонимичный. характер грамматических средств *ва/-ву/-у/-ю* [Давронов, 2001., с.77-84].

В статьях «Дар «Шохнома» офтоб якто нест» [Халимов, 2003., с.121-130] и «Муродифоти аслӣ ва бадеии калимаҳо» [Насриддинов, 1998., с.80-104] авторами ставятся близкие к парным синонимам вопросы. Эти статьи представляют интерес по своему способу анализа, и, хотя обе статьи написаны на материале различных источников, авторы в свойственном каждому из них стиле избрали объектом исследования синонимы концепта офтоб (солнце). В ходе исследования творчества Камола Худжанди исследователи А. Абдукадыров и А. Давронов уделяют большое внимание вопросам происхождения синонимов, выражения или содержания и уровня их употребления, так как это было сделано вторым автором в статье, посвященной произведению «Кобуснома» Унсуралмаоли Кайковуса. Они в своей статье «Сарчашмаҳои ташаккулёбии муродифот дар эҷодиёти Камоли Хуҷандӣ» разделили синонимы на три группы: 1) отдаленные синонимы; 2) близкие синонимы; 3) парные синонимы [Давронов, 2001., 21].

Другой таджикский лексиколог Ш. Джуразаде в своей монографии «Хусусиятхои семантикии «Маснавии маънавӣ»-и Чалолиддини Румӣ» отмечает, что синонимы представляют собой одну из важнейших категорий лексического состава языка и способствуют точному отображению жизненной действительности в произведениях [Джуразода, 1989., с. 56-76].

К. Мухтори в своём исследовании лексико-стилистических особенностей творчества Рудаки, уделяет особое внимание стилистическим характеристикам синонимов в наследии великого поэта и разделяет их на семантические и семантико-стилистические синонимы [Мухтори, 2002., 56-68].

Таким образом, языковые особенности произведений литераторов классического и современного периодов таджикской литературы, и, в частности, синонимия данных произведений до сих пор нуждаются в дополнительном изучении. Ряд таджикских языковедов в ходе рассмотрения языка и стиля произведений того или иного литератора или в процессе исследования лексики его наследия вкратце останавливаются на вопросах синонимии.

Однако вопрос о сфере употребления парных дублетов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в отдельном диссертационном исследовании. В частности, сопоставление данной категории впервые проводится в нашем диссертационном исследовании. Установление лексико-грамматических особенностей указанной группы лексических единиц в сопоставляемых языках на основе проведенного сопоставительного анализа позволит дать их развернутую лингвистическую характеристику и установить сходства и различия. Благодатной почвой для проведения такого анализа являются источники художественной литературы.

1.3. Общая характеристика грамматических свойств парных синонимов и дублетов в таджикском языке

Современное языкознание классифицирует типы сравнения по двум группам: внутриязыковое и межъязыковое. Среди перечисленных типов внутриязыковое сравнение выявляет языковой материал внутри одного языка, что необходимо для описания системы этого языка. Отсюда, если сопоставлять два или более языков, то это уже становится межъязыковым сравнением, которое может быть, как системным, так и несистемным.

С целью сравнения языковых элементов в рамках системы и, по возможности, многоаспектное, несистемное сравнение осуществляется с целью доказательства правильности выводов, сделанных лингвистами по тому или иному явлению в одном языке и для установления присутствия или отсутствия того или иного явления в других языках.

Современная лингвистика при описании синонимов как сферы лексикологии применяет ряд подходов, охватывающих структурно семантические морфологические, функциональные и прикладные характеристики синонимии в языке.

Дублетные слова во всех языках относятся к числу таких явлений, процесс формирования которых происходит непрерывно. Этот процесс отражает своеобразность состава синонимии, как происходящего от различных частей речи разряда слов. Слова, соответствующие данной категории, еще не полностью проявляют свою самостоятельность и сохраняют следы тех частей речи, от которых они образовались. Благодаря этому формируются развиваются разновидности синонимов с различными лексико-семантическими оттенками и грамматическими функциями.

Основным свойством дублетных слов является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине парные синонимы в некотором отношении противопоставляются обычным синонимам и сохраняют свою индивидуальную специфику.

Круг употребления и функционирования парных синонимов, их динамика в условиях коммуникации и художественного оформления в таджикском языке определяется особенностями и активностью их компонентов словообразующих формантов. При этом, в таджикском языке учитываются такие особенности парных синонимов, как значение и созвучность компонентов. Например, *ҷангу ҷидол, арзу даъво, сулҳу ваҳдат, макру фиреб, шавқу рағбат* и т.д. Оценочный или образный признаки концептов описания в таких сочетаниях достаточно релевантные, и это, как уже было отмечено, обуславливается коммуникативными задачами соответствующих дискурсов. Все это создает условия, при которых для построения парных синонимов в сопоставляемых языках употребляются такие методы, как суплетивность и аналитическое словообразование. При

этом в отличие от других видов синонимии парные синонимы не обладают столь широкими аналитическими возможностями.

Дублетных слов в таджикском языке и способ употребления парные синонимы четко просматривается и в следующем рубаи Хайяма:

То кай зи чароғи масҷиду дуди куништ,
То чанд зиёни дузаху суди биҳишт?
Бар лавҳи қазо нигар, ки аз даври азал
Устод ҳар он чӣ буданӣ буд, навишт.
***
Доколе дым кумирни прославлять,
О рае и об аде толковать?
Взгляни на доски судеб – там издревле
Написано всё то, что должно стать. (Перевод В. Державина).

Некоторые лингвисты рассматривают вопросы употребления парных слов, в системе значений, которые, как было отмечено ранее, выражаются посредством частей речи. Использование парных дублетов или синонимических пар получило широкое распространение в произведениях таджикских авторов. Они являются выразительным средством передачи мысли авторов и эмоционально окрашенной разговорной речи героев произведений.

Для обозначения синонимических явлений в различных языках некоторые языковеды применяют термин «лакуна», который используется не только при отсутствии какой-либо единицы в словарном составе одного языка, имеющейся в другом языке, но и при других несовпадениях в сопоставляемых языках и культурах. Однако исследование лакунарных проявлений языков не входит в круг задач настоящего диссертационного исследования, поэтому считаем необходимым сконцентрировать внимание на морфологических и синтаксических свойствах явления синонимии.

Парные синонимы и дублеты могут быть выражены различными частями речи. Например, парные синонимы, выраженные

существительными: *гапу гапча, дурру марҷон, касбу кор* (разг. вариант – касму касаба) – в таджикском языке.

В семантическом отношении значения парных синонимов взаимосвязаны со значениями эмотивности, но они не всегда совпадают с эмотивной лексикой по всем параметрам.

Отличительной чертой синонимических и дублетных рядов является то, что в них всегда есть главное, основное слово, обладающее общим значением. Это основное слово, как правило, носит нейтральный стилистический оттенок и входит в общий пласт лексики.

Основное слово всегда возглавляет синонимический ряд и называется доминантом. К числу таких основных слов синонимического ряда принадлежит прилагательное *зебо «красивый»* среди синонимичных ему слов: привлекательный, обаятельный, очаровательный, притягивающий, завораживающий и др. Синонимы связаны с явлением многозначности, так как многозначное слово может входить в разные синонимические ряды. Синонимы помогают показать разницу в оттенках значения многозначного слова: возраст и поколения. Независимо от того, каким термином мы будем определять лексико-семантическое словообразование, мы должны осознавать, что значения одного слова могут изменяться, так как изменяется результат его семантического развития. Последующее слово синонимического ряда является производным, оно не повторяет лексическое значение основного слова, а развивает свои собственные семантические характеристики.

Известный российский ученый В.В. Виноградов называет это явление «переосмыслением прежних слов, формированием синонимов путем распада одного слова на два» [Виноградов, 1959., с.10].

Другой ученый-лингвист С.Д. Кацнельсон определяет синонимический ряд как «такую организацию семантической структуры слова, где выделяются «первичные» лексические значения и «вторичные», зависимые

от них, являющиеся результатом их семантического развития» [Кацнельсон, 1972., с.44-59].

Отсюда следует, что в языке проходят словообразовательные процессы, когда «тождеству лексического и обще-категориального значения этих форм одного слова противостоит факту обязательного преобразования лексического или обще-категориального значения у однокоренных производных» [Кобзева, 2000., с.60].

Результаты исследований российских лингвистов устанавливают, что синонимы формируются в результате различных языковых процессов.

Основными из них являются:

1. Членение одного лексического значения слова на два и более. То есть происходит трансформация однозначного слова в новое, многозначное слово. В результате образовавшиеся новые значения могут становиться синонимами к значениям других слов данного языка.

2. Несоответствие и несовпадение разных значений одного и того же слова, что в итоге приводит к утере смысловой взаимосвязи между компонентами синонимического ряда. У каждого из возникающих таким путем слов образуются свои собственные синонимические ряды. Так, существительное *табассум – улыбка*, образуя синонимы, получает совершенно разные смысловые оттенки:

а) «писханд» (грубая, унизительная улыбка)*;*

б) «таббасум» (пренебрежительная улыбка)*;*

в) «масхара» (от глагола «скалить зубы» в значении «надсмехаться»).

3. Иностранные заимствования, близкие по смыслу к своим исконным эквивалентам языка.

В результате этого могут образоваться новые синонимические ряды и пары слов: лицо – имидж; уважение – респект: важный – актуальный: длительный – пролонгированный; преобладать – превалировать. *(рӯй – лиқо; эҳтиром – иззат: муҳим – актуалӣ: бартарӣ – барзиёд).*

4. Формирование новых синонимических рядов в процессе словообразования, которое постоянно осуществляется в языке: формирование – формовка: саботирование – саботаж; композиция – коллаж; отточенность – филигранность; оснащение – оснастка.

Синонимы и дублетные слова – это неиссякаемый источник и богатство языка, которое широко используется для уточнения мысли и определения наиболее важных смысловых оттенков, для подчеркивания образности и художественной окраски речи. Наряду с этим, синонимы в обоих сопоставляемых языках применяются с целью избегания повторов в речи, неточностей, смешанного характера речи, где используются различные языковые стили. Дублетные слова призваны предотвращать появление языковых штампов и других стилистических ошибок.

Зачастую синонимы могут стать основой для формирования антитезы – стилистического приема контраста, противопоставления. Стоит отметить, что такие синонимичные взаимозамены в тексте либо в его различных интерпретациях нередко встречаются и в составе таджикского языка.

К парным синонимам таджикского языка со слитным написанием можно отнести ряд следующих словосочетаний: *сару сомон* (порядок), *сару нуг* (организованность), *бечуну чаро* (несомненно), *шикасту рехт* (расходы), *карру фар* (роскошь, напоказ), *буду бош* (проживание) и др.

Необходимо отметить, что данный тип словообразования парных синонимов таджикского языка весьма продуктивен.

Таким образом, синонимическое восприятие и воспроизведение в таджикском языке является осмыслением комплекса эмоциональных восприятий и отношений авторов, которые получены от различных по степени сложности процессов. Отображение восприятий, определение способа лексикализации повседневной действительности на основе семантических закономерностей служит делу осознания восприятий, оно требует обязательного обозначения, наименования данной действительности соответствующими словарными единицами. Конечно, отражение

действительности лингвистическими средствами в каждом отдельном языке отличается индивидуальным, целесообразным только для данного языка путем, но не следует считать эти средства исчерпывающими и окончательными, так как язык находится в постоянном изменении и совершенствуется.

1.4 Лингвистическая терминология дублетных слов и слов-повторов

Лингвистическая терминология каждого языка – неотъемлемая часть метаязыка лингвистики, в которую, как известно, деривативными и составными элементами входят не только слова, термины, но и графические знаки, символы, разные аббревиатуры и т.д.

Следует особо подчеркнуть, что лингвистическая терминология дублетных слов в таджикском и шугнанском языках имеет тесные связи с двумя понятиями метаязык и метаречь. Под термином «метаречь» подразумевается та специальная разновидность речи, которая появляется при общении терминологов и учёных, исследующих ту или иную специфику природного языка. Соотношение терминов «метаязык/язык» не идентично соотношению терминов «метаречь/речь». Если метаязык – это язык «второстепенного порядка», средство описания объекта – языка, то метаречь это не речевые произведения по поводу речевых произведений главного порядка», а такие речевые образования, в которых употребляются метаязыковые средства и которые выкладываются по поводу объекта – языка. Рассматривая проблемы метаязыка, специальное внимание следует уделить вопросам терминов и терминологии как его главной составляющей.

Что касается современного состояния терминов лингвистики, то вполне справедливо замечание О.С Ахмановой: «Лингвистическая терминология до сих пор не является рационально организованной, семиотической безупречной системой, в языкознании постоянно существует проблема упорядочения терминологии» [Ахманова О.С. 1957., стр.509].

Лингвистическая терминология, в отличие от других терминологических сфер, в своем отношении к словарному составу литературного языка характеризуется отсутствием изолированности, обособленности. Лингвистическая терминология в общем лексическом составе языка не автономна (одним из доказательств, на наш взгляд, может служить очень ранняя по времени фиксация, но понятий, относящихся к области лингвистической терминосферы, словарями общелитературного языка). Одной из проблем современности остается словарная деятельность в области терминов лингвистики.

Сегодня необходимость такого проекта как никогда актуальна, учитывая многоцелевое развитие современной лингвистики. В обстановке отсутствия или запаздывания в определении терминологических единиц развивается нежелательное обстоятельство, когда «кажется, что ученые-терминологи и авторы не располагают сведениями о присутствии существующих терминов и значений, относящихся к одним и тем же понятиям». Недостаточная изученность процессов и явлений, наблюдаемых в лингвистической терминологии, обуславливает присутствие ряда вопросов, требующих дискуссии среди лингвистов и специалистов по терминологии. В числе наиболее распространенных вопросов, затрагиваемых учеными, является точность и однозначность термина, ибо, хотя «термин – согласно со своей функцией – должен быть строгим и точным обозначением особого понятия».

Следует отметить, что терминоведение преодолело длинный и сложный исторический путь развития. Его основа как самостоятельная научная сфера (1933) была заложена русскими специалистами не с филологическим, а с инженерным образованием (Э.К. Дрезен, С.А. Чаплыгин, Д.С. Лотте), предоставившими импульс лингвистике на протяжении многих лет к приоритетному изучению системы терминов технических областей знания. Процесс функционирования терминов лингвистики в отраслевых источниках, словарях и особых текстах сопряжен

с константным поиском наиболее объективных методов дефиниций значения термина, при этом учитывается сложность его семантической и лексической структуры, определяются отношения и связи с другими терминологическими понятиями.

Специальную актуальность эти проблемы приобретают при многоязычных и отраслевых терминологических словарях, когда учет особенностей формирования семантической структуры термина важен при установлении макроструктуры словаря, важнейших принцип составления словарной статьи (микроструктуры), основных типов определений. Тем более, что значение термина в форме его дефиниции никогда не представляет всех признаков понятия, оно с ним не совмещено.

Семантическая структура терминов лингвистики отражает различные лексико-семантические процессы общелитературного языка: синонимию, антонимию, омонимию, полисемию и гиперонимо-гипонимические отношения, терминообразовательную деривацию. Полисемия в лингвистических терминах обнаруживается как внутри системные, так и межсистемные семантические феномены. В связи с этим, термины, имеющие одно значение противопоставляются другой, менее многочисленной группе терминов, обладающих в своей семантической структуре двумя (и реже тремя) значениями, которые не утрачивают между собой семантическое отношение, что даёт основание рассматривать их как многозначные термины. Наиболее распространённым видом внутрисистемной многозначности являются двузначные наименования. Способами формирования внутрисистемных многозначных слов являются метонимизация, терминологизация общеупотребительных слов общего языка и детерминологизация именно синтаксических номинаций.

Среди непроизводных лингвистических терминов (у многокомпонентных омонимия отсутствует) имеется ряд фонетических, морфологических и синтаксических терминов, действующих одновременно в лингвистике и в терминологиях отраслей, далеко не сродных с наукой о

лексическом составе языка, которые схожи по звучанию и форме, но значения которых обычно не связаны друг с другом (или отношение немотивировано). Появление дублетности термина проистекает в связи с употреблением разных форме языковых средств для выражения одинаковых или близких лексикологическому понятию.

Необходимо отметить, что начало создания таджикской лингвистической терминологии связано с введением в научный обиход в начале XI в. литературного языка фарси-дари. В течение длительного периода (с XI в. до 1938 г.) таджикский народ пользовался письменностью, основанной на арабском алфавите. Известно, что после арабского нашествия и формирования исламской цивилизации арабский язык на всей территории халифата, в т.ч. в Хорасане и Мавераннахре, стал официальным государственным языком – языком литературы и науки. В тот период арабский язык становится интернациональным языком науки и играет на Ближнем и Среднем Востоке такую же роль, какую играл латинский язык в средневековой Европе. Формирование терминологии персидского (таджикского) языка было распределено на определенные периоды.

Необходимо отметить, что профессор С. Назарзода в истории лексикографии и терминографии персидско-таджикского языка от начала и до второй половины XIX века выделяет условно три периода и предполагает, что первый период относится ко «времени, когда начались переводы и сочинения книг на этом языке и возникла необходимость в лексикографии и терминосложении (X в. - половина XI)». [Назарзода, 2014с.]

Процесс терминосложения и терминографии персидско- таджикского языка состоит из шести периодов. При этом следует учесть, что процессы терминотворчества во все эти периоды протекали по-разному. Эффективность этих процессов зависела от таких гигантов мысли, как Абурайхан Беруни, Абуали ибни Сино, Носир Хусрав, Насириддин Туси. Мы, бесспорно, поддерживаем мнение М. Султона, потому что все

лингвистические термины таджикского языка развивались именно в течение этих периодов.

Одним из основных периодов был период активизации употребления лингвистических терминов арабского происхождения в трудах на фарси, который берёт начало от появления на политической арене Сельджукидов, т.е. с первой половины XI в. до второй половины XI в. Последний период – это период возвращения к научным традиционным принципам терминообразования, начало которого относится ко второй половине прошлого столетия. т. е. с принятием Закона о таджикском языке (1989), повторного образования Республиканского Комитета по терминологии при Академии наук Республики Таджикистан (12 сентября 1990), и главное, с объявлением политической независимости страны (9 сентября 1991 г.). В этот период особенно много заимствованных арабских терминов заменились таджикскими.

Однако, согласно некоторым источникам дооктябрьского периода прошлого столетия, отдельные проблемы лингвистики, особенно грамматики персидского языка, освещались по отдельности, так как таджикский и персидский языки, будучи очень близкими, изучались вместе. Таким образом, основными периодами изучения таджикского языка и дальнейшего развития его лингвистической терминологии в течение прошлого века и начала нынешнего столетия были следующие:

а) Первый период охватывает 1926-1930 годы. В этот период все учебники по таджикскому языку создавались лишь на арабской графике.

б) Второй период охватывал 1930-1938 годы. В этот период таджикский народ перешел на латинский алфавит, основанный на фонематическом принципе. Стоит отметить, что этот период характеризуется тем, что ряд арабских терминов заменяется таджикскими.

В эти годы составители учебников таджикского языка опираются на учебники русского языка, терминология которых была уже унифицирована. Вместо многих арабских лингвистических терминов составители калькируют

русские. Создаётся большое количество терминов на основе средств родного языка. Среди авторов учебников 30-х годов наблюдаются две тенденции. Одна из них – стремление сохранить все арабские лингвистические термины, другая – обязательное создание собственно таджикских терминов.

Следовательно, можно полагать, что первый и второй периоды были сложными и трудными для формирования и развития таджикской лингвистической терминологии в целом.

Третий период начинается с 1938 по 1940 г. Он характеризуется расширением источников терминотворчества, всесторонним использованием русской лингвистической терминологии в связи с общим влиянием русского языка на развитие и совершенствование таджикского языка. [Назарзода,2014с.].

Восемнадцатому столетию суждено стать золотым временем, т.е. веком «прескриптивизма», когда массовые комментаторы, ученые, лингвисты и преподаватели предпринимали усилия преобразовывать язык, чтобы очистить его от этих «дикарских, варварских» нестандартных элементов. Таким образом, исторический путь формирования лингвистической терминологии сопоставляемых языков охватывает почти одинаковые периоды, однако, роль иноязычных языков в обогащении словарного состава этих языков во многом отличается. Если арабский и русский языки способствовали становлению лингвистической терминологии таджикского языка, то в шугнанском языке их роль осуществляли авестийский, согдийский и другие древние и средние иранские языки.

1.5. Повтор – как единица языка в сопоставляемых языках

Повтор – это лексико-грамматическая единица, а также стилистическая единица, которая образуется в результате повторения слов (полностью или частично), композиции, словосочетания, предложения. Повтор известен как средство художественной репрезентации в таджикском языкознании. (см.

Зехни 960, 150; Шарифов, 1991, 125). В самом деле, словесное искусство повтора, как в стихах, так и в прозе, есть средство сделать выражение яснее и понятнее. (Зехни 1976, 195).

Верно, что в последние десятилетия лингвисты также приняли во внимание искусство повтора. Оказалось, что повтор играет большую роль в области словообразования, лексикологии и стилистики. (М. Мухаммадиев, Д. Музаффарова Д, Даминова 2016, Турсунов, 1954, Шукурова, 1973, 1978, 1985; Рустамов, 1972; Джалилов, 1964, Исмаилов, 1988; Саидов, 1975, Зикриёев, 1986, 1991, 2000) Аламшоев Ш, 2019). Однако стоит отметить, что в настоящее время в таджикском языкознании виды повтора и его различные функции подробно и специально не изучались. Поэтому мы хотели кратко изложить свои наблюдения и размышления об особенностях значения повтора.

Нами выделены следующие виды повтора:

1. полный повтор (буквально);
2. неполный повтор;
3. дополнительный повтор;
4. модифицированный повтор (Шукурова, 1985);
5. полное и неполное повтор;
6. полное, неполное, подражательный повтор (Турсунов, 1974)
7. полное, неполное, подражательный повтор (Рустамов, 1972).

Таджикский учёный Ф. Зикриёев, несколько изменяя традицию термина, классифицирует повтор следующим образом: лексический повтор; синонимический повтор; стилистический повтор; грамматический повтор (морфологический и синтаксический), семантический повтор, смешанный повтор, эпифорический повтор, поэтапный повтор (Зикриёев, 1986, 2000 г.). В шугнанском языке на вопрос повтора обратили внимание проф. Карамшоев Д, М. Аламшоев, Ш. Аламшоев, Л. Додихудоева, Р.Х. Додихудоев, В.С. Соколова, Дж.И. Эдельман и другие.

Словарный или лексический повтор – это вид повтора, при котором слово повторяется полностью или частично. Поэтому его можно разделить на полные, неполные, тавтологические и подражательные повторы.

Полный прямой повтор, где все слово повторяется от оригинала: например: тадж. *Вай ӯро борҳо дидааст, ки аз рухсораш, аз пайкараш, рафтору гуфтораш назокати хоси зани тоҷик меборад.* [Муҳаммадиев Ф, 1974, с.230].

Шугн: кал тар кал, дам тар дам, пиц тар пиц, вуст ми вуст, пов чи пов.

Неполный повтор – это повтор, при котором первая часть слова (корень) является неполной, а вторая – полной. Цель первой части делает всю вторую часть сильной и действенной: тадж. *суп-сурх* (красный), *каб-кабуд*, (синий), *сип-сиёҳ* (черный) *заб-зард* (желтый) и т.д. Например: *Дар толори васат ҳамон касали гирифтори захми меъдаро диданд, ки пештар ранги рӯяш заб-зард буд*. [Муҳаммадиев Ф, 1974, с.317]

Шугн: *тер-киштер, зирд рух зирд, сап-сафед.* Например; *Йам гарда тер киштер судҷ.*

Тавтологический повтор. Термин тавтология первоначально заимствован из греческого языка (tauto – одно и то же слово, logos – наличие или тождество слов). Так, дословный повтор слов называется в лингвистике тавтологическим повтором (см. Ҷалилов, 1964; Саидов, 1975).

Следует отметить, что эти два автора включают в число выражений тавтологии полный повтор, что, на наш взгляд, является смешением видов повторения. Единственный повтор, созданный с помощью дополнительного предложения, называется тавтологическим повтором. На наш взгляд, также ошибочно называть фразой тавтологическое повторение, так как каждая часть фразы имеет свое самостоятельное значение (*хонаи калон* (большой дом)). При повторении тавтологии оба слова имеют одно и то же значение и вместе представляют одно и то же понятие. Вот примеры повторения тавтологов: *калони калон* (очень большой), *баланди баланд* (очень высокий), пасти паст, (очень низкий), муаллими муалимон (учитель учителей), *хурди*

хурд (очень маленький), *шаҳри щаҳрҳо* (город городов). шугн: *зул-зулик*, *пāст-пāстик* и т.д.

Подражательный повтор. Слова-подражания повторяют природные явления, условия жизни человека, животных, жизни, дождя, труда, привычек, обычаев и т.д. Встречаются в виде: *шилдир-пилдир* (грохот), *тарақ-туруқ* (стук), *шалдар-шулдур* (звук дождя) *шав-шув*, *гурс-гурс*, *фаш-фаш, гулдур-гулдур, чақ-чақ, ғур-ғур, чаҳ-чаҳ, қаҳ-қаҳ, ғарч-ғарч, шибир-шибир, баҳ-баҳ, паст-паст* в обоих языках. Например: *Духтур таъин кардаст, ки паст-паст гап занам.* [Муҳаммадиев Ф, 1974, с.309]. Шугн: *фаш-фаш, дуп-дуп, курш-курш, ғур-ғур, чақ-чақ.*

Повтор образов происходит в результате «различного зрительного воображения человека» (Исмаилов, Каҳоров, 1988). Надо отличать образное повторение от имитационного повторения. Если имитация слуха возникает на основе имитации голоса или звука, то это имитация фотоизображения или изображения события, или предмета, прошедшего мимо зрителя. Например, *ялт-ялт, милт-милт, ялтар-юлтур, чарақ-чарақ, қоҳ-қоҳ, пир-пир* и т.д. Например: *Ва боз ҳодисаеро ба ёд оварда, қоҳ-қоҳ хандид...* [Муҳаммадиев Ф, 1974, с.13]. (И вспомнил еще об одном событии и засмеялся). Шугн: *ялт-ялт, қуғ-қуғ, ваг-ваг, фил-фил*. Например: *Йам нав дек ялт-ялт кихт.*

Существуют разные виды повторов, выполняющих разные задачи. Прежде всего, повторяющиеся слова служат для выражения различных значений и семантических оттенков, они также имеют грамматическую и стилистическую сущность.

Повтор считается одним из способов словообразования: с его помощью создаются разные части речи (существительное, прилагательное и др.); они делают выражение эффективным и независимым. Исследователи М. Шукурова, Т. Зехни, Х. Шарифов, Н. Бозидов, Ш. Рустамов, М. Аламшоев, В. Соколова и другие отмечают, что слова-повторы в таджикском и шугнанском языках в основном служат для выражения значения множественного числа. Эта мысль абсолютно правильная. Но если посмотреть глубже, то можно

заметить, что повторы в таджикском языке имеют широкое значение: они используются для выражения времени, собирательной группы, неопределенности, общества (коллектива), повторения и непрерывности действия, непосредственные отношения субъекта к мысли и т. д. Значение повторов связано с их значением, с их морфологическими формами, а не с контекстом, каждый из оттенков значения располагается в семантическом ряду особых форм повторения.

Например, повторение прилагательного определяет качество предмета *калон-калон, (большой), баланд-баланд* (высокий*), гурӯҳ-гурӯҳ* (группами) и т.д., что прилагательное подчеркивает состояния действия: *Аз дунболи баъзе онҳо, ки дар айни замон вазифаи муаллими институтро адо мекунанд, гурӯҳ-гурӯҳ донишҷуён кашоланд.* [Муҳаммадиев Ф, 1974, с. 21]. (За некоторыми из них, которые в настоящее время работают преподавателями института, следуют группами студенты).

Повтор существительных обозначает множественность. Например: *Ғайр аз ин қатор-қатор фолномаҳои махсус буданд.* [Муҳаммадиев Ф, 1974, с.75] Повторение глагола, причастия выражает непрерывность или усиление действий, или повторение действия: давида-давида (бегом), *оҳиста-оҳиста* (медленно), тозон-тозон (галопом) и др.: *Пирамарде оҳиста-оҳиста хаёлмонанд қадам монда мегузарад.* [Муҳаммадиев Ф, 1974, с.79]. (Старик идёт медленно и задумчиво).

Повторяющиеся слова используются особенно в разговорной речи, стилях и диалектах. *Секин-секин гап занед. Қанд-панд ҳай-мӣ? Бачу качҳо созанд?*

Таким образом, слова многократно используются для выражения смысла и оттенков следующих значений:

1. Существительные повторяются без изменения формы, обозначая отдельную группу: *Халта-халта пиллаҳои афтида рехтаро ҷамъ мекарданд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.101]. (*Мешками собирали кокон…).*

При повторе прилагательных, *сип-сиҳат,* (здоровый), *тип-торик*, (тёмный), *суп-сурх,* (красный) *дуппа-дуруст* (правильный), *сип-сиёҳ* (грязный) и т.д. не ощущается многократность, чувствуется сила уровня смысла. *Шахсоне ҳастанд, ки ба зоҳирашон назар кунӣ, одами дуппа-дуруст, оқил, бамаънӣ менамоянд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.243]. (Есть люди, которые, если посмотреть на их внешность, это честные, умные, рассудительные люди). *Пештар рангаш коғази равғанолуд барин заб-зард буду ба ҳамон аҳвол бо ҳар баҳона ба шуъбаи онҳо рафт.* [Муҳаммадиев, 1974, с.317]. (Раньше цвет у него был бледно-желтый, как промасленная бумага, и в таком же состоянии он шел к ним в отдел под любым предлогом). *Хусусан чинҳои ғавси ғабғабамонанди суп-сурхаш.* [Муҳаммадиев, 1974, с.218]. (Особенно красные морщины). *Сачоқи дастпоккун сип-сиёҳ, навишта шудаст дар хулосаи комиссияи махсуси назорати халқ.* [Муҳаммадиев, 1974, с.218]. (Бело-черное полотенце для рук написано в заключении специальной комиссии народного надзора).

4. В повторе числительных выражаются следующие значения:

а) группу, целое множества неопределенности; *Дар Қароқуму Қизилқумҳо миллион-миллион гектар регистон ба боғу бустон мубаддал шавад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.223]. (Миллионы и миллионы гектаров пустыни должны быть превращены в сады в Каракумах и Кызылкумах).

б) значение – раздельное; *Охир ман саду даҳ килоям, дусаду бист кило бошед ҳам, ором хобед.* [Муҳаммадиев, 1974, с.164]. (Ведь я сто десять кило, даже если ты двести двадцать кило, спи спокойно)7.

в) Выражении смысла манеры и ясности действия: *Мову ту бояд онҳоро якта-якта ба беруни шаҳр барорем* [Муҳаммадиев, 1974, с.19]. Мы с тобой должны вывести их из города одного за другим.

В многократном появлении слов подражания выражается длительностью: *Қабл аз ворид шудан ба мобайни кӯҳсор муддате лаб-лаби адири баланд кашола мешавад.* [Муҳаммадиев, 1974, с. 186]. И так повторы имеют особую особенность значения и словообразования, а также считаются

одним из путей развития лексико-семантической системы языка. Как справедливо отмечает М. Ибрагимова, [Ибрагимова, 1978.с.] словесное искусство повторения является очень популярной единицей речи, оно усиливает эффект речи, помогает четко и ясно выражать мысли. Известно, что различные формы повтора выражены во всех стилях литературного языка, особенно в популярных (публицистических) и художественных стилях. К сожалению, отдельно и научно это искусство еще не изучалось в античном языкознании. Также о повторе написана диссертация М. Шукуровой. К сожалению, эта диссертация не была опубликована. Правда, ее содержание стало в какой-то степени известно благодаря автореферату кандидатской диссертации и нескольким библиографическим статьям. Она обратила внимание и на стилистические возможности. Несмотря на это, ряд других вопросов повтора, таких как его разные типы речи, грамматические средства сложной речи образования и тому подобное, еще требуют научного и научно-методического исследования.

На самом деле, чтобы усилить воздействие речи, сделать речь более связной, обеспечить ее связность и зрелость, как в письменной, так и в устной речи используются различные виды повтора.

Например, **лексический** повтор. Повторение в говорах выражается характерным тоном разговора, относительно громко и выразительно, звучит очень эффектно. В целом повтор имеет множество функций и широкий смысл, заслуживающий отдельного изучения. По этой причине мы попытались высказать некоторые свои мысли на основе сведений из работ Ф. Мухаммадиева о двух основных функциях повтора, как лексической, так и грамматической единицы:

- во-первых, лексическая (смысловая) и стилистическая сущность повтора;

- во-вторых, функция или грамматическая природа повтора.

Первая цель – показать статус повтора в выражении смысла и различных оттенков смысла.

О другой важной задаче слов-повторов напомнили лишь в последние годы: лингвисты Х. Джалилов и Ф. Зикриёев, которые доказали, что слова-повторы и повторение выполняют и грамматическую функцию. Они также выступают как средство соединения компонентов сложно связных предложений и, таким образом, приобретают грамматический статус, о котором говорится в работе.

Различение в значении повторов проявляются именно в предложении, в их отношении к другим его словам, особенно к началу предложения.

Например, на следующих примерах можно показать, что степень и размер действия (известия) достигались за счет полного повторения:

Например: *Пас аз андак-андак баланд шуда, то ба доманаи адирҳои зумурадфом мерасид*. [Муҳаммадиев, 1974, с.69]. (Потом оно мало-помалу поднялось и достигло подножия изумрудных холмов). *Пештар мардум аз девони Ҳофиз фол медиданд, ғайр аз ин қатор-қатор фолномаҳои махсус буданд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.75]. *(*Раньше по дивану Хафиза гадали, кроме этого было много особых гаданий). *ӯ аз банди дасти бемор дошта, бо ангуштони қоқу дарозу сермӯи худ ҷои мувофиқтарини набзсанҷиро кофта-кофта, ниҳоят меёфт.* [Муҳаммадиев,1974,саҳ.25]. (Держась за запястье больного, он искал своими длинными волосатыми пальцами наиболее подходящее место для измерения пульса и, наконец, нашел его). *Пирамарде оҳиста-оҳиста хаёлмандона қадам монда мегузарад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.79]. (Старик идет медленно и задумчиво).

В приведенном ниже предложении большое количество дополнений (начальных, заполнителей и т.д.) также выражено с помощью повторения всего слова.

Если числа встречаются повторно, то в основном выражаются два значения: а) значение много неопределенным образом или очень многих; б) значение термина определенным и специфическим образом: например:

Вай ҳазорон сол инҷониб чӣ дорад? [Муҳаммадиев, 1974, с.317]. (Что у него есть тысячи лет?) *Дар як тараф талабаҳои оянда гурӯҳ-гурӯҳ шуда*

меистоданд. [Муҳаммадиев,1974,с.50]. (С одной стороны будущие студенты стояли группами). *Аз дунболи баъзе онҳо, ки дар айни замон вазифаи муаллими институтро адо мекунанд, гурӯҳ-гурӯҳ донишҷӯён кашоланд*. [Муҳаммадиев, 1974, с.21]. (За некоторыми из них, которые в настоящее время работают преподавателями института, следуют группы студентов).

Еще одна особенность повтора слов состоит в том, что они приобретают сущность словообразования именно при повторении.

Например, следующие повторы – это существительные, которые появляются в предложении в начальной позиции:

Зинда... зинда... – пичиррос мезад Иброҳимҷон. [Муҳаммадиев, 1974, с.281]. (Жив... жив... – прошептал Ибрагимджон). "*Дили ошиқ мисоли гурги гушна, ки гурги гушна аз чӯпон натарсад" – мисраҳои халқанд гуфт Иброҳимҷон.* [Муҳаммадиев, 1974, с.319]. (Сердце влюбленного – пример голодного волка, голодный волк не боится пастуха», – сказал Ибрагимджон в народных стихах).

В тех случаях, когда повторения являются прилагательными или наречиями, они указывают и уточняют состояние действия:

Прораб сад бор ҷавобҳои талху тунд, сахту дурушт, суханҳои пасту баланд шунида бошад ҳам, аз ҷакидан намемонд. [Муҳаммадиев, 1974, с.313]. (Даже если бы старшина выслушал сотню горьких и резких, резких и резких ответов, тихих и громких слов, он не переставал смеяться).

Ба ҳамаи онҳое, ки бо ҳар гуна чирку фасод, ҳар хел ифлосиҳо сару кор дорад. [Муҳаммадиев,1974,с.290]. (Всем тем, кто занимается всякой грязью и коррупцией). *Вай мегӯяд, ки Носир Аббос мабодо яъсу навмедӣ барин чизҳои сироятӣ накунад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.290]. (Он говорит, что Насир Аббас не должен делать таких заразительных вещей, как уныние).

При многократном повторении союзов, предлогов, кроме того, усиливается эмоциональное воздействие строф (стихов), а форма выражения становится главной, метафоры поэта становятся гибкими, а также сложные узоры фразеологизмов образуются сослагательные наклонения... Такие как:

- сложное предложение со многими компонентами:

Маро не сар, на сомон офариданд,
Парешонам, парешон офариданд,
Парешонхотирон рафтанд дар хок,
Маро аз хоки эшон офариданд, зери лаб мегуфт Иброҳимҷон. [Муҳаммадиев, 1974, с.321].

(Я не был создан ни головой, ни телом,
Я в замешательстве, они создали путаницу,
Смущенный пошел в пыли,
Я был создан из их почвы, - пробормотал Ибрагимджон себе под нос).

Монӣ ту ба шабҳои зимистон, Қамаро
Зеро ки дарозиву сиёҳиву хунук ! [Муҳаммадиев, 1974, с. 72].

В приведенном предложении большое количество дополнений также выражено с помощью повторения всего слова.

1.6. Классификация дублетных слов таджикского языка

Собранный материал по дублетам из произведений Ф. Мухаммадиева «Угловая палата» составляют большое количество, и они образуются с помощью следующих средств:

- через связующее звено -у(-ю): *шодию хурсандӣ, дару девор, меҳру муҳаббат, созу наво, хушу хурсандӣ, шабу рӯз, хашму ғазаб, сурху сафед, кору бор, шарму ҳаё, ёру диёр, аҳду вафо, шуру ғавғо (радость и счастье, дверь и стена, привязанность и любовь, согласие и новизна, счастье и радость, ночь и день, гнев и ненависть, красное и белое, труд и время, стыд и позор, помощь и страна, обещание и верность, шум*) и прочее.

- путём соединительной *ма-; баҳс-мабаҳс*,

- интонацией, без какой-либо формы *сиҳат саломат, курпа болишт, китоб дафтар, курпа бистар* и др.

- с помощью предлогов и послелогов **ба, то, аз, дар:** *даст ба даст, сар ба сар, гул ба гул, руз ба руз, сол ба сол, хона ба хона* и т.д.

Дублетные лексические единицы двойного употребления широко используются в таджикском языке и делают речь более эффектной и беглой.

Являясь одним из способов словообразования таджикского языка, фразеологизмы также служат определенной цели в обогащении языка (речи). Эти единицы, не достаточно исследования в таджикской лингвистике.

Прежде всего, мы сочли необходимым уделить внимание вопросу классификации (классификации) этих единиц. Конечно, наша классификация является первым опытом и основана на вопросах, собранных нами из языка мастеров речи С. Айни, С. Улугзаде, Дж. Икроми, Фазлиддина Мухаммадиева, Рахима Джалиля, Расула Ходизода, Пулода Толиса и других, а также как литературный язык – разговорного и фольклорного материала (лексические единицы двойного употребления относительно больше употребляются в разговорной речи и творческой устной речи народа). Наша классификация учитывает семантическую, (значительную) структурную и функциональную структуру этих единиц (рассматривается не только таджикское языкознание, но и лингвистические исследования шугнанских и таджикских языковедов и других народов).

Итак, согласно собранному языковому материалу, мы классифицируем лексические единицы дублетов следующим образом:

а) словарные единицы парного употребления, состав которых не может быть нарушен: вторая часть не может быть отделена от первой части; второй компонент дается для усиления первого компонента как словесного соотношения; некоторые из вторых компонентов не имеют определенного словарного значения; они не могут дать значение словаря вместе с первой частью. Слова этой пары употребления были разделены и дроблены. Обычно они используются как единая форма, поэтому их также можно называть расширенными дублетами.

Следует отметить, что все виды лексических единиц парного употребления (корневые, продолженные и зависимые) не делятся на смысловые части, они семантически целы, их общее значение связано с содержанием компонентов (слов) их состава; при синтаксическом анализе они выступают только как один член предложения; по смыслу они

соотносятся и могут быть заменены, одним словом. Такие единицы (языка) являются одним из источников обогащения лексического состава языка (речи), а также их можно рассматривать как один из способов словообразования таджикского языка.

Вывод к первой главе

Таким образом, все виды грамматических повторов (повторение конечных причастий, членов предложений и словосочетаний) можно отнести ко многим значениям. Одним словом, повторы необходимы для построения предложений и для выражения понятий, значений и различных смысловых оттенков. Сравнение одного и того же языкового явления в структуре двух языков позволяет более четко и наглядно вскрыть сущность изучаемого явления, обнаружить его специфику как в языковом, так и в речевом, функциональном аспекте. Следует заметить, что данный процесс в современном языкознании в целом настолько углубился, что охватил все структурные уровни языков.

Дублетные слова таджикского языка образуются с помощью следующих средств:

1. через связующее звено -у(-ю): *шодию хурсандӣ, дару девор, меҳру муҳаббат, созу наво, хушу хурсандӣ, шабу руз, хашму ғазаб, сурху сафед, кору бор, шарму ҳаё, еру диёр, аҳду вафо, шуру ғавғо*.

2. путём соединительной *ма-; баҳс-мабаҳс*,

3. интонацией, без какой-либо формы; *сиҳат саломат, курпа болишт, китоб-дафтар, курпа-бистар и др.*

4. с помощью предлогов и послелогов **ба, то, аз, дар** и т.д.: *даст ба даст, сар ба сар, гул ба гул, рӯз ба рӯз, сол ба сол, хона ба хона* и т.д.

Отличительные черты зависимых пар состоят в том, что они могут функционировать независимо, не теряя своей смысловой самостоятельности. Например, в *ошуфтаю парешон* можно использовать одно из существительных, не удаляя его какую-то часть.

Еще одна общность между редупликантами заключается в том, что при синтаксическом анализе они интерпретируются как часть предложения: их можно заменить самостоятельным словом. С этой точки зрения можно сказать, что все они принимаются как устойчивые образцы речи. Их синтаксические функции – в целом, рассматриваемые как член предложения – будут свидетельствовать об этом утверждении.

В процессе анализа было определено, что, во-первых, дублетные слова считаются фактором организации однородных членов предложения и средством формирования сложных предложений. Во-вторых, выявлено образование дублетных слов особыми способами, определена их грамматическая (синтаксическая) особенность, фактор дублетных слов как части, формирующей речь и другие его неисследованные проблемы.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что дублетные слова могут быть разделены на лексические и семантические, интерпретация которых составляет содержание данной главы.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ФОРМАЛЬНОЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДУБЛЕТНЫХ СЛОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1 Основные источники обогащения новых слов в языке

Образование и пополнение лексики языков различных типологий происходит вполне закономерно и в соответствии с теми тенденциями, которые по тем или иным причинам возобладали в языке этой науки в данный исторический период. В качестве влиятельного источника пополнения лексики выступают заимствования. Заимствование как способ обогащения словарного состава играет большую роль в пополнении терминофонда экономики и быта. Самыми древними были заимствования из классических – латинского и греческого языков, которые начали проникать в иранские и другие языки еще с IX века.

Так, например, морфемы греко-латинского происхождения образуют значительную группу в корпусе экономических терминов русского языка, через русский язык они проникли и в другие языки бывшего союза такие как: *агент, гонорар, коммерция, курс, лицензия, спекуляция, экономика* и др. Из французского языка в русский, оттуда в таджикский язык пришли такие слова-термины, как: *аванс, баланс, бюджет, ломбард, полис* и др. Для обозначения экономических понятий таджикский язык также заимствовал через русского из итальянский: *валюта, нетто, сальдо* и др.; из немецкого: *бухгалтер, гастарбайтер, тариф, штраф, ярмарка* и др. В роли лидирующего языка-источника выступает английский язык, точнее американский вариант английского языка. Оттуда пришли такие слова, как: *брокер, дилер, маркетинг, менеджер, холдинг* в таджикский язык и др. Через русский язык более половины названных заимствований вошли в лексические фонды таджикского и шугнанского языков.

Главным условием заимствования лексики является наличие контакта языка – реципиента, и как следствие, двуязычие говорящих поскольку именно из среды билингвов слово нередко получает дальнейшее

распространение [Крысин,1998., с.132]. К основным путям проникновения иностранных слов в другой язык относятся как устный, так и письменный способы проникновения. На рубеже XX-XXI вв. семантическая адаптация иноязычных неологизмов имеет свои особенности, т.к. проходит в период языковой нестабильности, в период активизации многих языковых процессов. Формирование лексической семантики нового заимствования идет ускоренными темпами: иноязычный неологизм за относительно короткий срок «стремится стать полноценной единицей лексической системы, освобождаясь от неопределённости, размытости, диффузности значения [Маринова, 2008., с.12].

Этимологические дублеты связаны с процессом и результатом фонетических и семантических изменений слов.

По своей структуре и содержанию значений они занимают промежуточное положение между вариантами слов и омонимичными словами.

Но в отличие от фонетических, морфологических и прочих вариантов, представляющих результат звукового варьирования слова без изменения значения, этимологические дублеты предпологают фонетическое расщепление слова с параллельным расхождением первоначально одного и того же слова; отличие дублетов объединяются одной звуковой (или графической) оболочкой, у первых эти же значения облекаются в свои фонетические формы [Алламуродова, 2011. 180с.].

Принципиальную разницу между так называемыми «вариантами слов» и этимологическими дублетами можно выразить следующим образом: когда фонетические и грамматические видоизменения в слове не ведут к изменениям в лексическом значении, тогда принято говорить о проявлении вариантов слов, и наоборот, когда одновременно с фонетико-грамматическим видоизменением происходит дифференциация лексических значений слова, то имеют место возникновения этимологических дублетов [Алламуродова, 2011. 180с.].

Ближе других к признанию этимологических дублетов как самостоятельной лексико-семантической группы слов подходил В.В. Виноградов [Виноградов, 1986. – 639 с.]. Позднее А.И. Смирницкий [3] (вслед за В.В. Виноградовым) выделяют следующие признаки вариантов слов:

а) варианты слов имеют общую корневую часть;

б) у них сохраняется лексико-семантическая общность;

в) звуковые различия вариантов не должны выражать лексико-семантических различий.

Эти критерии А.И. Смирницкого, справедливые для определения вариантов слов, логически приводят к полярно-противоположному размещению вариантов слов и этимологочиских дублетов, так как, во-первых, этимологические дублеты, в отличие от вариантов, должны иметь, как правило, не только общность корневой части, но и аффиксы единого происхождения; во вторых, этимологические дублеты характеризуются как раз тем, что паралельно со звуковым различием у них возникает различие лексико-семантическое (говоря другими словами, этимологические дублеты-это варианты слов с дифференцированными значениями).

О.С. Ахманова [Ахманова, 1957.-295 с] варианты слов в русском языке делит на фонетические и морфологические. По ее мнению, фонетические варианты состоят из слов, различающихся по месту ударения *(недалёко томный, недалеко томный*) и из слов, не различающихся по месту ударения (ежегодный – ежегодний, фланец – флянец, кегль – кегель и т.п.). говоря о тенденции развития фонетических вариантов.

О.С. Ахманова отмечает, что либо один из вариантов постепенно устаревает, либо между вариантами устанавливаются стилистические различия. О.С. Ахманова признает, что если стилистическая дифференциация перерастает в дифференциацию семантическую, то вместо одного слова возникает два. Несомненно, это явление связано с возникновением этимологических дублетов, хотя автор и не уточняет этого.

По мнению О.С. Ахмановой в процессе развития языка вариантные формы устраняются в ряде случаев, «… варианты слов становятся разными словами в связи с тем, что за той или иной родовой формой закрепляются разные значения, особенности употребления. Сравним карьер – карьера, манер – манера, катаркт – катаракта, которые уже в 19 в. начинают употребляться как разные слова».

Сказать лишь, что они стали «разными словами» – значит не учитивать специфического состояния, особого положения парных слов подобного типа. В лексикологии нет другой категории, под которую они могли бы быт подведены с большим основанием, чем категория этимологических дублетов. Отличие этимологических дублетов от вариантов слов наглядно можно проиллюстрировать на примере слов одного происхождения: *кофе – кофей (кофий) – кафе,* из которых первые два слова являются морфологические дублеты.

Голландское *koffie,* тадж. *қаҳва* арабское *қаҳва* заимствованное в русский язык в конце 17 в., уже в конце 18 – начале 19 в. Могло произноситься как *кофей, кофий, так и кофе.* К этому времени первые формы стали считаться простонародными словами, а *кофе* – литературным вариантом.

Трудно определенно ответить, почему первоначальная, более правильная форма передачи кофей, кофий от глагола Koffie (сравните анг. *coffee* равно заимствованное из голандского; а также китайское *кафей,* хинди *kafi* впоследствии превратилась в *кофе*: возможно, под влиянием французского *cafe*, а также таких слов, как *кашне, пенсне* и пр.

Как бы то ни было, после возникновения вариантных форм как *кофей, кофий*, так и *кофе* сохраняют одно и то же значение названия напитка, хотя между ними произошла стилистическая дифференциация.

Другое дело в дублетной паре *кофе – кафе*: здесь раздвоение слова не ограничилось фонетическим расщеплением и стилистической дифференциациииеей, а кафе с самого же начала получило значение

«кофейный дом», «*кафе»* (из итальянского caffe означавшего как «*кофе», так и «кафе*»: сравним также французское, испанское, португалское cafe *«кофе, кафе*»), т.е. в таджикском языке *кофе и кафе* не имеют единого стержневого значения, превратились в самостоятельные слова и стали этимологическими дублетами.

Что касается вопроса взаимоотношений этимологических дублетов с омонимами, тут следует оговориться, что здесь мы не рассматриваем теоретические вопросы явления омонимиии, а считаем уместным ограничиться рассмотрением названного нами частного вопроса.

Коль скоро омонимами, т.е. словами, одинаковыми по звучанию, но разными по значению (рабочее определение), принято считать:

а) два или более слов, образовавшихся в результате случайных фонетических совпадений этимологически разных слов;

б) слова, появившиеся в результате распада былой полисемии, первая разновидность омонимии нас не может интересовать, как не имеющая отношения к рассматриваемому вопросу.

Оставляется в стороне и несколько дискуссионных вопросов разграничения полисемии и омонимии. Схематично полисемантичными словами мы будем считать те, вокруг стрежневого значения, которых объединяются его производные значения; омонимами – слова, которые в результате распада полисемии образовали по два или более самостоятельных стержневых значений, их общая звуковая оболочка не поддерживается более семантическим единством, так как последнее не воспринимается языковым сознанием. Таким образом, мы придерживаемся следующей схемы: «Сначала близость значений (одна историческая эпоха), затем, после постепенной утраты былой близости, самостоятельное развитие (другая историческая эпоха)».

То, что между омонимами последнего типа и этимологическими дублетами существует самая тесная и всесторонняя связь, не подлежит сомнению.

Историко-этимологическое сопоставление этимологических дублетов разных языков позволяет легко обнаружить примеры.

Анг. *agitation,* рус. *агитация* тадж. *агитаттсия* лат. *agitation* (n) «приведение в движение; движение, дятельность» через agitare восходит к agree, которое первоначально имело конкретное значение «приводить в движение, толькатьь, гнать», например, стадо на пастбище: сравните лат. ager, «поле».

Но уже в латинском языке agitation (n-) расширило свое значение и стало означать приведение в движение психического состояния, откуда в заимствовавших слово языках появилось значение «волнение, тревога, беспокойство»: сравните фр., анг. *agitation.*

Однако поступательное движение слова не остановилось на этом: блогадаря ассоциации представлений и под влиянием культурно-исторических причин в дальнейшем – уже в романских языках – возникло значение «призыв к действиям против или за что-либо». Это значение зарегистрировано в английском языке в первой половине 19 века с значением *publik «agitation»* (слово впервые употреблено в 1828 г.).

Следовательно, значения и понятия, обозначаемые в одном языке омонимичными (и полисемантичными) словами, в другом могут быть выражены этимологическими дублетами.

В омонимах образование нового слова остановилось на полпути – на семантическом раздвоении слова или же на фонетическом совпадении двух слов; у этимологических дублетов семантической дифференциацией.

Этимологические дублеты связаны с процессом и результатом фонетических и семантических изменений слов. По своей структуре и содержанию значений они занимают промежуточное положение между вариантами слов и омонимичными словами. Но в отличие от фонетических, морфологических и прочих вариантов, педставляющих результат звукого варьирования слова без изменения значения, этимологические дублеты предполагают фонетическое расщепление слова с параллельным

расхождением первоначального одного и того же слова; отличие дублетов от омонимов заключается в том , что там, где у последних несколько значений объединяются одной звуковой (или графической) облочкой, у первых эти же значения облекаются в свои фонетические формы.

Таким образом, можно сделать вывод, что этимологические дублеты являются промежуточной категорией между вариантами слов и омонимами: подобно первым, они имеет различную звуковую оболочку; подобно омонимам, дифференцированы значениями.

2.2. Этимологические дублеты в современном таджикском языке

Этимологические дублеты представляют одну из древнейших и обширнейших лексико-семантических категорий. Этимологические дублеты – это слова, этимологически восходящие к одной и той же основе, но имеющие в языке различное значение, произношение и написание. Этимологические дублеты связаны с процессом и результатом фонетических и семантических изменений слов. По своей структуре и содержанию значений они занимают промежуточное положение между вариантами слов и омонимичными словами.

Таким образом, предметом этимологии, как раздела языкознания, является изучение источников и процесса формирования словарного состава языка и реконструкция словарного состава языка древнейшего периода. Известный исследователь М.М. Маковский определяет термин «этимология» как раздел языкознания, в рамках котого на основании сравнительно-исторического метода восстанавливается наиболее древняя словообразавательная структура слова и элементы его значения, которые в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, межьязыковых и территориально-временных процессов оказались нарушенными, смешенными или утраченными. Большой интерес для исследования представляют этимологические дублеты. Э.М. Дубенец пишет, что «разные по написанию и значению слова, исторически могут относиться

к одному и тому же слову. Такие слова называются этимологическими дублетами, например, слово *рапег* заимствовалось из французкого *papier,* которое в свою очередь пришло из латинского *papyrus,* возникшего из греческого *рарургия.* Таким образом, слово, возникшее в греческом, в результате было заимствовано английским языком из французского, образуя этимологический дублет. (Дубенен,2006 с.54). О.С. Ахманова определяет термин «дублет, как одно из двух или более слов, более или менее близких по значению и звучанию, связанных общностью происхождения и нередко возникающих в языке вследствие разновременного заимствования. Например**:** *hostel – hotel – hospital* [Ахманова О.С., 1969.-295 с]. Например, в Online Etymology Dictionary среди словарных статей на «z» представлены лексические сдиницы различного происхождения: их общее количество составляет 73 единицы, из них 52 % составляют заимствованные лексические единицы, 36 % составляют этимологические дублеты, 12 % представленных лексических единиц являются именами собственными. Около 16 % слов было заимствовано из латинского языка: *zephyr* (из латинского zephyrus - от греческого zephyros); *zone* (из латинского zona от греческого zone); zoology (из латинского *zoologia* от греческого zoion). Французские заимствования составили 12 % слов: zed (из среднефранцузского *zede* от латинского zeta), *zig* **-** *zag* (из французского zigzag от греческого zickzack), *zodiac* (старофранцузского zodiaque от греческого *zodiakos* / kyklos). Немецкие же заимствования составили 10 % : zeitgeist (из немецкого zeitgeist), zither (с немецкого zither из древне - верхненемецкого zitara из ла тинского cithara от греческого kithara), zyklon (немецкого zyklon) . Примерно 8 % слов было из греческого заимствования: *zeta,* zeugma (греческого zeugnynai), *zoo* (из греческого zoion), zygote (из греческого zygotes). А итальянские и испанские заимствования составили всего 6 %: *zebra* (из итальянского zebra), *zero* (из итальянского его от среднелатинского zephirum), *zorro* (из испанского zorra). Рассмотрим некоторые примеры этимологических дублетов: греч.: zelotes - английский zealot / *zeal* **-** лат.**:** *zelos греч.: zeta* – английский *zeta* / zed - фр.:

zedde Фр.: *zodiaque* – английский *zodiac* / horoscope - IT.: horoscopes ит.: чего - английский *cipher zero* / - лат.: *cyfra* нем. zither английский / *guitar* - *греч.: kithara*. С точки зрения истории языка появление этимологических дублетов в языке является отражением различных этапов формирования его словарного состава. С этимологической точки зрения вся лексика разделяется на исконную и заимствованную. Заимствование лексики является следствием сближення народов на почве экономических, политических, научных и культурных связей.

В большинстве случаев заимствованные слова попадают в язык как средство называния слова могут также являться вторичными наименованиями уже известных новых вещей и выражение ранее неизвестных понятней. Заимствование предметов и явлений. Это происходит, если заимствованное слово используется для несколько иной характеристики предмета, если оно является принятым интернациональным термином или если иностранные слова насильственно внедряются в язык (при военной оккупации). Многозначные слова обычно заимствуются в одном из своих значений. И объем значения слова при заимствовании, как правило, сужается.

В случае заимствования устным путем слова быстрее полностью ассимилируются в языке. Слова, заимствованные письменно, дольше сохраняют свои фонетические, орфографические и грамматические особенности. Заимствование бывает непосредственное и через язык-посредник. Языками-посредниками явились, например, латинский (через латынь в английский попало много греческих слов) и французский (из которого было заимствованно много латинских слов). Основными способами заимствования лексики являются транскрипция, транслитерация и калькирование. [Джамшедов П.2013,185 с.]

2.3. Заимствованные слова и слова-повторы в современном таджикском языке

Заимствование иноязычной лексики играет немаловажную роль в развитии и обогащении словарного состава языка. Следует согласиться с П.Я. Черных, что “Не существует таких языков, которые в лексическом отношении отличались бы совершенной “чистотой”..., в лексике которых не заключалось бы слов, заимствованных из других языков в разное время и при различных обстоятельствах” [Черных, 1956, с.141-142]. Заимствованные из других языков слова, попадая в словарный состав персидского языка, приспосабливаются к звуковым и грамматическим нормам языка и иногда полностью меняют свою языковую оболочку и приобретают новые значения. Поэтому определение принадлежности заимствованных слов к тому или иному языку является актуальным вопросом лексикологии персидского языка. Процесс заимствования иноязычных слов наблюдается во всех языках иранской группы, так как в течение длительного периода развития они находились тесном взаимодействии с другими языками. Здесь нужно указать на то что в течение нескольких столетий таджикский язык был подвержен арабскому языку после арабского завоевания на территории Средней Азии и Мовароуннахра.

Этот процесс играет важную роль в обогащении словарного состава новыми словами, терминами и выражениями и лексический состав любого языка совершенствуется и пополняется не только благодаря использованию исконных слов, но и при помощи заимствования. В процессе своего развития персидский язык под влиянием различных социально-исторических условий заимствовал из различных языков многочисленные лексические элементы, так как “лексическая система наиболее проницаем. Это связано с самой природой слова, его направленностью на действительность, соотнесенностью с предметом и понятием и внеязыковые факты играют решающую роль в осуществлении заимствований на лексическом уровне” [Биржакова,1960. с.8]. В этом отношении заимствованные редупликаты являются не

исключением. Например: *бах-бах, лақ-лақ, бақ-бақ, бул-бул, тарака ва барака* [Д. Борбор, 2008. 4-6] и другие.

В этом отношении лексика персидского языка не является исключением. Как подчеркивает Л.С. Пейсиков, “лексика иноязычного происхождения благодаря легкой проницаемости персидского языка служит одним из главных источников пополнения словарного фонда” [Пейсиков, 1975. с.30]. Заимствование иноязычных слов происходит различными способами и охватывает почти все сферы жизни и быта. Как отмечает Н.А. Шаропов “элементы одного языка, в силу необходимости, входят в лексику другого языка, в основном двумя путями: 1) слова, термины и иногда переходят выраженння из языка на язык непосредственно; 2) они проникают в него при помощи третьего языка, посредством косвенного заимствования [Шаропов 1988, с.48].

Лексический состав персидского языка представляет богатый и разнообразный материал для исследования. В нем наблюдается все разнообразия и многоликость традиций, культуры и быта иранских народов. Изучение различных пластов лексического состава новоперсидского языка, а особенно его раннего периода развития, представляет огромный интерес не только в лингвистике, но и для подробного и всестороннего изучения истории и этнографии. Заимствованная лексика представляет один из основных пластов лексики персидского языка. Актуальность изучения иноязычной лексики не вызывает каких-либо сомнений. Вопрос о лексических заимствованиях привлекает внимание многих исследователей и довольно подробно изучен иранистами [Белгородский,1936. 112с.]. Несмотря на то, что иноязычная лексика персидского языка исследована довольно подробно со стороны отечественных и зарубежных специалистов, многие ее стороны и сейчас еще остаются малоизученными. Особенно вопросы греческого и индийского заимствования ожидают своих исследователей.

При исследовании лексики персидского языка авторы ограничиваются в основном тематической классификацией или общими указаниями на

существование того или иного слова в словарном составе языка. Так, Н.А. Белгородский отмечает, что основной словарный фонд персидского языка в конце XIX века и начале XX века пополнялся за счет арабских слов, европейских элементов и “туристических извлечений староперсидских слов ... с приданием им современной семантики” [Белгородский,1936. с.88]. Более подробно иноязычные заимствования описаны в работе В.С. Расторгуевой [Расторгуева,1960], которая выделяет исконно иранские слова, общие для многих языков иранской группы, арабские заимствования иноязычные слова западноевропейского происхождения. При этом она особо отмечает, что в словарном составе персидского языка наибольшее число европеизмов проникает из французского.

Вопросы, связанные с заимствованной лексикой, исследуются в работах известного ираниста Ю.А. Рубинчика, [Рубинчик, 1960, с.140]. Он выделяет заимствования из арабского, тюркского, монгольского, западно европейского и русского языков. Вопросам иноязычных слов посвящена статья И.К. Овчинниковой [Бертелс,1926, с.50]. В ней рассматриваются еще совсем мало изученных вопросов из арабского и европейских языков. Здесь особо отметим докторскую диссертацию Н.З. Хатеми, где более подробно исследуется лексика персидского языка [Хатеми, 1965.с.841]. Работа охватывает многие стороны обогащения и развития лексики персидского языка. При этом ученый особо затрагивает вопрос о взаимовлиянии разных языков, в том числе влиянии персидского языка на другие языки. В самом Иране исследованию лексики персидского языка отводится серьезное внимание. Иранские ученые уделяют большое внимание иноязычной лексике, как одному из основных пластов лексического состава современного персидского языка. Ученый подробно останавливается на источниках пополнения словарного фонда персидского языка иноязычной лексикой. При этом он выделяет лексику греческого, латинского, арамейского, эфиопского, тюрко-монгольского, индийского, арабского происхождения. Персидский

язык в различные периоды своего развития, соприкасаясь с этими языками, заимствовал много слов.

Проблемы развития персидской лексики и заимствования иноязычных слов рассматривает также П.Н. Хонлари. Его книга “Языкознание и персидский язык” состоит из нескольких статей. В ней наряду с другими проблемами развития и пополнения словарного фонда подробно освещаются пути заимствования слов из других языков. Автор отмечает, что заимствованные слова вместе с заимствованием ненавистных явлений или предметов служит одним из средств обогащения и пополнения словарного состава любого языка [Хонлари, с.131-132]. П.Н. Хонлари выделяет три основные группы заимствованных слов, классифицируя их тематически:

1. Слова, обозначаюшие естественные, природные продукты (*махсулоти табиӣ ба форсӣ*). Он включает в эту группу названия растений, цветов, полезных ископаемых, драгоценных камней и минералов.

2. Слова, представляющие собой названия изделий промышленности, ремесла, кустарничества и др. (*махсулоти саноатӣ*).

3. Названия предметов и понятий из сферы цивилизации и культуры, научная терминология [Хонлари, с.138].

При этом автор подчеркивает, что процесс заимствования происходил не односторонне, а взаимно, так как персидский язык на различных этапах своего развития также был источником заимствования.

Многочисленные слова, обозначающие различные предметы из персидского языка проникли в другие языки. Автор приводит множество примеров, когда слова персидского языка проникали в другой язык, а через него распространялись дальше, вошедшие в персидский из иного языка, такие, как *кафур/kafur*/ из санскрита, переходили в другие [Хонлари,с.141-142]. Заимствованные слова фиксируются и в современном персидском языке в практике персидской и таджикской лексикографии. Любые современные источники (толковые, дву- и многоязычные энциклопедические словари) содержат информацию об иноязычной лексике.

Заимствованным словам посвящено множество отдельных статей, а в каждой крупной работе – отдельные главы. Интенсивное проникновение иноязычной лексики можно наблюдать на примере любого памятника раннеперсидской прозы: “Аджайиб-ул-махлукат” в этом отношении не исключение. В нем наблюдается интенсивное и обширное проникновение арабских слов, так как период написания этого источника характеризуется как период расцвета культуры, науки Арабского Востока и арабский язык являлся языком религии и науки той поры. По объему арабские слова выделяются многогранностью и охватом многих сторон общественной жизни и быта. Вообще заимствованные слова в “Аджалиб-ул-махлукат” по их языковой принадлежности в основном, относятся к следующим группам:

1. Индийские;

2. Древнегреческие;

3. Арабские;

4.Заимствованные из других языков (арамейского, сирийского, коптского и др.).

Заимствования из языков народов Индии. Языковые связи ираноязычных народов с народами Индии имеют весьма древние традиции. Многие примеры из жизни этих народов свидетельствуют об общности их культуры, традиций и т. д. Так М.А. Дандамаев отмечает, что “... в 1Х-Х вв. языки соседних народов, иранцев и индийцев, были еще близки и по обе стороны лингвистической границы сохранялись сотни общих слов. Земледельцы и кочевники иранских и индийских областей, без сомнения, в определенной степени понимали друг друга [Дандамаев, 1982, с.116]. Необходимо отметить, что взаимозаимствование многих слов в этих языках обусловлены двумя историческими факторами:

1. Общностью происхождения [Ставский, 1964 с. 166-187].

2. Взаимосвязью и взаимовлиянием в различные периоды исторического развития.

Характер взаимоотношений иранцев и индийцев затрагивается в книге П.Н. Ханлари “О персидском языке”. В частности он пишет: “В большой семье индоевропейских языков тесные взаимосвязи между иранским (протоязык современных иранских языков и индийскими языками приводит к категорическому признанию единства их основы. Единство этой основы подтверждается некоторыми историческими фактами и догадками. Надписи хеттских царей, найденные в местечкс Бугозкуй (в 150 км. восточнее Анкары), свидетельствуют о том, что эти племена, которые, по видимому, происходили из южно-русских степей, двигались в места своего дальнейшего обитания, то есть Ирана и Индии. Кроме того, эти два племени, иранцы и индийцы, в дошедших до нас древнейших памятниках, именуют себя общим именем – названием “арийцы”. Дарий в своих надписях себя называет “арийцем и арийского происхождения” [Ханлари 184, с.44]. Другой исследователь индоиранской филологии Джамшид Катрак Кавасджи, сообщая о раннее персидской прозе, начиная от “Сиясатнаме” Низам ул-Мулка, подчеркивает взаимовлияние и взаимоотношения индийских народов с народами, населявшими Иран, Среднюю Азию и Афганистан. В частности, он пишет: “С незапамятных времен, которые западные и индийские сочинители неправомерно называют “мифическими”, “легендарными” или “доисторическими” между Индией и Ираном существовали политические связи религиозное родство, культурные торговые и общественные взаимоотношения [Katrak Jamshid Cawasji 1960. с.20.].

Слова, заимствованные из древнегреческого языка. В результате долгих устойчивых взаимоотношений иранских народов с греками и римлянами в персидский язык вошло много слов греческого происхождения. “Греко-персидские войны, завоевания эллинистические Александра Македонского, государства Ахеменидов, торговый путь международного значения через Парфию, культурное влияние Греции и Рима при Сасанидах – все это не могло не оставить следов в современном составе персидской лексики” – пишет А.С. Пейсиков [Пейсиков,1975. с.33]. Необходимо

подчеркнуть, что не только греческий язык повлиял на персидский язык, но и иранские народы оставили глубокий след в истории цивилизации Древней Греции и древнего Рима. Ведь до греко-персидских войн и завоеваний Александра Македонского имели место персидско-греческие войны и персидские завоевания. По этому поводу Б. Гафуров пишет: “Отмечая влияние, оказанное культурой Греции на культуру Востока (оно действительно было очень значительным), многие буржуазные историки часто совершенно замалчивают культурные достижения восточных народов. В действительности же тысячелетняя культура востока также оказала большое и разностороннее влияние на развитие культуры Греции и других стран Запада [Будагов,1976, с.100]. И в словарном составе греческого происхождения и языка много слов персидского перешедших в него через посредничество персидского языка.

Слова арабского происхождения. Влияние арабского языка на классический дари приобретает систематический характер после завоевания Ирана арабами в VII в. В последующие периоды арабофильские тенденции стали все более усиливаться, и в результате этого процесса в словарный состав классического языка дари вошло много слов арабского происхождения. Эти слова прочно вошли в словарный фонд языка и в большинстве сохранились и употребительны до настоящего времени и составляют активный фонд словарного состава. Арабизмы в классическом дари были объектом многих исследований. Влияние этих слов в настоящее время в персидском, таджикском и дари языках исследуется довольно широко [Абдуллаев,1987. с.187], и поэтому нет необходимости подробно их анализировать. Остановимся лишь на некоторых теоретических вопросах, которые, по нашему мнению, являются актуальными и по сей день. На процесс иноязычного заимствования влияют как причины экстралингвистического характера, так и лингвистического. Так, этому процессу необходим “некоторый минимум двуязычия – главное условие лексического заимствования” [Крысин, 1968 с.50]. Но при этом определенная

языковая политика, направленная на ограничение или, наоборот, на внедрение иноязычной лексики, может играть определенную роль и влияет на процесс лексического заимствования. Арабские слова проникали в персидский язык в основном двумя путями: а) принудительно, через административно-канцелярское делопроизводство, религиозные обряды, научные труды и т.д.; б) добровольно, столетия спустя, когда ознакомившись с научной арабской литературой, ученые исследователи, да не только они, активно стали осваивать много арабских слов и выражений и стали их применять в своих трудах [Кабиров, 1979, с. 60].

Тут необходимо подчеркнуть, что языковая политика в Таджикистане после 30-х годов также во многом сходна. В этот период в таджикский язык было внедрено много слов русского и интернационального происхождения, Хотя почти все их эквиваленты существовали в классическом персидском языке. Особенно ощутимо этот процесс наблюдается в процессе становления таджикской научной терминологии. Процесс проникновения арабских слов в классический дари имеет длительный характер. Так, Бахар в монографии “Стилистика персидского языка” выделяет четыре этапа заимствования из арабского языка:

1. С первого века хиджры до пятого (начало VI века – начало XI в.);
2. С пятого века до седьмого века хиджры (XI-XIII вв.);
3. С седьмого до двенадцатого (XIII-XVIII-XIX)
4. С двенадцатого века до наших дней (XIX-XX вв.).

При этом Бахар отмечает, что первый период в языке фарси вошли только те слова, которых ранее не было в фарси (религиозные термины, слова, обозначающие административные понятия и т.д.). Затем, начиная с XII века началось интенсивное проникновение арабских слов в словарный состав языка были в этом фарси, хотя их эквиваленты и были в этом языке. [Бахар с.1986. 259]. Заимствование с арабского происходило различными путями, и заимствованы не многочисленные пласты разнородной лексики, письменности, “крылатые” слова и выражения, словообразовательные

морфемы, отдельные звуки и т.п. Заимствование происходило через устное общение, религию, книжный язык науки и культуру. И этот процесс имел обоюдный характер. Необходимо отметить, что влияние арабского языка сильнее ощущается в прозаических произведениях, особенно, в научных трактатах. Даже тогда, когда в классическом дари встречались исконно иранские эквиваленты, все равно сначала приводились арабские названия, а затем персидские. Сравнение одного и того же языкового явления в структуре одного языка позволяет более четко и наглядно вскрыт сущность изучаемого явления, обноружить его специфику как в языковом, так и в речевом, функциональном аспекте.

Следует заметить, что данный процесс в современном языкознании в целом настолько углубился, что охватил все структурные уровни языков. Аспект изучения структуры слова как части речи является сегодня привлекающим исследователей-лингвистов объектом специального изучения.

Для установления отличительных черт дублетов необходима дать исчерпывающую характеристику слов-дублетов с целью их сопостовления с парными синонимами и синонимическими единицами в составе определёного микрополя.

Языковые дублеты также, как и парные синонимы, да и вся группа синонимов способствуют раскрытию целей автора или говорящего красочности и оказанию влияния речи. В «Толковом словаре» В.И. Даля [Даль, 1903-1911] дана следующая характеристика слова «дуплет/дублет» и его семантических вариаций: дуплет, франц. вещь вдвойне; две вполне равные, одинаковые вещи, из которых посему одна в излишке: говорят о книгах монетах и пр. двойник о сросшихся гранках: двойчата, двоешник; о подельном камне: двоешник, сдвоенный, из двух стекол и другие.

Дублеты или дуплеты – это взаимозаменяющие папорно используемые слова, обладающие одинаковой семантической нагрузкой, которая, однако, не обязательно должна быть эквивалентной;

1) Дублирующие друг друга лексические единицы употребляются попарно, дополняют и консолдируют значения, которые в отдельности не всегда несут определённую семантическую нагрузку;

2) Парадигматика функционально-семантических микросистем с дублетными значениями – симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, что может представляться в различной форме, в особенности дублетов в составе сопоставляемых языков. В современном таджикском языке данное понятие также широко употребляется. Она трактуется в значениях *дугоник, хамранг, нусха* «двойник, подобие, копия» и в морфологическом;

3) выражении используется в качестве существительных – дубликат документа, прилагательных – дублирующий состав и глаголов – дублировать что-либо.

В отечественном языкознании впервые данная проблема была освещена в работах известного таджикского лексиколога, специалиста в области синонимии – Мухаммадиева [Мухаммадиев, 1962., с.56].

Абсолютные синонимы (дублеты) составляют особую группу парных синонимов в таджикском языке. Абсолютными синонимами называются слова, которые имеют ни семантических, ни стилистических различий: напрямую = непосредсвенно (наречие); употреблять = использовать= применять (глаголы), реликвия – раритет (существительные).

В ходе исторического развития синонимов, или изменяется их стилистическая окраска, или сфера их употребления. Например: *алифбо - алфавит, ҳамоиш – гирдиҳамоӣ, самолёт – аэроплан*. В таджикском языке образцом таких абсолютных дублетов считаются синонимы *ҷаҳон – дунё – олам,* хотя в таджикском языке наблюдается довольно большое количество синонимичных к ним слов, которые по характеру употребления больше являются стилическими, так как применяются в различных художественных контекстах. Например, *ҷаҳон, дунё, чарх, сипеҳр* и др.

Дублеты имеют непосредственное отношение к синтаксической синонимии, так как зачастую применяются в различных предложениях во избежание однообразия и повтора слов.

Дублеты дополняют и объединяют значения, которые в отдельности не всегда несут определенную семантическую нагрузку. Кроме того, парадигматика синонимов с дублетными значениями – симметрична. В них почти соответсвуют план выражения с планом содержания, и это приводит к яркой и неординарной выраженности дублетов.

Для исчерпывающей характеристики лингвистической концепции о словах-дублетах весьма важным представляется понимание и выбор области, сведения из которой необходимы для объяснения закономерностей развития и функционирования языка. Как таковое понятия «дублет» на данный момент существует лишь в европейском языкознании. Тем не мене таджикскими лингвистами в данном направлении осуществлен ряд работ, в которых данный термин освещается как «*муродифҳои ҷуфтистеъмол», «муродифҳои ҷуфткорбурд», «синонимҳои ҷуфт*» и т.д. [Мухаммадиев, 1962. с.87-67].

Необходимо отметить, что работы известного таджикского лексиколога М. Мухаммадиева были лишь первым шагом на пути иследования таджикских дублетов. Это самое первое суждение о новом аспекте структуры дублетов таджикского языка. Однако, к сожалению, данный вопрос по сей день не нашёл своего должного анализа и исследования и не проник в учебники по таджикскому языку, и даже в академическое издание грамматики таджикского языка.

Наряду с этим, в большинстве видов стиля речи дублеты используются довольно широко, они даже имеют различные разновидности и отображают природу тадкикского языка и выясняется, что такие слова не появились или были заимствованы из других языков, а всегда исконно существовали.

Необходимо отметить, что в некоторых научных работах, посвященных проблеме синонимии принят к употреблению термин «дублетность» т.е. *вожаҳои ҷуфтистеъмол*. По нашему мнению, этот выбор является наиболее

подходящим, он звучит лучше, чем термин «дублет». Это связано с тем, что все дублеты выражены идентичными по своей семантике словами или устойчивыми цельными выражениями. Исследование данного вопроса имеет как научное, так и практическое значение и свидельствует о том, что таджикский язык имеет свою особую и богатую грамматику и до сих пор в нем есть множество нераскрытых сторон, не исследованных в полном объёме. В связи с этим, наша цель и задача состоит в том, чтобы по мере возможности пролить свет на данный вопрос и всесторонне рассмотреть суть и разновидности дублетов с целью, чтобы данная тема нашла своё место и отражение в учебниках и пополнила учебные пособия.

С целью обобщения сведений о дублетах применительно к таджикскому языку нами установлено, что дублеты по структуре принадлежат к синонимам, но обладают собственным арсеналом признаков. Кроме того, они отличаются от парных синонимов. Это связано с тем, что дублеты помимо выражения повтора, также могут выражать альтернативу. Дублеты отвечают на вопросы, так как по структуре являются неустойчивыми и разделяются на компоненты. В свою очередь, дублеты также отличаются и от других разновидностей парных синонимов. Ниже при помощи примеров мы постараемся передать отличие дублетов от вышеупомянутых парных синонимов.

Языковой материал свидетельствует о том, что в современном таджикском языке широко применяется 3 вида дублетов:

1. словообразавательные: *сафед - сафедтар, даст-даста-дастӣ.*
2. стилистические*: ҳофиз - сароянда, ханда-хандаовар.*
3. фразеологические: *ба дил задан, дил об шудан, дил хун кардан, дил бой додан.* Для лингвистов интерес представляет также этимология вышеуказанных слов [Джамшедова Л, 1987. С. 45-49].

Само выражение «дублет» заимствовано таджикском языком через русского языка из французского, в котором оно исторически обозначала «бе

либосҳои ҳарбӣ», то есть использовавшийся в качестве второй одежды или военный доспех.

Первые, как правило, сильно изменены языковыми законами просторечия (элизия, протеза, ассимиляция, измененное ударениские и др.), а классический книжный латинизм мало отличается от своего античного аналога.

В текстах, наиболее близких к разговорному стилю, особенно к диалогу и монологу, можно встретить предложения, содержащие слова и конструкции, в которых дублетные компоненты являются устойчивыми, не расчленяющимися на отдельные компоненты и морфемы. Такого рода словоформы в языкознании называются словами-дублетами или же обсолютными синонимами.

Дублеты в синтаксическом плане не разделяются на компоненты, а также их компоненты нельзя считать морфемами.

Дублеты по структуре в современном таджикском языке выполняют функции различных членов предложения. Компоненты дублетов приобретают целостный смысл только в контексте, следовательно, они не обладают самостоятельным семантическим полем [З.А.Х.Т. Душанбе. 1985с].

Наряду с этим дублетные пары, которые во время диалога выражаются одним словом, ни в коем случае нельзя отождествлять со словами-предложениями, так как они отвечают на определённый вопрос и выполняют функции того или иного предложения.

К слову, необходимо подчеркнуть, что дублетные пары и односоставные номинативные предложения, которые также преимущественно не могут быть выражены одним, словом, также отличаются друг от друга, так как номинативное предложение принадлежить к одному из главных членов предложения – к подлежащему, кроме того, они обладают синтаксической нагрузкой в предложении.

Дублеты в основном свойственны разговорной речи, поэтому они всегда тесно связаны с контекстом и примущественно выступают в рамках диалогической и разговорной, индивидуалной (монологической) речи.

Таким образом, в таджиксом языке дублеты своими характерными свойствами кардинально отличаются от частиц, междометий звукоподрожательных слов, они по своим морфологическим признакам близки к тем или иным частям речи, так как отвечают на определённые вопросы.

Для анализа построения слов-дублетов, нам необходима обратиться к значению данной лексемы в словорях. Значения «дублетность» в различных словарях трактуется по-разному. Это, прежде всего, историческое слово женского рода, заимствованное из французкого языка - «double». Значение данного термина в различных областях принимает следующие семантические оттенки.

1) Наличе дублетов. Заимствование с установкой на сопоставление с европейским словарем и известное подравнивание под влиятельные нормы европейского словоупотребления предпологало в ряде случаев наличие разнозначного русского материала, семантически эквивалентного приходящим иноязычным словам. Это было причиной возникновения дублетных пар и серий иного рода – из русских и иноязичных слов.

2) Слово дублет *ҷуфтистеъмол, такрорӣ,* (дубль, дублировать), употребляется в значении «второй экземпляр какой-либо вещи» (обычно в коллекции, музее, библиотеке и т.п.); один из двух одинаковых предметов.

Также дублетами называют фотообъектив из двух линз (Капелзон), пару близко расположенных спектральных линий (например, желтый дублет в спектре натрия).

В таджикском языке приминение дублетов, также, как и парные синоними, является достаточно распространеным явлением. Как указывалось ранее, в таджиском языкознании термин до сих пор не разработан, о дублетах

упоминается в работах ряда таджиксих лингвистов только в качестве парных синонимов.

Рассмотрим дублеты таджикском языка относящиеся к эмоциям и состоянием человека:

- Действенное выражение, выражение мысли – *оҳу воҳ (о боже), нолаю афғон (вздох и стоны), тобу тоқат (терпение).*

Например: *Эҳтимол, аз умраш фақат чанд рӯз боқӣ монда бошад ва ба оҳу воҳу нолаю афғони дигарон тобу тоқат надорад [*Муҳаммадиев, 1974, с.103*].* (У него может остаться всего несколько дней в жизни, и он не потерпит чужих вздохов и стонов).

Эти выражения иногда употребляются в настоящем времени. Писатель использует эту форму именно для того, чтобы удержать предмет изображения в душевном состоянии, чтобы сократить мысль, сократить предложение.

В работах по таджикскому языку мы находим следующее определение: это описание является хорошей стилистической особенностью писателя и используется для выразительного и эффективного выражения мысли: *гушу ҳуш* (внимание***).***

Аз экран сари писараке намоён мешуд, ки ҳама тан гушу ҳуш гардида, даҳанаш боз мондааст [Муҳаммадиев, 1974, с.56]. (На экране была голова проснувшегося мальчика с открытым ртом).

Выражение образа и способ совершения действия: *шуху шаттоҳ* (шутник). *Инро гуфта, Қамари шуху шаттоҳ хам шуда, аз руйи рафиқаш бӯсид.* [Муҳаммадиев, 1974, с.56]. (Сказав это, шутник Камар наклонился и поцеловал своего друга в лицо).

Значение определения и описания: *саъю кушиш, ҷидду ҷаҳд* **(**старание**).** *Пеш вай дар ақидае буд, ки ҳамаи саъю кушиш, ҷидду ҷаҳд ва талоши Носир Аббос барин шахсон фақат зоҳиран гуё маъное дорад.* [Муҳаммадиев, 1974, с.223]. (Ранее он придерживался мнения, что все

старания, старания и старания таких людей, как Нассер Аббас, только кажутся бессмысленными).

Выражение степени или акцента речи: *сахту сухт (твердый), таппа-тайёр (готовый).*

Аз ёд бурдааст, ки гапҳои сахту сухт, эродҳои дабардуққи ўро бечора Қамар мебардорад… [Муҳаммадиев, 1974, с.182]. (Он забыл, о том, что его твердые слова только его друг бедный Камар выносит). *Ҳасан, баъзан кўдаки таппа тайор мешави-а !* [Муҳаммадиев, 1974, с.99]. (Ҳасан иногда ведёт себя как ребёнок).

Выражение описания (интерпретации): *дуғу даранг* (бунтовать), *дуғу даґдаґа* (высокомерие).

Ҳамин хел дуғу дарранг кардан гирад, ба пеши мардак телевизор, радиоприемник, телефони алоҳида ҳам оварда мемонанд, аз дил гузаронид Иброҳимчон [Муҳаммадиев, 1974, с.104]. (Точно так же мужчине подносят телевизор, радиоприемник и отдельный телефон, подумал Ибрагимжон). *Чӣ гуноҳ дорам ман? Барои чӣ маро аз роҳ боздошта, дуғу даґдаґа мекунед? Шурида рафт он ҳайкал* [Муҳаммадиев, 1974, с.286]. (В чем мой грех? Почему ты беспокоишь меня? Статуя была взорвана)**.**

Связь образа с негативным эмоциональным оттенком: *фачу лач (бред* какой-то). *Меґўянд, ки он ҳуҷайрахо на фақат аз кор нафармудан, балки аз шунидани гапҳои фачу лач ҳам шах мешаванд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.72]. (Говорят, что эти клетки не только перестают работать, но и становятся глухими, когда слышат глупый разгавор).

Антонимическое отношение ко всему: *пиру ҷавон (старый и молодой), сафеду сиёҳ, (белый и чёрный), наґзу гангда (хорошо и плохо), бобу нобоб (комфортно и некомфортно).*

Ҳазорон пиру ҷавони мамлакат бо як забон полковникро тарафдорӣ мекарданд. [Муҳаммадиев, 1974, с.84]. (Тысячи молодых и старых страны подерживали полковника).

Лекин ин нозҳо, ин корро ба наґзу ганда, бобу нобоб ҷудо карданҳо ҳама аз серию ношукриҳо буд. [Муҳаммадиев, 1974, с.64]. (Но все эти уловки, отделяющие хорошее от плохого в работе, были все из-за неблагодарности).

Деворҳо пур аз расмҳои калон-калони ранга ва сафеду сиёҳи гуногун намунаи беҳтарин кадрҳо аз филмҳое, ки ба худаш ва рафиқонаш писанд омадааанд. [Муҳаммадиев, 1974, с.65]. (Стены заполнены большими картинами различных цветов и черно-белыми примерами лучших кадров из фильмов, которые понравились ему самому и его друзьям).

2.4. Редупликация прилагательных и числительных в таджикском и шугнанском языках

Лексическое дублирование – термин, который не часто приходится слышать даже филологу. Тем не менее, это явление всем знаком по оборотам, которые можно увидеть в любом языке. Предельным случаем редупликации является повторение – удвоение всего слова: *кам-кам, андак-андак***,** шугн.: *дус дус, кам кам, лап лап* и др.

Термин «редупликация» (от *лат*. reduplicatio – удвоение) в различных источниках трактуется по-разному, поэтому можно сказать, что на сегодняшний день его точного определения не существует [Даминова М.З. 2021, с. 36-40]. Под этим термином следует понимать различные языковые явления, такие как внутрисловные и межсловные удвоения. Удвоение целого слова либо его корня или основы, называется редупликацией. В различных языках мира редупликация выражает различные значения [Д.Музафарова, 2014, с.28-34].

Сам термин “редупликация” – один из основных терминов в генетике. Он означает удвоение, самовоспроизведение цепи молекулы ДНК, кодирующей код жизни. Повторы генов, как в обычном языке, обычно служат для усиления функции какого-либо гена. Иногда эти повторы связываются воедино, образуя новую генетическую семантику. В других

случаях повторы служат знаками генетической пунктуации в хромосомной нити-фразе. [М.Д.Голубовский, 2011, с.186-193].

Такое явление как лексическое повторение слов существовало еще в древнейших языках. Уместно сказать, что этот феномен появился одновременно с первыми средствами человеческого общения. Согласно мифологическим данным, несколько тысяч лет назад на территории Поволжья существовал общий предок большинства западных языков – индоевропейский. Изучение этого вопроса было впервые начато филологами в XIX веке. Лексический повтор существовал даже в этом древнем языке. В основном это были глаголы и их совершенная форма.

- в индоевропейском праязыке вместе с абляутом корня и системой личных окончаний выражала значение перфекта; уменьшительность (*nda 'дом' и ondenda 'домик'* в языке яунде группы банту);

- в малайском языке редупликация несёт значение множественного числа (orang – человек, orangorang – люди) [БСЭ, 1926, с.6];

- в урду редупликация встречается особенно часто (в разговорной речи-чаще для выражения эмоций, подчеркивания каких-либо деталей): например, редупликация придает неопределенному местоимению значение наречия частоты کبھی *kabhi* – когда-то, کبھی کبھی *kabhi-kabhi* – иногда); [БСЭ, 1926, с. 7]; меньшая интенсивность: *fotsi-fotsi 'беловатый'* в малагасийском языке).

Цель такого способа словообразования состоит в том, чтобы усилить эффект подаваемой информации, а также увеличить значимость описываемого явления. Таким способом можно создать редупликат практически из любого слова, относящегося к знаменательным частям речи.

По мнению Михаила Голубовского, академика РАН, генетика, историка науки, доктора биологических наук, слова-повторы в общем можно разделить на четыре группы [Голубовский, 2011, с.186-193]:

1. Повторы точные: *«бай-бай», «еле-еле», «только-только», «едва-едва».*

2. Повторы, при которых добавляются предлоги, приставки, суффиксы или же изменяется склонение: *«точь-в-точь», «дурак дураком», «полным-полно».*

3. Повторы с заменой согласной буквы или одной гласной: *«гоголь-моголь», «динь-дон», «тары-бары», «пинг-понг», «шаляй-валяй».*

4. Повторы, образуемые по принципу сходного сочетания гласных или согласных букв, так называемая аллитерация, или сочетание доминирующего слога: *«в пух и прах», «там-сям», «с бухты-барахты», «то да сё», «шиворот-навыворот».*

Эта группа считается самой обширной. Сюда же он относит устойчивые альтернативные присловья: «подобру-поздорову», «долго ли, коротко», выражение «целиком и полностью». М. Голубовский самостоятельно составил «Словарь редупликаций» [Голубовский, 2011, с.186-193]., где и классифицировал по четырём группам слова-повторы.

Что касается современного таджикского языка то повтор слов в ней представлена существительным.

Повтор в современном таджикском и шугнанском языках – один из композиционно-стилистических приёмов, применяемых для усиления смысла высказывания, его образности, экспрессивности и эмоциональности. Исходя из анализа приведённых примеров, можно отметить, что для таджикского языка наиболее характерна редупликация без изменения согласных и гласных, а относительно заимствованных слов – лексическая редупликация. Как свидетельствует проведённое нами исследование, основной целью редуплицированных слов, в таджикском языке, является передача эмоций. Проведенный нами анализ показывает, что функция редупликативов – воздействия является основной. В художественной литературе из редупликации выражается ирония, недоверие, лёгкий скепсис и т.п., поэтому функциями стиля художественной литературы является эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя. Для разговорного стиля характерна ещё и коммуникативная функция, благодаря которой редупликативные слова

являются средством общения и воздействия на коммуниканта, средством передачи аффективной сферы (чувств). [Музафарова, 2014, с.137].

Самая большая группа повторяющихся слов в таджикском и шугнанском языках представлена существительным. Это значит, что существительные могут указывать на предмет действия, поэтому люди при общении используют больше слов этой части речи. *(қатор-қатор, пачка-пачка, калон-калон, майда-майда, андак-андак, нав-нав, ширин-ширин, дароз-дароз, шугн: зул-зулик).*

Прилагательные, выраженные в предложении с повторяющимися словами, также выражают характер, качество предметов и явлений. Такие повторения не могут создавать новые слова, они лишь создают повторяющиеся формы. Такие формы прилагательных представляют определенные особенности грамматических категорий и употребляются в таджикском языке наряду с существительными и глаголами.

Такие примеры можно находить в произведение Мухаммадиева Ф. «Угловая палата». Например: слова *қатор-қатор* (ряд-ряд).

Иброҳимҷон акнун медонист, ки ин фикру хаёл ва ин қатор-қатор савол нишонаи нопухтагии андеша ё хулосаи духтур нест. [Мухаммадиев, 1974, с.27]. (Ибрагимджон теперь знал, что эти размышления, это ряд-ряд вопросов не признак неосведомленности врача и незрелости его мысли). [Мухаммадиев, 1989, с.172].

*Рӯзҳои охир Зардодхон ба пеши Иброҳимҷон омада менишасту пас аз гӯш кардани садои қалб, санҷидани фишори хун мисли ҳарвақта оид ба дардҳо ва ҷараёни тағйироти онҳо қатор-қатор савол медод***.** [Мухаммадиев, 1974, с.26]. (В последние дни Зардодхон садился возле Иброгимджона и, прослушав сердце и измерив, кровяное давление, как и раньше, задавал ряд-ряд вопросов, которые помогут уяснить процесс изменения характера боли). [Мухаммадиев, 1989, с.170].

В следующих примерах прилагательные *нав-нав* (свежий, новый), *дароз-дароз* (длинный), *қатор-қатор* (ряд), *баланд-баланд* (высокий*), ширин-ширин* (сладкий) и т.д. выражают увеличение проявление свойств предметов.

Прилагательные, повторяющиеся в предложении, могут выражать множество значений или, наоборот, выражать количество или малое количество предметов, событий и т.п.

Например, редупликативы типа *пачка-пачка* (коробка), *калон-калон* (большой, очень большой), *майда-майда* (мелкий-мелкий), *андак-андак* (понемножку) используются именно для явлений и событий, выражения количества предметов:

Например: *Рост, шароби гаронбаҳои импортӣ зиёфат мекард, пачка-пачка сигорҳои хушрӯю хуштаъм меовард.* [Муҳаммадиев,1974, с.65]. (Правда, он угощает своего друга дорогими импортными напитками, дарит блоки ароматных сигарет) [Мухаммадиев, 1989. с.194].

Маҷлиси ветеранҳо оғоз шуду яке аз онҳо аввал дар бораи шакли тозаи тарғиби анъанаҳои ватандӯстона – оид ба мусоҳибаҳое, ки бояд дар ҳавлиҳои калон-калон гузаронида мешуданд, маъруза кард. [Муҳаммадиев, 1974, с.100]. (Началось торжественное собрание ветеранов. Сначала один из них выступил с докладом о новой форме пропаганды патриотических традиций о беседах, которые будут проведенны в больших жилых домах). [Мухаммадиев, 1989. с.215].

Чанд сол қабл аз ин ҳамкасбони Иброҳимҷон барои тарғиби касби ронандаи мошинҳои пахтачин байни духтарон ва ҷавонзанон як силсила филмҳои майда-майдаи ҳуҷҷатӣ сохта буданд. [Муҳаммадиев, 1974, с.18]. (Несколько лет назад коллеги Иброгимджона создали серию небольших документальных фильмов с целю пропаганды среди девушек и женщин специальности водителя хлопкоуборочного комбайна) [Мухаммадиев, 1989, с.194].

Аз паси девори касалхона замин тадриҷан паст шуда, то ба дарёбод мерафт, пас андак- андак баланд шуда, то ба домани адирҳои зумурадфом

мерасид ва дар ин масоҳат, ки онро табиат гўё барои беҳтар намоиш додани ҳусни шаҳр шакли ҳавзамонанде дода бошад. [Муҳаммадиев, 1974, с.69]. (За больничной оградой начинался спуск к речке, дальше шел крутой подъём, потом чуть не до самых изумрудных холмов у подножия гор простиралась равнина). [Мухаммадиев, 1989, с.194].

Прилагательные, представленные редупликативными словами, употребляются для обозначения признака и качества предметов и явлений. Такие повторы «не создают новых слов, а создают лишь повторные формы. Эти формы прилагательных обозначают те или иные особенности грамматических категорий и используются в таджикском языке наряду с глаголами и существительными. [Д.Музафарова, 2014., с.28-34].

Прилагательные, которые выражают много общих значений, также могут быть выражены неполными повторяющимися структурами. Прилагательные, первая часть которых лексически пуста. Так, например, в нижеследующих предложениях неполные повторные прилагательные*: тип-торик (*очень темно), *суп-сурх* (красный-прекрасный), *сип-сиёҳ* (очень черный) *сап-сафед* (очень белый) и т.п. то или иное состояние субъекта и степень выраженности проявления симптома:

Например: *Аз андомаш сивупанҷ-сивушашсола буданаш аён бошад ҳам, мўи сараш сап-сафед.* [Муҳаммадиев, 1974, с.168]. (Он уже успел поседеть, хотя ему нельзя было дать больше тридцати пяти-тридцати шести лет). [Мухаммадиев, 1989, с.253].

*Ҳама дар тан яктаҳҳои сафеди оҳарзада, дар сар кулоҳҳои фаххаки ҳамин гуна сап-сафеди рахношикаста доранд. [*Муҳаммадиев, 1974, с.21]. (Все они – и студенты, и педагоги – были в белых накрахмаленных халатах – таких белых, что глазам было больно). [Мухаммадиев, 1989, с.168].

Числительные, обозначающие большое количество предметов и точный порядок предметов при счете, выражаются повторяющимися словами и т.д. (их части могут быть удалены друг от друга): Например: *се-чор (три-четире*), *чор-панҷ* (четыре-пять), *даҳ-дувоздаҳ* (десять-двенадцать), *шаст-*

ҳафтод (шестдесять-семдесять), *панҷ-шаш* (пять-шесть), *сад-саду панҷоҳ* (сто-сто пятидесяти).

Худашон ба шумо гуфтагистанд: соле се-чор моҳ вақташон дар ҳамин ҷо мегузарад. [Муҳаммадиев, 1974, с.21]. (Наверное, старик говорил вам, что каждый год три-четыре месяца проводит здесь). [Мухаммадиев, 1989, с.206].

Боз сурати нав ҳам не, аксе ки даҳ-дувоздаҳ сол муқаддам бардоштанд. [Муҳаммадиев, 1974, с.48]. (Видел его только на увеличенной фотографии двадцатилетней давности, которую рассматривал у него дома). [Мухаммадиев, 1989, с.184].

Ба як толори хушрӯе даромаданд, ки тахмин шаст-ҳафтод курсии нарми бароҳат дошт, аммо ғайр аз ҳардуяшон дигар касе набуд. [Муҳаммадиев, 1974, с.36]. (Они вошли в красивый зал, где стояло десятка три удобных мягких кресел. Там никого не было). [Мухаммадиев, 1989, с.194].

Ҳардуи онҳо ҳамингуна касалиро панҷ-шаш сол қалб аз ин аз сар гузаронида буданд. [Муҳаммадиев, 1974, с.22]. (Оба они лет пять-шесть назад перенесли схожий недуг). [Мухаммадиев, 1989, с.169].

Количественные повторы также могут использоваться для выражения удивления, эмоциональной окраски, умножения, избытка, восхищения и т.п.: *ду-ду, чор-чор, ҳазор-ҳазор, миллион-миллион, якта-якта, сад-саду панҷоҳ* и т.п. Примеры:

Аз сад-саду панҷоҳ метр навор гоҳо фақат чорякаш ба кор мераваду бас. [Муҳаммадиев, 1974, с.34]. (Бывает, из ста-ста пятидесяти метров пленки только четверть идет в работу, остальное в корзину). [Мухаммадиев, 1989, с.176].

Наличие более двух компонентов приводит к образованию звукоподражательных слов, и междометия являются двумя основными компонентами повторяющихся слов.

Например: *ғур-ғур* (звон удара), *тик-тик* (звук часов) *тап-тап* (звук легкого удара), *тук-тук* (стук в дверь), *гум-гум* (бить по...).

Бародар ўро ба китф таскиномез тап-тап зада баромада рафт. [Муҳаммадиев, 1974, с.110]. (Брат понимающе похлопал его по плечу и вышел из палаты). [Мухаммадиев, 1989, с.221].

Майлат, норозиёна ғур-ғур намуд Ивон-амак ва ранҷишомез сари худро ба дигар сўй тоб дода сокит монд. [Муҳаммадиев, 1974, с.98]. (“Как хочеш”! – недовольно передразнил друга дядя Ивон и, отвернувшись, замолчал). [Мухаммадиев, 1989, с.214].

Бо дастони гирою пурзўра ъзои баданатро ба ғиҷим кардану пучидану тўқ-тўқ бо ангушт ё гум-гум бо ёнаи мушт зада-зада, ба санҷидану омўхтан сар мекунад. [Муҳаммадиев, 1974, с. 24]. (Сильными искусными руками начнет мять и ощупывать постукивать пальцамитук-туки бить по спине ребром ладони гум-гум, словом, исследовать и изучать). [Мухаммадиев, 1989, с.170].

Числительные-повторы одинаково часто используются как в письменной речи, так и в устной. Редупликация числительных в таджикском языке (особенно числительные-редупликаты, образованные посредством нумератива **-та**) встречается чаще всего в устной речи и в диалектах, а собирательные числительные, употребляясь в редупликативной форме, приобретают значения разделительности и подчеркивания.

Следует подчеркнуть, что редупликация местоимений в таджикском языке по сравнению с другими языками, не получила такого распространения, как повторы существительных и прилагательных. В имеющейся лингвистической литературе по таджикскому языку вообще не высказано никаких суждений о семантике редупликативных местоимений.

Проанализированный нами материал показал, однако, что некоторые разряды местоимений всё-таки удваиваются и в таком употреблении выражают значение собирательности, неопределённой множественности. В таджикском языке явление редупликации местоимений характерно для указательных, личных и особенно вопросительных местоимений.

Вопросительные и неопределённые местоимения *чӣ қадар* (сколько), *не-не* (нет-нет), *баъзе-баъзе* (немного), *баъзеҳо-баъзеҳо* (некоторые) при редупликации тоже могут приобрести значение множественности и неопределённого количества.

При редупликации, принимающей форму внутрисловного удвоения, свойства основных единиц бывают не совсем чётко определенными. Поэтому остается открытым вопрос о том, что редупликация – это только удвоение единиц, или же – это приём удвоения, в котором план содержания языковых знаков не всегда совпадает с планом выражения.

Под редупликацией следует понимать «удвоение синонимичных лексических единиц, т.е. создание смысловых повторов». Вопрос о функциональной стороне редупликации и о месте редупликации в словообразовании исследован и отмечается, что функциональная сторона и место редупликации в словообразование соотносится с аффиксацией и словосложением.

Таким образом, лексические повторы в таджикском языке выполняют определённые грамматические и коммуникативные функции. Как можно заметить из приведённых выше примеров, путём повторения лексических единиц или при помощи вспомогательных средств (самостоятельных слов или строевых элементов) образовываются новые слова и новые понятия. Лексические повторы, в отличие от стилистических и литературно художественных повторов, обозначают какую-то семантико-грамматическую категорию или образуют новое слово, например, грамматическую (аспектуальную) категорию длительности действия в глаголах, кратность действия, неопределённо большое количество предметов и явлений и т.п. [Киселев, 1954].

Таким образом, редупликация в таджикском языке помогает значительно разнообразить речь, придать ей дополнительный эмоциональный оттенок. Например, повторение отрицательного или утвердительного ответа (*"ҳо-ҳо", "не-не")* создает эффект уверенности

говорящего в своих словах. Конечно, нужно учитывать возможность применения подобных слов в каждом конкретном случае.

2.5. Особенности дублетных слов в соотношение с когнатами

Цель данного параграфа состоит в рассмотрении парных синонимов таджикского языка путем исследования их лексико-семантических и функциональных особенностей с помощью анализа их коммуникативного и когнитивного потенциала. Типологическое описание парных синонимов и установление их основополагающих характеристик способствует обнаружению их формирования как некоторых разрядов с различной семантикой, морфологией и стилистическими свойствами.

Изучение структуры и грамматического оформления слова, как части речи, сегодня привлекает исследователей-лингвистов в плане специального изучения лексики разных языков

Для того чтобы исследование проблемы парных синонимов было наиболее полным, мы сочли необходимым дать краткую характеристику понятия о когнатах, хотя данная область в настоящее время еще не исследована. Итак, когнаты (лат. cognati букв. «родственные») – в языкознании данный термин обозначает однокоренные слова с общим происхождением, которые в двух и более самостоятельных языках имеют схожее звучание.

В лингвистику, преимущественно *западную*, понятие когнатов для обозначения подобных языковых явлений было введено в XX веке. Исторически же слово когнаты, согласно *БСЭ*, означает *родственники.* [Даминова, 2021. 160 с.].

В римском праве *когнатами* обозначаются лица, состоящие в юридически признанном кровном родстве по женской линии, а также кровные родственники в целом. В эпоху поздней Римской империи *когнаты* часто включались в число наследников вместе с так называемыми *агнатами*.

Само слово ***когнат*** является ярким примером когнатов: от *лат.* слова *cognati* происходит современное испанское слово cuñado (шурин; деверь; зять; друг, приятель) и румынское слово «кумнат» с тем же значением. Когнаты определяются как слова, имеющие похожее звучание в двух и более языках. С одной стороны – это заимствования из других языков (типа telephone, computer, television и т.п.), а с другой стороны – исконные слова, сходные по звучанию во многих языках (water, mother, brother и т.п.). Главная трудность с когнатами в том, что, хорошо их понимая, обучающиеся часто не смотрят их произношение и настолько непонятно их говорят, что это может даже привести к непониманию. Слова, которые кажутся нам знакомыми, но на самом деле обозначают совсем не то, что мы можем предположить, называются «ложными друзьями переводчика».

Семантическое сходство когнатов может подвергаться изменению и не всегда совпадает полностью.

В связи с этим когнаты условно можно разделить на полные, которых меньше, и частичные, которых больше. Когнаты появляются в языке в ходе его исторического взаимодействия с другими языками. Когда взаимодействие происходит между разносистемными языками, например, между русским и молдавским, румынским, французским и английским или таджикским и тюркскими языками, когнаты возникают как следствие языковых заимствований.

Однако в близких по структуре языках когнаты становятся языковыми дублетами. Когнаты являются предметом изучения таких отраслей языкознания, как этимология и семантика, а также сравнительное языкознание [Даминова,2021.160с.]. В европейской лингвистике понятие о когнатах для обозначения подобных языковых явлений внедрилось сравнительно недавно в XX веке. Однако в Большой советской энциклопедии значение слова «когнат» трактуется как «*родственник».*

От когнатов в корне отличаются слова с похожим звучанием, но совершенно разным значением. Эти слова отличаются также и совершенно

разным происхождением. Удобное понятие было подхвачено лингвистами и стало использоваться в языкознании. Когнат – это однокоренное слово, имеющее общее значение в близкородственных языках. Семантическое подобие когнатов обычно варьируется от языка к языку, и полного тождества значений практически не бывает. Поэтому когнаты в лингвистике подразделяются на частичные и полные.

Кроме того, в языкознании отличают *ложные когнаты* – слова с похожим звучанием и значением, но разные по происхождению. Когнаты существенно отличаются от такого языкового явления как дублеты, которые также можно отнести в данную категорию слов, однако с учетом того, что они все же более близки к термину лингвистический дублет, их скорее всего следует отнести к категории языковых дублетов или просто дублетов (от франц. *doublet,* или прилаг. «*double»* – двойной), которые в языкознании понимаются как лексические единицы и группы единиц, одинаковых или близких по значению, связанных с одной и той же производящей основой этимологически, но в процессе эволюционного развития языка дифференцированных семантически или стилистически.

Однако в связи с тем, что наше исследование преследует цель изучения языкового явления, в частности, и парной синонимии, мы не сочли необходимым включить исследование когнатов в рамки нашего исследования и ограничиться лишь приведением нескольких примеров.

Процесс «когнатизации» протекал по мере его развития и контактирования с иностранными языками. В настоящее время употребление таких парных синонимов – когнатов также является достаточно распространенным явлением. По своей структуре слова-когнаты состоят из исконного слова и парного ему, или сопровождающего его когната.

Подобным образом в составе таджикского языка в начале некоторые русские заимствования использовались рядом с таджикскими словами и составляли синонимические пары «*оби газ-вода, равғани масла, нони хлеб*» и т.д. Ныне такой способ выражения сохранился только в разговорном стиле

речи, поэтому большое количество парных когнатов можно считать происходящим от совокупности заимствований с исконными словами таджикского языка.

Однако для отраслевой лексики таджикскому языку характерно употребление исконного варианта вместе с его иностранным попутчиком-когнатом: *бозии плей-офф, корманди аутсорс, дарёи Ист-ривер, шабакаи Tajcem* и др. Как видно из этих примеров, когнаты отличаются от дублетов и парных синонимов своем структуром словосочетании.

В отличие от дублетов они более близки к парным синонимам, так как оба компонента конгнатного выражения самостоятельны в семантическом отношении, однако их существенная разница от парных синонимов заключается в некоторой «искусственности» второго, дублирующего первого, компонента.

По большому счету в нем нет острой необходимости, без употребления когнатного слова выражение не потеряет своей семантической нагрузки. Но парное употребление когната с первым доминирующим компонентом также, как и парные синонимы, также, как и редупликат, также, как и дублет, эмоционально подчеркивает значение всей фразы и усиливает ее смысловую окраску.

Иногда утвердительные, отрицательные, вопросительные, восклицательные слова повторяются, в результате чего их содержание становится более весомым и влиятельным. Порой утвердительные и отрицательные повторы принимают синонимы, распространяющие их. В этом случае содержание повторов становится более значимым и влиятельным.

Пояснительные слова-синонимы употребляются параллельно или после повторов и выражают единое значение, при этом они разделяются на составные компоненты. Такие примеры можно находить на произведении Ф. Мухаммадиева «Угловая палата».

Например: *Фақат гоҳ-гоҳ бародараш Ҳамроҳ-ака ягон чизро баҳона карда, ўро коҳиш мекард.* [Муҳаммадиев, 1974,с.19]. (Старший брат Хамрох *иногда* возмущался и долго укорял младшего брата, потом незаметно переходил на дружеское поучение). [Мухаммадиев, 1989, с.176].

Ва аз ҷумлаи ин қавм ў шахсонеро меписандид, ки сарфи назар аз ҷинс ё синну солашон одамони боқуввату боғайрат бошанд, бурро-бурро ва бидуни фикру андешаи дуру дароз, оромоа ва бо ҷиддияти том сухан бигўяд. [Муҳаммадиев, 1974., с.24]. (Среди медиков он отдавал предпочтение тем, которые отличались здоровьем, энергией, решительностью, говорили четко, ясно, без особенных рассуждений, и в их разговоре преобладали властные нотки). [Мухаммадиев, 1989, с.170].

Здесь уместно отметить ещё один внешний признак повторов. В разговорной речи дублеты могут встречаться чисто в виде диалога, что составляет характерную особенность любого языка, в том числе и таджикского.

Например: *Оҳиста-оҳиста фаҳмидам, ки дар ин кор ходимони фабрикаҳаҳои райони мург, вазорати саноати гўшту шир, хулоса бисёр мутахассисон дахл доранд.* [Муҳаммадиев, 1974, с.19]. (Вот так я узнал, что к этому делу причастны работники районных птицефабрик и Министерства мясо-молочной промышленности, словом, большая группа работников). [Мухаммадиев, 1989, с.193].

*Вай оҳиста-оҳиста гарм мешуд, ҳарорати тани ҳар ду қариб баробар мегардид***.** [Муҳаммадиев, 1974, .с. 38]. (Он постепенно разогревался, температура тела у них обоих была почти одинаковой). [Мухаммадиев, 1989, с.172].

Повтор *оҳиста-оҳиста***,** по своим морфологическим признакам соответствующий деепричастной конструкции, по структуре оформлен в дефисном виде, что является характерной формой повторов таджикского языка. В следующем примере так же обнаруживаются подобные признаки повторов:

Например**:** *Чаҳор чӯпон, шофёри киностудия, мудири ферма, зоотехник, Иброҳимҷон аз атрофу акнофи рама "қур-эй, қур-эй" гӯён ҳуштаккашон ва ҳай-ҳайкунон медавиданд.* [Муҳаммадиев, 1974,с.33]. (Четыре чабана, водитель из киностудии, заведующий зоофермой и Иброгимджон бегали вокруг стада, насвистывая и крича "кур-эй, кур-эй") [Мухаммадиев, 1989, с.175].

Аз паси ӯ ҷавонзане ворид шуд, ки рӯйи худро ба дастонаш пӯшида, пешпо хӯрда-пешпо хӯрда роҳ мегашт. [Муҳаммадиев, 1974, с.168]. (За отцом вошла дочь, закрывая лицо руками, *спотыкаясь* на каждом шагу). [Мухаммадиев, 1989, с.253]. Таким образом, мы рассмотрели структуру построения слов-дублетов, которая ранее в отечественном языкознании упоминалась в работах известного лексиколога М. Мухаммадиева [15; 102].

Необходимо отметить, что в таджикском языкознании два вида дублетов – дефисные и выраженные словосочетанием – только упоминались под данным названием, однако об их структуре никто и не отмечал.

Отобранный нами языковой материал таджикского языка установил, что в разговорном стиле таджикского языка наибольшей популярностью пользуются именно дефисные и сложнопроизводные конструкции дублетов, тогда как выраженные словосочетанием дублеты наиболее соответствуют парной синонимии. Выражение дублетов в виде последующих друг за другом синонимов и антонимов с одной стороны обеспечивает слишком укороченный стиль речи и тем самым доказывает особенность данного стиля, а с другой стороны, оно также создает представление об одновременном употреблении в ряде случаев двоякой мысли говорящего.

Например: *Ин гуна қитъаҳоро Каримҷон- ака гоҳо такрор мехонд ва аз ғояти кайф ва нашъа каф ба каф месовид* [Муҳаммадиев, 1974, с.116]. (Такие отривки Каримджон-ака иногда перечитывал дважды , радостно потирая руки от удовольствия). [Мухаммадиев, 1989, с.224].

Дандон ба дандон гузошта сокит мехобид. [Муҳаммадиев, 1974, .с.27] Лежит, стиснув зубы, и не проронит ни единого звука. [Мухаммадиев, 1989, с.172].

Аммо аксаран танҳо ҳамин байтро такрор ба такрор месароид. [Муҳаммадиев, 1974, .с.115]**.** (Но часто бывало, что повторял вновь и вновь только паследний бейт). [Мухаммадиев, 1989, с.223].

Повторные слова сильно отличаются от остальных, близких к парной синонимии, явлений. Их легко отличить от других подобных явлений по признаку идентичности первого и второго компонентов, которые пишутся либо через запятую, либо через дефис. Они, как и редупликаты, дублеты и парные синонимы усиливают экспрессию выражения, отображают семантический признак времени и продолжительности действия.

Звукоподражательные слова в сопоставляемых языках имеют много общих черт: примерно одинаковое количество суффиксальных звукоизображений. Возможно, эту черту следует интерпретировать как общую, унаследованную обоими сопоставляемыми языками из ранней индоевропейской эпохи, то есть структурную черту, сохраняющуюся в особой лексической нише, “отстающей в своем развитии” от общих темпов развития языка. Звукоподражательные единицы способны к формообразованию и словообразованию. Подавляющее большинство звукоподражательных слов являются глаголами. В таджикском языке имеется довольно большое количество производных инициативных образований в виде имен существительных и прилагательных.

Основными способами такого образования является суффиксация, основосложение, редупликация и конверсия. Распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку. В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации. Звукоподражательные слова

строятся на основе повторения одного и того же слова и является словоформой. Между компонентами звукоподражаний обычно ставится дефис.

Фонологическая и лексико-грамматическая сущность редупликативных единиц заключается в том, что они являются прежде всего одним из продуктивных способов и средств словообразования и пронизывают все уровни языка: фонетики и фонологии, лексики и морфологии, синтаксиса и стилистики. Конверсия также играет огромную роль в словообразовании звукоподражаний в таджикском языке. Например: *трещать – шув-шув кардан, щебетать – зам-зама кардан, гуп-гуп кардан, тук-тук кардан*.

Иброҳимҷон "Чӣ шуд?" гуфта, аз тарс даме шах шуд, сонӣ тозон рафта дид, ки аз сару гардани ҷурааш шув-шув арақ мешориду худаш табассумкунон дароз кашида хобидааст. [Муҳаммадиев, 1974, с.35]. ("Что это с ним случилось?" – обеспокоенно подумал Иброгимджон. Поколебавшись мгновение, он подбежал к Камару и увидел, что тот радостно улыбается, хотя пот заливает ему лицо и шею). [Мухаммадиев, 1989, с.176].

*Ҳа-ҳа... мақсад маълум... "Дил пора кард, холи сиёҳ..." – ба ноҷӯриаш нигоҳ накарда, Иброҳимҷонро масхаракунон зам-зама мекард зан***.** [Муҳаммадиев, 1974, с.20]. (Ага-а... все понятно... "темная родинка в сердце засела..."- несмотря на недомогание, жнеҳина шутила с Ибрагимджоном). [Мухаммадиев, 1989, с.168].

Тук-туки дил ба гуп-гуп ва сонӣ ба гурс-гурс мубадал мешавад. [Муҳаммадиев, 1974, .с.106]. (Сердце ваше стучит все чаще и громче, как будто от рыси переходит в галоп)**.** [Мухаммадиев, 1989, с.218].

Еще одним способом словообразования звукоподражательных слов является аффиксация.

В таджикском языке: *-ак, -ӣ -ос, -она*: *ҳуштак* – свист, *лаққӣ* – болтовня, *гулдуррос* – грохот, *хашмгинона* – гневно и т.д. Однако к явлению парной синонимии близкими являются те звукоподражательные слова, которые строятся на основе повторов и попарного применения компонентов.

Такими словами, употребляемыми попарно, являютя: *қасар-қусур, часар-чусур, гурс-гурс, тапар-тупур, ҷангар-ҷунгур, ғиринг-ғиринг, кӯчо-кӯчат* и др.

Например: *Ҳамроҳи чаҳордаҳсола "акнун укоҷонам мемурад" гӯён гурс-гурс сар ба девори хона мезад ва ҳой-ҳой мегирист.* [Муҳаммадиев, 1974, с.110]. (Когда Иброгимджон тяжело заболел и не утихая кричал в колыбели, четырнадцатилетний Хамрох, обливаясь слезами, бился головой о стену и приговаривал: "Умрет братик!...") [Мухаммадиев, 1989, с.220].

Пас аз дақиқае навдаҳои ғавсу дурушт, шоху буттаҳо қасар-қусур садо дода, часар- чусур шарора пошида ба сӯхтан оғоз мекунанд. [Муҳаммадиев, 1974, с.8]. (Загарается бумага, тоненькие веточки, дольше что потолще, костерок, потрескивая, выбрасывает искры…) [Мухаммадиев, 1989, с.110].

*Аз кӯчо-кӯчат маълум, ки имрӯзу фардо баромаданӣ нестӣ***.** [Муҳаммадиев, 1974, .с.71].

Таким образом, в отличие от повторов звукоподражание строится на основе имитации звуков с определенным семантическим значением. Они также отличаются и от редупликатов, которые, хотя и строятся на основе фонетического подбора лексических единиц *(даруну берун, ҳавою ҳавас)* но все же лишены имитационной основы *(тарқиш, садо, пичиррос* и т.д.).

В таджикском языке звукоподражание является достаточно распространенным явлением, которое по способу построения, но не по семантическим признакам, напоминает парные синонимы.

2.6. Парные синонимы и дублеты в составе других частей речи

Представленность парных синонимов в различных частях речи ранее частично рассмотрелось нами в предыдущих разделах данной главы исследования. Поэтому мы считаем необходимым остановиться лишь на тех частях речи, где презентуются наиболее ярко и носят типичный характер. Процесс анализа и учёта всех особенностей категории, состоящих из таких

компонентов, предоставляет возможность для выявления основ наречия в сопоставляемых языках. С его помощью можно установить грамматическую форму и важные композиционные элементы структуры семантического признака элементов структуры. Несомненно, такой анализ позволяет определить качество каждого элемента в составе синонимичных значений отдельной части речи, и наречия, в частности. Близость лексических значений в наречиях таджикского языка, как правило сопроваждающая различием их лексических фонов несмотря на то, что именно лексические фоны устанавливают понятные образы состояния и действия в таджикском языке.

Образ действий и состояний, который семантизирует рисунок лексических сочетаний в рассматриваемых языках проявляет достаточно четкие признаки и проработан в деталях. С этой целью в первую очередь, отбирается и вводится тематическая лексика, которая связана с параллельным значением, что обеспечивает их сочетаемость. Поэтому лексический фон в конструкции моделей таджикского языка, который семантизирует близкие по значению лексические единицы, и, в частности, наречия, является совокупностью определенных сведений. Указанные сведения принадлежат к обозначаемому, словом, понятию и понятны для носителей языка, которые несут ответственность за правильное употребление слова в родном языке.

В таджикском языке, часть наречий носит характер заимствований из других языков и рад наречий образуется из заимствованных из арабского языка, путем присоединения к ним суффикса **-ан,** который является арабским «танвином» - окончанием наречий типа: камъан, маъмулан, аксаран, кисман и т.д. Для сравнения: возмём *ҳақиқатан* (действительно), *амалан* (практически), *мустақиман* (непосредственно), *тахминан* (приблизительно), *бадоҳатан* (импровизированно) и др.

В таджикском языке и другие аффиксы могут образовать новые наречия. К примеру, таджикский предлог «*аз*» участвует в построении таких

наречий, как *аз ҷумла, аз онҷумла* (в том числе). При этом он может быть заменен арабским предлогом «мин» - *минҷумла* и использоваться слитно. В целом, в наречиях много слов, пользующихся как арабскими средствами словообразования, так и самими арабскими корнями: *алҳол* (сейчас), *билохира* (в конце концов), *филуол* (срочно) и т.д.

В тажикском языке парные наречия образа действия также репрезентуются такими лексическими единицами, как *созван* – ошибочно, *бадоатан* – импровизированно, *қасдан* – нарочно, *умуман* – в целом, *махсусан* – особенно, *эҳтиётан* – на всякий случай и др.

В тажикском языке может быть выражен с помощью таких парных конструкций, как *дидаю дониста* – намеренно, *кушоду равшан* – открыто и ясно, *сарфаю сариштакорона* – экономично, *анику равшан* – точно, конкретно и др. Среди перечисленных наречий лексема *саҳван* может употребляться в различных конструкциях**:** *аз руи саҳв, хато карда, хатокорона*, *барғалат, аз руи ғалат* (ошибочно) и др. При этом, таджикский язык использует довольно широкий арсенал грамматических средств, начиная от аффиксации, и заканчивая различными видами построения словосочетаний, а также сложными синтаксическими конструкциями.

Наряду с этим парные наречия образа действия могут расширить рамки своего значения и привлечь варианты с более широким спектром действия. Например: *ман саҳван ин китобро гирифтам* (я ошибочно взял эту книгу) - *ман нафахмида, ин китобро гирифтам* (я по незнанию взял эту книгу) - *ман ғалат карда, ин китобро гирифтам* (я по-ошибке взял эту книгу). При этом использование парных наречий характерно как для художественного произведения, так и для разговорного стиля речи. Языковедческая практика доказывает, что семантику наречий наиболее эффективно анализировать вместе со структурой тех лексем, к которым они принадлежат.

Поэтому в таджикском языке репрезентуется группа таких лексических единиц, которая по своей структуре не отличаются от самих наречий, но в контексте они выполняют другие морфологические функции. При

вступлении в грамматическую связь с глаголами, эти лексемы обретают морфологические характеристики наречий. При отсутствии этой связи между глаголом и наречием сопутствующее слово приобретает модальных слов. Например, к таким единицам относятся: *хушбахтона* (к счастью), *одатан* (обычно), *ҳатман* (обязательно), *ҳақиқатан (*действительно), *мутаассифона* (к сожалению) и др. 1) *Мо хушбахтона зиндагӣ мекунем* – Мы живем счастливо. *2) Хушбахтона, имруз ҳавои наҒз аст.* – К счастью, сегодня погода хорошая.

При грамматическом описании частей речи, морфологические характеристики и синтаксические отношения этих частей речи одинаковы по степени важности. Слова, которые не изменяются с морфологической точки зрения, такие междометия и наречия, входят в разряды слов, которые имеют разные грамматические признаки в синтаксическом плане. В связи с этим вести речь об их синонимичности представляется довольно трудной задачей. По данному вопросу существует определенное мнение известного лингвиста Ю.Д. Апресяна, считающего, что для толкования некоторых лексических значений необходимо понятие времени. В качестве примера он приводит частицы *ещё* и *уже* во фразах типа: *ещё <уже> в детстве я интересовался шахматами историей, <жизнью птиц>.* Учёный подчеркивает, тот факт, что обе частицы способны осмысленно фигурировать в одних и тех же контекстах, наводит на ложную мысль, будто синонимичны (они действительно толкуются как синонимы во всех словарях). Их не синонимичность явно проступает в контекстах максимального противопоставления, где способна употребляться лишь одна из двух частиц.

Для сравнения: *Еще вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых (нельзя сказать уже вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых – Уже сейчас ясно, что он проиграет (нельзя сказать: Еще сейчас ясно, что он проиграет).* Понятие времени говорящего позволяет вскрыть (хотя и не полностью) тонкое различие между ещё и уже [Апресян, Ю.Д. 1979.– стр.21].

Данные наречия нередко переходят в сложные, но активные конструкции в наречии таджикского языка свободно переходят из одной части речи другую. Например, *мастер* (сущ.) – *мастерский* (прилаг.) – *мастерски* (нареч.) – *мастерить* (глаг.). В таджикском языке: *усто* (суш.) – *устокор,* (прилаг.) – *устокорона* (нареч.) – *устогӣ* кардан (глаг.).

В таджикском языке синонимично подобранные в контексте лексемы зачастую могут принимать экспрессивный характер, что требует их правильного употребления и в стилистическом отношении. Сходство функционирования синонимов различных частей речи состоит в том, что они в любых языках свободно переходят из одной части речи в другую. Анализ семантических особенностей синонимических значений таджикского языка в различных контекстах дает возможность сделать вывод, что в них общий смысловой компонент может отличаться по своему семантическому весу и вместе с другими семами строить новые производные значения, которые входят в новую систему оппозиции, при этом они получают собственные семантические признаки.

В составе таджикского языка синонимичные значения также выражаются с помощью инвариантных лексем. Например, деепричастие *гирякунону нолакунон* – плача и стоная, по своей структуре является парным синонимом, каждое слово в котором является двухкомпонентным и состоит из именного существительного: *гиря - плач + кунон - делая, нола - стон, стенание + вспомогвательный глагол - кунон кардан - делать*. При этом, деепричастный суффикс придает слову оттенок продолжительности действия. В этих конструкциях вспомогательные глаголы, зачастую не имеют своей исходной семы.

Например: *Зан гирякунону нолакунон воқеаро нақл кард* [Мухаммадиев, 1974, с.6]. (Женщина, плача и стеная, рассказала о произошедшем). [Мухаммадиев,1974, 141с.].

Весьма важной особенностью морфологических синонимов ТЯ является их формирование с помощью аффиксации и других средств. К

примеру, существительные обладают высоким потенциалом вариативности и синонимичности именно благодаря своим морфологическим средствам построения слов: *муру малах, лату куб; зебу зиннат* и др. Однако, как неоднократно подчеркивалось ранее, основным и самым ярким свидетельством синонимичности существительных служит их сочетание на фоне богатого языкового материала из исконных запасов самого языка и его заимствованных синонимов, которые придают контексту красочность и эффект избегания повторов: *ҳамоиш – конференсия – анҷуман*; *омузгор – устод – муаллим – мурабби – тарбиятгар, шартнома – аҳднома – созишнома – қарордод; саратон – рак / саратоншиносӣ – онкология; амрози қалб – бемориҳои дил; таърихшинос – муаррих – бостоншинос* и другие. Приведенные примеры и множество других примеров наглядно показывают, что для таджикского языка, в силу экстралингвистических факторов долгое время пополнявшего свой лексический запас иноязычными единицами, характерно параллельное применение, как исконных лексических единиц, так и заимствованных, чего нельзя сказать о других языках. Однако необходимо учитывать и тот факт, что в настоящее время в таджикском языке идет активный процесс формирования лексического состава и словарного запаса языка, поэтому полная картина формирования морфологических и синтаксических синонимов, как одноаспектных и межаспектных, так и парных, все еще не завершена. Из характерных признаков синонимичности грамматических единиц можно выделить два основных признака, свойственных синонимическому ряду: степень тождества и различия в семантической структуре и различия в грамматической форме или структуре синонимов. Эти признаки взаимосвязаны и изменения грамматической формы неизменно ведут к смысловым и стилистическим изменениям. Но данные структурные изменения встречаются не всегда в различных синонимических рядах. Часто они наблюдаются и не во всех компонентах структуры, а только в отдельных элементах.

Одни и те же отношения имён могут быть выражены различными предлогами, которые в подобных случаях являются синонимами. Синонимия предлогов в таджикском языке – явление распространенное, идущее в основном по двум линиям: а) полной взаимозамены без дополнительных оттенков; б) с выделением дополнительных оттенков, определяющихся ведущим значением предлога. В качестве примера предлогов, взаимозаменяющих друг друга, можно привести предлоги *дар* и *ба*, использующиеся для обозначения направления движения к предмету. Например: *Аммо аз амир ба номи козии мазкур муборакнома (фармон) омадааст, ки вай дар тумани Шофирком рафта ба кори рудинавбарорӣ робари намояд.* (Оказывается, на имя упомянутого казия пришёл указ, чтобы тот, поехав в туман Шафирком, руководил бы работой по прорытию канала) (Айнӣ, Ёддоштхо); *Падарам розӣ шуд, модар ба Маҳаллаи Боло рафта рост бо хавлии бобоям фуромадем.* (Отец согласился, мы поехали в Махаллан Боло и прямо остановились в доме деда) (Айнй, Еддоштхо). Синонимической парой являются и предлоги *ба, бо* при выражении орудия, способа действия (с. 14, 16).

Рассмотрение этих пар предлогов дает основание полагать, что их меняемость – явление историческое, имеющее очень широкое распророение в языке классической литературы, но в современном литературном языке это явление не имеет широкого развития. Синонимами предлога *пушт* являются предлоги *пас, қафо, ақиб*.

Таким образом, основная задача употребления парных синонимов на всех морфологических уровнях заключается не только в расширении и обогощении словарного запаса, не только в развитии красочности и эмотивности контекста, но и в повышении культуры речи, вкуса и понимания слова, правильного подбора языкового материала и его надлежащей презентации. Эта сложнейшая задача требует от авторов и языковедов-исследователей тщательного анализа закономерности применения тех или иных лексических единиц и их употребления с правильных позиций.

Образование и пополнение лексики языков различных типологий происходит вполне закономерно и в соответствии с теми тенденциями, которые по тем или иным причинам возобладали в языке этой науки в данный исторический период. В качестве влиятельного источника пополнения лексики выступают заимствования. Заимствование как способ обогащения словарного состава играет большую роль в пополнении терминофонда экономики и быта.

Самыми древними были заимствования из классических – латинского и греческого языков, которые начали проникать в русский язык еще с IX века. Главным условием заимствования лексики является наличие контакта языка-реципиента, и как следствие, двуязычие говорящих поскольку «именно из среды билингвов слово нередко получает дальнейшее распространение». К основным путям проникновения иностранных слов в другой язык относятся как устный, так и письменный способы проникновения. За многие годы, посвященные исследователями изучению причин заимствования, было создано большое количество работ и высказано немало мнений, которые, скорее, дополняют, нежели опровергают друг друга.

Суммируя их, можно утверждать, что существуют две основные группы причин, вызывающих процесс лексического взаимодействия и взаимопроникновения слов разных языков: внешние (экстралингвистические) внутренние (лингвистические). Основной внешней причиной является наличие тесных политических, экономических и культурных связей между паром – носителями языков. Другие экстралингвистические причины – это: влияние культуры одного народа на культуру другого народа; упрощение профессионального международного контакта; авторитетность языка-источника; языковая мода и многие другие. К внутренним причинам заимствования относятся: потребность в наименовании нового понятия или предмета; потребность в специализации понятий; тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота; стремление к устранению омонимии и полисемии в

родном языке; семантическая «с загруженность» слов родного языка и другие.

Существует немалое число классификаций заимствованных слов, характеризующих время, источник, способ проникновения в язык, степень освоения и др. Привычно деление заимствований на собственно иноязычные заимствования и интернациональную лексику, опосредствованные и непосредственные (по источнику заимствования); прямые и семантические (по способу заимствования); в варваризмы, экзотизмы и иноязычные.

Аспекты освоения заимствований тесно взаимосвязаны как разные стороны одного и того же процесса, но каждый из них имеет свои особые закономерные проявления, что обусловлено относительной самостоятельностью разных уровней языковой системы. Эти разные стороны «приспособления», рассматриваемые в работе, именуются нами освоение, адаптация, ассимиляция и используются при описании в качестве синонимов. В процессе структурно-семантической адаптации новейших заимствований проходят следующие этапы языковой обработки: стабилизацию произношения и написания; грамматическую адаптацию; лексико-семантическую адаптацию; приобретение полной семантической самостоятельности: расширение значения (терминологизация и детерминологизация).

В процессе лексико-семантической адаптации заимствований устанавливаются четкие границы лексического значения слова. Обычно заимствованное слово воспринимается в языке-реципиенте как целая непроизводная основа. По своему характеру заимствованная новейшая лексика в основном номинативна. Это явление объясняется теми факторами, что имена существительные легко заимствуются и что понятия большей частью выражаются именами существительными. Что касается вопроса взаимоотношений этимологических дублетов с ойконимами, тут следует оговориться, что здесь мы не рассматриваем теоретические вопросы явления

омонимии, а считаем уместным ограничиться рассмотрением названного нами частного вопроса.

Омонимами, т.е. словами, одинаковыми по звучанню, но парными по значению (рабочее определение), принято считать а) два или более слов, образовавшихся в результате случайных фонетических совпадений этимологически разных слов: б) слова, появившиеся в результате распада былой полисемии, первая разновидность омонимии нас не может интересовать, как не имеющая отношения к рассматриваемому вопросу.

Оставляются в стороне и несколько дискуссионных вопросов о разграничении полисемии и омонимии. Схематично полисемантичными словами мы будем считать те, вокруг стержневого значения, которых объединяются его производные значения; омонимами – слова, которые в результате распада полисемии образовали по два или более самостоятельных стержневых значений, их общая звуковая оболочка не поддерживается более семантическим единством, так как последнее не воспринимается языковым сознанием. Таким образом, мы придерживаемся следующей схемы: «Сначала близость значений (одна историческая эпоха), затем, после постепенной утраты былой близости, самостоятельное развитие (другая историческая эпоха)».

В омонимах образование нового слова остановилось на полпути – на семантическом раздвоении слова или же на фонетическом совпадении двух слов; у этимологических дублетов семантическая дифференциация поддержана дифференциацией фонетической. Этимологические дублеты связаны с процессом и результатом фонетических и семантических изменений слов. По своей структуре и содержанию значений они занимают промежуточное положение между вариантами слов и омонимичными словами. Но в отличие от фонетических, морфологических и прочих вариантов, представляющих результат звукового варьирования слова без изменения значения, этимологические дублеты предполагают фонетическое расщепление слова с параллельным расхождением первоначально одного и

того же слова; отличие дублетов от омонимов заключается в том, что там, где у последних несколько значений объединяются одной звуковой (или графической) оболочкой, у первых эти же значения облекаются в свои фонетические формы.

В процессе лексико-семантической адаптации заимствований устанавливаются четкие границы лексического значения слова. Обычно заимствованное слово воспринимается в языке-реципиенте как целая непроизводная основа. По своему характеру заимствованная новейшая лексика в основном кокинативна. Это явление объясняется теми факторами, что имена существительные легко заимствуются и что понятия большей частью выражаются именами существительными.

Языковые особенности произведений литераторов классического и современного периодов таджикской литературы, и, в частности, синонимии часть произведений до сих пор нуждаются в дополнительном изучении. Ряд таджикских языковедов в ходе рассмотрения языка и стиля произведений одного литератора или в процессе исследования лексики его наследия не останавливаются на вопросах синонимии. Однако вопрос о сфере употребления дублетных слов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в отдельном диссертационном исследовании.

Установление лексико-грамматических особенностей указанной группы лексических единиц таджикского языка на основе проведенного анализа, позволит дать их развернутую лингвистическую характеристику и установить сходства и различия. Благодатной почвой для проведення такого анализа являются источники художественной литературы. Дублетные слова во всех языках относятся к числу таких явлений, процесс формирования которых происходит непрерывно. Этот процесс отражает своеобразность состава синонимии, как происходящего от различных частей речи разряда слов. Слова, соответствующие данной категории, еще не полностью проявляют свою самостоятельность и сохраняют следы тех частей речи, от

которых они образовались. Благодаря этому формируются и развиваются разновидности синонимов с различными лексико-семантическими оттенками и грамматическими функциями. Основным свойством дублетных слов является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине парные синонимы в некотором отношении противопоставляются обычным синонимам и сохраняют свою индивидуальную специфику. Исторический путь формирования лингвистической терминологии языка охватывает почти одинаковые периоды. Если арабский и русский языки способствовали становлению лингвистической терминологии таджикского языка, то в английском языке эту роль осуществляли латинский, французский и греческий языки. Термин «редупликация» (от лат. reduplicatio – удвоение) в различных источниках трактуется по-разному, поэтому можно сказать, что на сегодняшний день его точного определения не существует. Под этим термином следует понимать различные языковые явления, такие как внутрисловные и межсловные удвоения. Дублеты или дуплеты – это взаимозаменяющие попарно используемые слова, обладающие одинаковой семантической нагрузкой, которая, однако, не всегда эквивалентны. Они употребляются попарно только в контексте, и только это дает право называть их дублетами. Следовательно, они имеют непосредственное отношение к синтаксической синонимии, так как зачастую применяются в различных предложениях во избежание однообразия и повтора слов. Дублеты дополняют и объединяют значения, которые в отдельности не всегда несут определенную семантическую нагрузку. Кроме того, парадигматика синонимов с дублетными значениями – симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, и это приводит к яркой и неординарной выраженности дублетов. Для исчерпывающей характеристики лингвистической концепции о словах-дублетах весьма важным представляется понимание и выбор области, сведения из которой

необходимы для обьяснения закономерностей развития и функционирования языка.

Звукоподражательные слова в таджикском и шугнанском языках имеют много общих черт: примерно одинаковое количество суффиксальных звукоизображений.

Возможно, эту черту следует интерпретировать как общую, унаследованную обоими сопоставляемыми языками из ранней индоевропейской эпохи, то есть структурную черту, сохраняющуюся в особой лексической нише, «отстающей в своем развитии» от общих темпов развития языка. Звукоподражательные единицы способны к формообразованию и словообразованию. Подавляющее большинство звукоподражательных слов являются глаголами. Как в таджикском языке, так и в других языках имеется довольно большое количество производных имитативных образований в виде имен существительных и прилагательных. Таким образом, в отличие от повторов звукоподражание строится на основе имитации звуков с определенным семантическим значением. Они также отличаются и от редупликатов, которые, хотя и строятся на основе фонетического подбора лексических единиц (шиворот-навыворот, страсти-мордасти), но все же лишены имитационной основы (треск, лязг, шепот и т.д.).

В любых языках звукоподражание является достаточно распространенным явлением, которое по способу построения, но не по семантическим признакам, напоминает слова повтора. Перечисленные выше языковые явления по форме и содержанию достаточно близки дублетным словам, но их специфические свойства, морфологическая структура, характер употребления и стилистико-композиционные особенности дают возможность провести четкое разграничение между этими явлениями, которые носят в основном фонетический характер.

Установлено, что для повторных слов, редупликатов, дуплетов и их восприятия в любых языках, помимо общих признаков, характерны

отличительные свойства, выражающиеся преимущественно в синтаксических особенностях и, в меньшей мере, - в структурной динамике развития названных форм в этих языках различна.

В отличие от других языков, в таджикском языке существуют другие виды дублетных слов. Такими формами являются дефисная конструкция, сложносоставное словообразование и изафетное словосочетание, которые внешне относимы с различными частями речи. Ряд таджикских языковедов в ходе рассмотрения языка стиля произведений того или иного литератора или в процессе исследования лексики его наследия вкратце останавливаются на вопросах дублетных слов. Однако вопрос о сфере употребления дублетных слов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в отдельном диссертационном исследовании.

Основной отличительной чертой дублетных слов является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине парные синонимы противопоставляются обычным синонимам. Лингвокультурная обусловленность дублетных слов и их художественное оформление определяют характер их частотности употребления. При этом релевантность представляет оценочный или образный признак концептов описания, что обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами дублетных слов.

Аффиксация и словообразование применяются при построении парных синонимов в таджикском языке. Но в отличие от других видов дублетных слов не отличаются большим спектром аффиксации и словообразования, так как они заключены в определенные рамки соответствующих моделей и конструкций. С точки зрения истории языка появление этимологических дублетов в языке является отражением различных этапов формирования его словарного состава, с точки зрения лексикологии этимологических дублетов значительно расширяют словарный состав таджикского языка, способствуя развитию синонимии.

Анализ семантических особенностей синонимических дублетов таджикского языка в различных контекстах, объединяющихся общим функциональным назначением, даёт возможность сделать вывод, что в нем общий смысловой компонент может отличаться по своему семантическому весу и вместе с другими семами строить новые производные значения, которые входят в новую систему оппозиции. При этом они получают собственные семантические признаки. Таким образом, основная задача употребления дублетных слов на всех морфологических уровнях заключается не только в расширении и обогащении словарного запаса, не только в развитии красочности и эмотивности контекста, но и в повышении культуры речи, вкуса и понимания слова, правильного подбора языкового материала и его надлежащей презентации. Эта сложнейшая задача требует от авторов и языковедов-исследователей тщательного анализа закономерности применения тех или иных лексических единиц и их употребления с правильных позиций.

Выводы ко второй главе

Следует отметить, что все виды лексических единиц парного употребления (корневые, продолженные и зависимые) не делятся на смысловые части, они семантически целы, их общее значение связано с содержанием компонентов (слов) их состава; при синтаксическом анализе они выступают только как один член предложения; по смыслу они соотносятся и могут быть заменены одним словом. Такие единицы (языка) являются одним из источников обогащения лексического состава языка (речи), а также их можно рассматривать как один из способов словообразования таджикского языка. Лутативные единицы двустишия имеют стилистический характер: они представляют собой очень расплывчатые образцы таджикского языка и делают речь эффектной и эмоциональной.

Дублеты или дуплеты – это взаимозаменяющие попарно используемые слова, обладающие одинаковой семантической нагрузкой, которая, однако, не обязательно должна быть эквивалентной;

Дублирующие друг друга лексические единицы употребляются попарно, дополняют и консолидируют значения, которые в отдельности не всегда несут определённую семантическую нагрузку.

Парадигматика функционально-семантических микросистем с дублетными значениями – симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, что может представляться в различной форме, в особенности дублетов в составе сопоставляемых языков. В современном таджикском языке данное понятия также широко употребляется. Она трактуется в значениях *дугоник, хамранг, нусха* «двойник, подобие, копия» и в морфологическом выражении используется в качестве существительных – дубликатов документа, прилагательных – дублирующий состав и глаголов – дублировать что-либо.

ГЛАВА III. РЕДУПЛИКАЦИЯ И СЛОВА-ПОВТОРЫ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Общие сведения о Шугнане и шугнанском языке

Шугнанцы, по мнению некоторых исследователей, являются потомками древнейших сакских племен. «Памир впервые упоминается в памятнике санскритской литературы, в индийской эпической поэме «Махабхарата» (VI в. до н э.) под названием Меру. Согласно этому памятнику, к северу от центральной Индии, по-видимому, в области Припамирья, обитали саки (скифы), т.е народы иранского происхождения» [Мандельштам, 1957. – 73.с].

Позднее В.С. Расторгуева высказала точку зрения, согласно которой «эти разные группы племён: скифов локализуют на территории северного Причерноморья, и саков – в восточном Туркестане». «В античное время, в конце I тысячелетия до н.э. в районе верховьев Амударьи (р. Пяндж) и её притоков жили отдалённые предки припамирских народностей. Территория их расселения была сопредельна с центром формирования индоарийских племен. Древние сакские и, возможно, дардские племена стали одним из основных элементов в этногенезе припамирских народностей» [Моногарова, 1972, С. 19]. В.А. Лившиц считает, что «сакские языки и диалекты, занимавшие в древности очень большую территорию, представлены в настоящее время в Средней Азии памирскими языками» [Лившиц, 1962, с.140]. А.Н. Бернштам подчеркивает резкое различие археологических памятников Западного и Восточного Памира. Начало оседлых поселений документируется даваньским периодом (греко-бактрийское время III - 1 вв. до н. э.). [Бернштам, 1949, с. 129].

Шугнанский язык, относящийся к шугнано-рушанской группе памирских языков, представлен двумя основными разновидностями: собственно, шугнанской и баджувской. Внутри, собственно, шугнанского выделяется особый шахдаринский говор с барвазским подговором, ранее не

выделявшийся исследователями. Собственно, шугнанский язык распространен в долинах р. Пандж, ее правого притока р. Гунт, берущего свое начало под перевалом Койтезек на стыке Западного и Восточного Памира, и в верхней части долины р. Шива – левого притока р. Пяндж, в Афганском Бадахшане. В долине р. Пяндж шугнаноязычные селения расположены на протяжении около 70 км по обоим ее берегам. Район распространения шугнанского языка начинается в 30 км выше устья р. Гунт с таджикоязычного Горона и кончается селением Сохчарв в 40 км ниже устья р. Гунт. Здесь ареал, собственно, шугнанского языка граничит на советском берегу с областью распространения баджувского диалекта, а на афганском – с районом бытования рушанского языка.

3.2. Геогарфическое распространение шугнанского языка

Шугнанский язык – это один из бесписьменных языков восточноиранской группы иранских языков. Лингвоним и этноним восходят к названию исторической области Шугнан (шугн. *Хиўпйп*, тадж *Шуғнон*, др. перс *"xvašna",* перс. шуғнон), расположенному в юго-западном Памире. В 1895 (11 марта) году Памир был разделен англо-русским соглашением и до настоящего времени территория Шугнана разделена на две области: правобережный Шугнан (территория современного Шугнанского района Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Республики Таджикистана и левобережный Шугнан (Шугнанский район провинции Бадахшан в Афганистане).

В верховьях р. Гунт, по которой проходит шоссейная дорога Хорог-Ош, район распространения шугнанского языка соприкасается с территорией Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Республики Таджикистан, основное население которого – киргизы.

В верхней части долины р. Шива расположены несколько шугнаноязычных селений с немногочисленными жителями.

Основные шугнаноязычные селения на территории Советского Союза по ныне существующему административному делению входят в Шугнанский район ГБАО с центром в г. Хороге, который является одновременно и административным центром области. Шахдаринский говор (хоẋ-дарă зив) распространен в долине р. Шахдара, левого притока р. Гунт, впадающего в нее в районе г. Хорога. Шахдаринские селения входят в Шугнанский р-н ГБАО. По долине р. Шахдера проходит шоссейная дорога, связывающая Хорог с Восточным Памиром. Выше селения Рошткала по течение реки в селении Барваз бытует барвазский подговор (барwоз зив), в настоящее время активно вытесняемый шахдаринским говором. Баджувский диалект распространен в двух населенных пунктах, которые в настоящее время вместе с Хуфом входят в сельсовет Пастхуф Рушанского района. Собственно, Баджув расположен в ущелье Баджув (Бачуw - дарă) в 12 км от поссейной дороги Хорог-Душанбе, а Паст-Баджув, или Пастев [Пас(т) - Баджув, Пастев) расположен на правом берегу р. Пяндж. Связь с внешним миром осуществляется через ущелье Баджув Дара. В зимнее время, при больших снегопадах, это ущелье может временно оказаться закрытым. Поэтому Баджув по сравнению с другими селениями является труднодоступным и этим, в частности, можно объяснить своеобразие баджувского диалекта.

В состав шугнано-рушанской группы памирских языков помимо шугнанского, входят также рушанский (по обоим берегам р. Пяндж ниже сел. Пастхуф) с хуфским диалектом (долина р. Хуф, правого притока р. Пяндж, впадающего ниже устья ущелья Баджувдара), бартангский (в нижней части долины Бартанг) и территориально изолированный сарыкольский язык (распространен в уйгурском автономном районе КНР).

Исследователи памирских языков применяют для обозначения отдельных разновидностей внутри шугнано-рушанской группы различные термины: язык, диалект, поддиалект, говор, подговор.

Так, например, В.С. Соколова, говоря об относительной близости этих разновидностей, отмечает: «...Общего названия, которое объединяло бы

между собой шугнанцев, рушанцев, хуфцев, бартангцев, рошорвцев, нет; общего языка, который выработался бы на основе этих разновидностей или одной из них и которому эти разновидности подчинялись бы как диалекты, - тоже нет: все разновидности равноправны и лишь шугнанцы выделяются своей большей численностью и большей экономической значимостью».

В последующих своих работах В.С. Соколова употребляет по отношению к этим разновидностям термины «диалект» и «поддиалект».

При исследовании исторических отношений язгулямского языка и шугнано-рушанской группы В.С. Соколова всю группу в целом называет «шугнанской», а каждую разновидность с большим числом говорящего на ней населения – языком, а с меньшим числом носителей – диалектом. На этом основании ею выделяются семь разновидностей, из которых четыре именуются языками: шугнанский (с баджувским диалектом), рушанский (с хуфским диалектом), бартангский (с орошорским диалектом) и сарыкольский.

Т.Н. Пахалина применяет по отношению к шугнано-рушанской группе термин «языки – диалекты» для шугнанского, рушанского, бартангского, рошорвского и сарыкольского, а баджувский и хуфский соответственно называет поддиалектами шугнанского и рушанского.

Нам представляется наиболее уместным рассматривать шугнанский, рушанский, бартангский, рошорвский (орошорский), сарыкольский как самостоятельные языки, при этом хуфский выделяется как диалект рушанского, а баджувский – как диалект шугнанского: в свою очередь, внутри, собственно, шугнанского выделяется шахдаринский говор, а внутри последнего – барвазский подговор.

Среди перечисленных диалектных разновидностей особое место занимает собственно шугнанский, как потому, что на нем говорит значительное большинство всех носителей шугнанского языка, потому, что он имеет статус некоторой нормы, на которую в настоящее время ориентируются представители других диалектных разновидностей (как

внутри шугнанского языка, так и отчасти внутри всей шугнано-рушанской группы). Иначе говоря, собственно, шугнанский выполняет функцию наддиалектной формы речи, в известной мере аналогичной функции устной литературной нормы письменного языка.

Функции шугнанского языка в целом, и в особенности его, собственно, шугнанской разновидности, не ограничиваются, однако, сферой устного бытового общения. Шугнанский язык – язык богатого фольклора, как прозаического, так и поэтического. Существуют также образцы авторской поэзии на шугнаноком языке.

Именно этот особый статус шугнанского языка на Памире и имелся в виду при создании для него письменности (на латинской основе о дополнительных знаках) и введении его в начальную школу в 30-х годах.

Шахдаринский говор в целом мало отличается от собственного шугнанского, особенно в нижнем течении р. Шахара. Специфика шахдаринского ощущается лишь начиная с говора селения Тавдем и далее вверх по течению реки. Что касается баджувского диалекта, то его отличия от собственно шугнанского языка больше, чем различие между последним и его шахдаринском говором, тем не менее население Баджува – главным образом, мужчины и молодежь – проявляют большое стремление к овладению норм шугнанского языка. Баджувцы при общении с носителями других языков (рушанцами, хуфцами, бартангцами, рошорвцами) предпочитают употреблять, собственно, шугнанскую речь. А если баджувцам приходится продолжительное время работать и жить в шугнанской языковой среде, то они обычно переходят на шугнанский язык, а по возвращении в родной Баджув невольно становятся проводниками норм шугнанского языка. Все это свидетельствует о том, что имеется тенденция к слиянию баджувского диалекта и шахдаринского говора с, собственно, шугнанским языком.

3.3. История изучения Шугнанского языка

Шугнанский язык издавна привлекал внимания учёных-путешественников. За рубежом впервые им занимался английский ориенталист Р. Шоу. Позже В. Гейгер написал грамматический очерк (1898-1901). Они впервые заложили фундамент научного изучения шугнанского языка. Впоследствии разным вопросам шугнанского языка были посвящены описательные и фундаментальные труды.

Шугнанцы, как и другие памироязычные народы, исповедуют исмаилизм, сохраняя при этом свой язык, древние верования, обычаи, особый уклад жизни и быта, свою культуру. До последнего времени этот язык не имел письменности, хотя в 30-е годы прошлого столетия была предпринята попытка создать учебные и литературные произведения, а также наладить обучение на шугнанском языке. Сейчас учёные стремятся возродить письменность, написаны учебники «*Алифбо* – Букварь» и «*Хиγпúni ziv* Грамматика шугнанского языка», в 90-ые годы в некоторых школах изучали родной язык, печатались газеты и памироязычная литература (поэзия и проза). Большой вклад в изучении памироведения внесли такие учёные как Р. Шоу, В. Гейгер, И.И. Зарубин, В. Б. Иванов, М.С. Андреев, В.С. Соколова, Т.Н. Пахалина, А.Л. Грюнберг, Д. Карамшоев, И. М. Стеблин-Каменский, Х.Д. Додыхудоев, П. Джамшедов, В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, А.З. Розенфельд, Ю.Г. Рычкова, А.А. Семенов, Ш. Юсуфбеков, С. Матробов, Т.Г. Абаев, М. Аламшоев, Ш. Аламшоев, С. Бахромов, Л. Бахтоваршоева, Б. Белоголовый, А.Н. Бернштам, А.А. Бобринская, М. Бойс, М.А. Бубнова, Л. Додыхудоева, А.Н. Зелинский, Д.Л. Иванов, Б.Б. Лашкарбеков, Б.А. Литвинский, М.Х. Мамадназаров, И.М. Мухиддинов, З.О. Назарова, Н.Х. Спицына, Н. Шакармамадов, М. Файзов, А. Шохуморов, Т.С. Каландаров, К. Эльчибеков, З. Юсуфбекова, Т.А. Джексон, В. Ленц, Л. Давлатбеков, В. Охониёзов, М. Имматшоева, Ш. Мирзоев, М. Броимшоева, Х, Курбанов и др.

В 1895 г. академик К.Г. Залеман опубликовал с лингвистическими комментариями материалы Д.Л. Иванова под названием «Шугнанский словарь Д.Д. Иванова» и тем самым заложил в России научный фундамент изучения шугнанского языка. На материалах Р. Шоу и К.Г. Залемана основаны посвященные памирским языкам очерки В. Томашека и В. Гейгера.

Небольшое количество шугнанского материала с неточностями в записи и комментариях содержится в работах В. Ленца и Г. Шельда.

Интенсивное и более или менее планомерное изучение шугнанского и других языков памирской группы связано с именами И.И. Зарубина, В.С. Соколовой и их учеников и последователей: А.Л. Герценберга, Р. Додыхудоева, Т. Н. Пахалиной, Д. И.Эдельман, Н. Карамхудоева, М. Файзова, Х. Курбанова, Т. Бахтибекова, И.М. Стеблин-Каменского, Л.Р. Додыхудоевой и др., а за рубежом – с именем норвежского ираниста Г. Моргенстерн. Материалы, введенные этими исследователями в научный подход, привлекались и продолжают привлекаться другими иранистами при написании сводных и сравнительных работ по иранским языкам.

Из всех существующих до настоящего времени работ лексика шугнанокого языка наиболее полно представлена в работе проф. И.И. Зарубина «Шугнанские тексты и словарь». Раздел «Словарь» данной работы по нашим подсчетам содержит 5,5 тыс. словарных статей, включая топонимы, собственние имена и ссылочные вокабулы. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что И.И. Зарубин по состоянию здоровья не мог участвовать в подготовке рукописи к изданию и составленная им картотека словаря не была пополнена и дополнительно проверена в шугнанской языковой среде. Ученики и последователи проф. И.И. Зарубина – В.С. Соколова, В.С. Расторгуева, А.Л. Герценберг и В.А. Лившиц, не имея возможности детально совершить и дополнить рукопись словаря, издали его с небольшим количеством текстов почти в том виде, в каком он был составлен И.И. Зарубиным еще в годы Великой Отечественной войны. К

тому же указанный словарь, как отмечается и в предисловии к нему, отражает состояние лексики до середины 30-х годов.

Вышеуказанными обстоятельствами объясняется ряд неточностей материала и неполнота самого словаря, на что обратили внимание его издатели, а также Р.Х. Додыхудоев.

В более позднее время некоторые материалы по лексике шугнанского языка Афганистана в арабской графике были опубликованы афганским лингвистом Шах Абдулло Бадахши.

Несмотря на значительное количество работ по шугнанскому языку, степень его изученности по-прежнему не может считаться достаточной. Зарегистрирована далеко не вся шугнанская лексика, не разработаны многие вопросы шугнанской грамматики кроме работы Т. Бахтибекова и Ш. Аламшоева, имеются отрывочные сведения о диалектных отношениях внутри шугнанского языка в работах Т.Н. Пахалиной, А.Л. Грюнберга, Д. Карамшоева, И.М. Стеблина-Каменского, Х.Д. Додыхудоева, В.С. Расторгуевой, Д.И. Эдельмана, А.З. Розенфельда, Ш. Юсуфбекова, С. Матробова, Т.Г. Абаева, С. Бахромова, Л. Бахтоваршоевой, Б. Белоголового, А.Н. Бернштам, А.А. Бобринской, М.А. Бубновой, Л. Додыхудоевой, Иванова, Б. Лашкарбекова, Б.А. Литвинского, И.М. Мухиддинова, З.О. Назаровой, Н. Шакармамадова, М. Файзова, А. Шохуморова, Т.С. Каландарова, К. Эльчибекова, З. Юсуфбековой, Т.А. Джексона, В. Ленц, П.Джамшедова, Л. Давлатбекова, В. Охониёзова, М. Имматшоевой, Ш. Мирзоева, Х. Курбонова, М. Файзова, М. Броимшоевой и др.

По наличию форм словоизменения все слова в шугнанском языке можно разделить на две группы – изменяемые и неизменяемые. К неизменяемым относятся служебные слова (предлоги, союзы, частицы) и некоторые из знаменательных (наречия, числительные). Изменяемые слова можно разделить, в свою очередь, на изменяемые I) по числам; 2) по падежам и числам; 3) по лицам и числам; 4) по родам и числам.

Шугнанский язык не обладает развитой системой флексий. Поэтому в большинстве случаев принадлежность слова к той или иной части речи определяется синтаксически: одна и та же лексема в зависимости от синтаксического окружения может употребляться как разные части речи.

Наиболее четко выделяются в структурном отношении следующие разряды слов: имена, глаголы, а также служебные слова.

3.4. Имя существительное в шугнанском языке

При анализе собранного материала по дублетам и словам-повторам шугнанского языка выяснилось, что большинство этих слов являются существительнимы. Имя существительное в отличие от других имен характеризуется следующими грамматическими признаками в шугнанском языке:

1) наличием категории числа; 2) наличием категории определенности – неопределенности; 3) способностью сочетаться с различными служебными элементами. С учетом этих различий и значения предметности, которое свойственно имени существительному, мы выделяем в отдельную группу существительное и в дальнейшем будем рассматривать каждую из именных частей речи отдельно.

Категория числа. В шугнанском, как и в других памирских языках, существительные имеют два числа: единственное и множественное. Форма единственного числа равна чистой основе: *нан* (мать), *пид* (отец), *δуст* (рука), *цём* (глаз), *кор* (дело, работа), *сипорн* (плуг), *чарх* (веретено), *чухˀ* (петух), *вирод* (брат), *ризин* (дочь"), *до* (жалоба), *питиш* (родственник) и др.

Множественное число выражается как морфологическими, так и синтаксическими средствами. В качестве морфологических показателей множественного числа чаще всего выступают формообразующие суффиксы: -*ен* /редко/, -*йон, -гон, он, -зон, -ар.*

Универсальным показателем множественного числа в шугнанском является суффикс ***-ен***. Что касается остальных суффиксов, то сфера их употребления ограничена определенной семантической группой. Некоторые из них могут свободно заменять друг друга. Хотя суффикс *-ен* является универсальным показателем множественного числа и практически может употребляться со словами с различной семантикой, но в языке употребление его факультативно, поскольку наиболее распространенным способом выражения множественности в шугнанском языке является синтаксический.

Суффикс - ***ен*** употребляется для выражения множественного числа как одушевленных, так и неодушевленных существительных: *тат-ен* (отцы), *нан-ен* (матери), *китоб-ен* (книги), *чад-ен* (дома), *ворҷ-ен* (лошади***),*** *гул-ен* (розы), *ях-ен*, (сёстры), *жир-ен* (камни).

Присоединяясь к некоторым словам со значением времени, суффикс -*ен* выражает не только множественность, но и указывает на приблизительное время действия: *шич-ен вев нав қивд* (мы их только что позвали), *шич-ен* нивиит (только что писали). В шугнанском, рушанском и бартангском языках суффикс *-ен* (в разных вариантах) реликтово встречается в составе топонимических названий и в некоторых застывших формах.

Суффикс *-ен* из всех языков шугнано-рушанской группы как универсальный показатель множественного числа встречается, кроме рошорвского, в сарыкольском. Однако сарыкольский суффикс ***-еф*** употребляется только при именах в косвенной позиции, где он в настоящее время не осознается как показатель множественного числа. В бартангском языке он встречается в той же форме, что и в рошорвском, и круг слов, имеющих ***-йф***, сравнительно с мунджанским и рушанским намного шире. Приведем некоторые примеры: барт. *Хидорҷеф* – название местности / *хидорҷ* (мельница), *зимҷ-ен* – название местности / *зимҷ* (пахотная земля), руш, *Пастйв* – название местности, шугн. *побев* (нижняя часть пахотной земли), (часть постели со стороны ног), *роштеф* – название местности.

Встречается в шугнано-рушано-бартангский универсальный показатель множественного числа *-ен*, который иногда имеет индивидуальный характер и может объясняться влиянием соседних языков, как, например, в словах *муйсафед-ен* (старики), *кахой-ен* (женщины) и т.д. Например: *муйсафеден-ен луд ма са нур* (Старики сказали: неходи сегодня).

Со словами, обозначающими родственные отношения и общности людей, для образования множественного числа пишется *-йон: амак-йон* (дяди со стороны матери), *хер-йон* (племянники), *нибос-йон* (внуки, внучки).

Суффикс *-ҷев* со словами, имеющими временное значение, параллельно с суффиксом -йон , образует наречия: *ẋаба-ҷев //-йон* (по ночам, ночами), *вега-ҷев // -йон* (по вечерам, вечерами), *сараки-ҷев //-йон* (по утрам).

Для выражения множественного числа с некоторыми терминами родства употребляется суффикс *-ен: тат-ен* (отцы), *нан-ен* (матери), *чор-ен* (мужья), *ɣин-ен* (жены), *зинаɣ-ен* (невестки), *ризин-ен*. Примеры во фразах***:*** *ди дӯстен-ен йаӨч* (его друзья приехали). Суффикс ***-****ар* употребляется только со словом *вирод-ар* (братья). Суффикс ***-****нич* образует множественное число со значением собирательности от слов *ваз* (коза) – *ваз-ен* (козы), *маɣ (овец)* – *маɣ-ен* (овцы).

В языках шугнано-рушанской группы имеется незначительное количество существительных, у которых при образовании множественного числа происходит чередование корневых гласных.

Широко распространенным способом выражения множественного числа в шугнанском языке является синтаксический способ. Синтаксически множественное число может выражаться.

Определенность и неопределенность. Определенность и неопределенность в шугнанском языке выражается теми же способами, что и в других языках шугнано-рушанской группы. В качестве неопределенного артикля употребляется перед существительным числительное *йи/ййв*/ (один). При употреблении числительного в значении артикля счетное значение его

ослабляется. Примеры: *равон-ен сат*, аз *пиро йи қишлоқ йат* (они отправились в путь, по дороге им попалось (какое-то) селение).

В качестве определенного артикля при имени существительном употребляется указательное местоимение с ослабленным указательным значением: *йу подх̇о йи лав фикри чу, ху тар ху чид фирипт* (царь, немного подумав, пошел к своему дому).

Категорий грамматического рода в шугнанском, как и в других языках шугнано-рушанской группы, прослеживается в некоторых существительных, прилагательных, глаголах (в прошедшей и перфектной основах), а также в ряде звукоподражательных или изобразительных слов.

В именах существительных грамматический род выражается морфологическими, лексическими и синтаксическими способами. Морфологический и лексический способы различения грамматического рода присущи ограниченному числу существительных. Более универсальным является синтаксический способ.

3.5. Морфологический способ выражения категории грамматического рода в шугнанском языке

Морфологическая категория грамматического рода выражается чередованием корневых гласных. Этот способ охватывает почти те же имена существительные, что и в других языках шугнано-рушанской группы. Исключение составляет сарыкольский язык, в котором различение грамматического рода стерто. Основные чередования корневых гласных, следующие: *у, ў, б, о* женского рода, для мужского рода, *и, а, е*: *гуҷ* (козленок) – *гиҷ* (козочка), *куд* (кобель) – *кид* (сука), *пиш* (кот) – *пиш* (кошка), *буц* (детеныш-самец) *биц* (молодая самка), *бунг* (осленок) – *бинг* (ослица), *чух̇* (петух) – *чах̇* (курица), *йўрх̇* (медведь) – *юрх̇ā̄н* (медведица), *ворҷ* (конь), *верʒ* (кобыла), *шиг* (бычок) – *шёг* (телка), *шур* (осел) – *шар* (ослица) и др.

В некоторых именах собственных род различается также при помощи чередования гласных: *Сафар* (мужское имя) – *Сафар* (женское имя), *Роштен* (мужское имя) – *Раштен* (женское имя).

Выделяются некоторые существительные, которые в одном языке имеют общий грамматический род, а в другом различаются по родам. Ср., например, рош. *пиш* (кот) – *пиш* (кошка), шугн.-руш.: *пиш* – общее для обоих родов. *рош. войд* (злой дух, нечистая сила) общее для обоих родов в то время, как шугн. *вўйд /м.р./, войд /ж.р./,* барт. – руш. *вуйд /м.р./, вайд /ж.р./,* рош. *нибос* - общее для обоих родов, шугн. *нибос "внук", нибес /ж.р./, руш. набус /м.р./, нибес /ж.р./.*

Такое же чередование гласных происходит и в звукоподражательных словах:

Мужской род	**Женский род**
шор-шор (журчание)	*шар-шар*
донг-донг (топот, грохот)	*данг-данг*
шараст (звук при сильном водопаде)	*Шараст*
бонгаст (приглушенный звук)	*бингаст* (пронзительный звук)

Чередованием гласных фонем различается грамматический род в некоторых сложных словах. Причем чередования происходят как в обоих компонентах, так и только в одном из компонентов сложного слова:

а) в обоих компонентах:	
мужской род	**женский род**
гуҷ-буц (козленок)	*гиҷ-биц* (козочка)
шиг-буц (теленок)	*шиг-биц* (телочка)
пиш-буц (котенок)	*пиш-биц* (кошечка)
б) в одном из компонентовсложного слова і:	
хӗр-буц (племянник)	*хӗр-биц* (племянница)
набос-буц (внук)	*нибес-биц* (внучка)
кура-буц (жеребенок)	*кура-биц* (кобыла)
нахчйр-гуҷ (козлик)	*нахчйр-гиҷ* (горная козочка)

Некоторые имена существительные (преимущественно в терминах родства) различают грамматический род посредством присоединения специальных суффиксов или других морфологических показателей. Например, *пуц-ечӌ* (пасынок), *ризин-ез* (падчерица).

Такое смешение в употреблении суффиксов, возможно, указывает на тенденцию к утрачиванию этими суффиксами родовых признаков. Многочисленные существительные с указанием на лицо не имеют парного образования и могут относиться как к мужскому полу, так и к женскому. В речи чаще всего их род определяется синтаксическим путем, т.е. согласованием указательных местоимений или глаголов в прошедшем времени с существительным. У некоторых имен существительных (обычно названий животных), имеющих общий грамматический род, принадлежность к определенному полу различается тем, что к ним добавляется название животных той же породы, различающих грамматический род либо морфологически, либо лексически. Например, *нахчир* (горная коза) (безотносительно к роду) – *нахчйр-ваз* (самка горной козы) (*ваз* (коза домашняя)), *нахчйр-буч* (горный козел) (*буч* (козел)) и др.

Синтаксический способ выражения грамматического рода в шугнанском. Большинство неодушевленных существительных относится к тому или иному грамматическому роду. Однако у них для различения рода нет специальных морфологических показателей. Не различают они род и лексическим способом. Род таких существительных во всех языках шугнано-рушанской группы, выражается синтаксически согласованием имени существительного с качественным прилагательным, указательным местоимением и глаголом в одном из прошедших времен. Приведем несколько примеров**:** *ид чанор лап ғула виц* (чинар, оказывается, очень большой), *рошт тоқиен ху кал тир чўуч,* (они надели красные тюбетейки), *мам зимц-ет хишрўй чериҫ чўгч,* (эту землю вспахали хорошо).

3.6. Редупликация в современном шугнанском языке

Образование существительных и наречий путем повтора основы образуются посредством повтора одного и того же слова (существительное, прилагательного, реже основы глагола):

- удвоение существительных: *тирамо-тирамо* (каждую осень), удвоение прилагательного: *торик-торик* (в темноте), *хап-хап*, (быстро), *тилим-тилим* (частями, кусками, по частям), *ойистā-ойистā* (тихо), *пāст-пāстик* (низко), *дароз-дароз* (длинно). Примеры во фразах: *торик-торик-аð андуйд ху тӯйд* (он встал в самую темноту и поехал), *ид дигар х̇ап-х̇ап науҷид* (все остальное быстро прошло).

- удвоение глагольных основ отмечено в следующих случаях: а) удвоение основы настоящего времени: *сэр-сэрак* (тайком) (*сэр* – основа настоящего времени глагола) *сэртов* (наблюдать), *дуқ-дуқ-ак* (рысью) (*дуқ* – основа настоящего времени), глагол *дуқтов* (идти рысью);

- удвоение основы прошедшего времени: *жэх̇т-жэх̇т* (бегом) (*жэх̇т* – основа прошедшего времени от глагола *жэх̇тов* (бежать).

Очень часто наречия этой группы образуются путем удвоения того или иного слова посредством связывающих элементов.

В качестве связывающих элементов в таких сложениях выступают предлоги и связывающие гласные: *пи, па, тар, пас, та*, а и т.д. Примеры с предлогами: *ру па ру са ху лӯв* (иди прямо и скажи в лицо),. *вазен зар зар нисц* (они сидят далеко друг от друга), *то маш-ен wинт-ат цэм тар цэм-ен сат* (как увидели нас, начали смотреть друг на друга), *wаз-ен мис δум пис δум ху чуҷ-ху тиен* (они стали друг за другом и идут); *йу чид пис чид одам х̇икирт* (он идет по домам и собирает людей), *кал тар кал* друг другу, *х̇āр тар х̇āр: х̇āр тар х̇āр vи ном нахтуйҷин вуд* (его слава была распространена по городам), *кāл-тар кāл-ен ху чӯҷ ху гап δен* (они склонились друг к другу и говорят).

3.7. Префиксальный и префиксально-суффиксальный способы образования дублетов в наречиях

Наречия, образованные префиксальным или префиксально-суффиксальным способом, в шугнанском, как и в других языках шугнано-рушанской группы, немногочисленны. В основном это заимствования из таджикского языка. Приведем некоторый из них: *ба рости* “по правде”, "на самом деле", *"базӯри* ’насильно", *зори* "с просьбой", *рамеф*, "целый день", *тагов* "вниз". Примеры во фразах: *базӯрӣ-м аз ви чанганд* с трудом я выхватил у него", *тама базури ху тар қап вевд*, *ту ар тагов сави йо питӣр*, "туда вниз пойдешь или наверх".

Образование наречий путем повтора основы шугнанского языка. Наречия образуются также посредством повтора одного и того же слова (существительного, прилагательного, реже основы глагола). Удвоение существительных: *тирмо-тирмо* (каждую осень), *чид пис чид* (по домам), *бурҷ-бурҷ*, (по краям) и т.д., например, *азондиен ар тирмо вохат каҳтен пи Мискул йод* (отсюда каждую осень отвозили в Мискул сено и зерно).

Удвоение прилагательного: *торик-торик* (в темноте), *ҷāлд-ҷāлд* (быстро), *ҳап-ҳап* (бистро), *ойиста-ойиста* (тихо), *пāст-пāстик* (низко), *дароз-дароз* (длинно), *танҷ-танҷак* (с трудом). Примеры; во фразах: *торик-торик-ад андуйд ху тссйд* (он встал в саму темноту и поехал), *риқ-рик*, (иди смело, не бойся!), *ид дигар ҳāп-ҳāп научид* (все остальное быстро прошло).

Удвоение глагольных основ отмечено в следующих случаях:

а) удвоение основы настоящего времени: *сэр-сэрак* (тайком), сэр – основа настоящего времени глагола *сэртов* (наблюдать), *дуқ-дуқак* (рысью), дуқ – основа настоящего времени, гл. *дуқтов* (идти рысью);

б) удвоение основы прошедшего времени: *жэхт-жэхт* (бегом) жэхт – основа прошедшего времени от глагола *жэхтов* (бежать).

Очень часто наречия этой группы образуются путем удвоения того или иного слова посредством связывающих элементов. В качестве связывающих элементов в таких сложениях выступают предлоги и связывающие гласные:

па, *тар, пас*, *та*, *а* и т.д. Примеры с предлогами: *рӯй па рӯй са ху лӯв* (иди прямо и скажи в лицо), *ваден δар тар δар нисц* (они сидят далеко друг от друга), *тоен маш винт-ат цэм тар цэм-ен сат* (как увидели нас, начали смотреть друг на друга), *даδен фукаδ δум пис δум йат* (они все пришли друг за другом).

Выражение дуплетов при помощи предлогов в шугнанском языке. По своему происхождению все предлоги шугнанского языка могут быть разделены на две группы: первичные и отыменные. Первичные предлоги шугнанского, как и других языков шугнано-рушанской группы, восходят к определенным классам слов в древности. В настоящее время их этимология затемнена и генетическая связь с теми словами, от которых образовались, разорвана. Что касается отыменных предлогов, то они употребляются только в определенных условиях, а их происхождение является ясным, так как семантические связи с теми частями речи, от которых они образовались, не разорваны.

Вторым существенным различием между первичными отыменными предлогами является то, что первичные предлоги многозначны, а отыменные в большинстве своем однозначны.

Основным значением первичных предлогов является указание на пространственные отношения, а некоторые из них указывают и на временные отношения.

Морфологический состав предлогов с дублетами и словами-повторами. По своему морфологическому составу предлоги шугнанского языка могут быть разделены на две группы: простые и сложные, или составные. К простым предлогам относятся все первичные предлоги, как, собственно, шугнанского, так и заимствованные: *тар, ар, па, пас, аз, пар, ма, чи, мар, бар, бӣ, ба* и др.

Сложные, или составные: *аз пиро, аз зибо, ба сари, аз рӯйи, рӯ па рӯ, бāд аз* и др. Все первичные предлоги являются односложными.

Предлог *тар*, кроме того, встречается в застывших сочетаниях типа: *мāк тар мāк* (в обнимку), *цем тар цем* (глаз в глаз, смотреть друг на друга), *кал тар кал* (голова к голове), *δуст тар δуст* (сообща), *ẋāр тар ẋāр* (по городам), *меđ тар меđ* (день ото дня), *чид тар чид* (из дома в дом), *гāп тар гāп* (полемика, спор) и т.д.

В следующих сложениях предлог *ми\пи* может заменяться предлогом *пи*, когда он указывает на непосредственный контакт: *ми//пи нул* (в клюве, клювом), *ми//пи чанг* (в когтях), *ми//пи қап* (в руках). Примеры: *ху ми нулум а-тама чуд-ат ғулает сат* (взял вас, дети, в клюв и стали вы большими), *о йиву wāрг каргас минӯл,* (вон смотри, барашек в клюве орла), *шичен даδ фукаđ му ми чāнг* (теперь они все у меня в руках), *Саломат миқāп ви рибиен* (они кладут его в руки Саломат).

Как видно из рассмотренных примеров, место предлога *ма/ми* и заменяющего его предлога *па* строго фиксирован, т.е. предлог всегда стоит непосредственно перед определяемым словом, а иногда полностью срастается с ним и становится приставкой.

Предлог *мар,* как и предлог *ми*, встречается в первичных сочетаниях. Он в основном может свободно заменяться предлогом, *ми* иногда предлогом *бар*: *вуст бар//ми вуст* (рука об руку), *ҷур бар// ми ҷур* (рядом), *тис//бар тис* (полный, полно, до краев). Например: *δуст ми δустен анҷувдху тойден , вам ẋацен тис бар тис ар вам ҷога чуҷ.*

3.8. Сравнительный анализ редупликатов и слова повтор в таджикском и шугнанских языках

В следующем параграфе проводится сравнительно-сопоставительный анализ таджикских и шугнанских дублетов на собранном языковом материале. В первую очередь анализу подвергаются морфологическая структура редупликации в сравнительных языках. Материалом нашего исследования являются слова-дублеты, отобранные из различных словарей («Фарханги забони точики» для таджикского языка и двуязычные словари Д.

Карамшоева и М. Ш. Аламшоевы для шугнанского языка) и художественной литературы. Для анализа языкового материала, собранной сплошной выборкой из двуязычных словарей Д, Карамшоева, М. Аламшоева, Ш. Аламшоева и П. Джамшедова нами в работе составлен список редупликантов шугнанского языка который подвергнут анализу в работе.

А-а-ҳа-ҳа (*назир ловен - ат веванд а-аа сӯд*); *aw-aw* – звукоподражание, лай, тявканье; *ай-ай – ой, эй, ах* – увы; *тит-тит* (ак) – разбитый вдребезги; *цуг-цуг* (ак) – рванный; *айрӯн-айрӯн* – растерянность; *бāч-кāч* – дети; *бад-бад* (*чихтов*) – смотреть со злостью; *барг (ас) барг* – не шелохнется, тихонечко; *баргӯ-баргӯ* – обрывать листья; *бардо-бардор* (чидов) – хвалить; *барзин-барзин* – обматывание, скручивание; *wарраст-wарраст* – быстро, бегло; *баг-баг* (о пчеле) – звук пчелы, мухи, жужжать; *wай-wай* – ой**,** ох; *wурз-wурз* – судороги, дрожь, озноб; *wурс-wурс* – щепетать; *га-га* – иногда; *гап-гап* – разговоры, слухи; *гур-гур* – друг за другом , толпой; *даwӯн-даwӯн* – прорастать, бегом; *дам (ба) дам* – непристанно, часто; *дар ба дар* – скиталец, бродяга; *дақ -дақ* – дрожать, трястись, трепетать; *туҳа-муҳа* – дорожные припасы; *дӣл-дӣл* (чидов) – утещать, успокаивать; *дус-дус (ик*) – по немногу; *дӯнд-дӯнд (ак*) - gykg (ak) – на части, в дребезги; *бис-бисак* – (устно) сто; *вуст* (*ми*) *вуст* – рука об руку; *ð ик-ð ик* – заикание, коноязычие; *йигӯн-йигӯн* – иногда, временами; *хуч-хуч* (ак) – медленно; *кам-кам* – мало; по мало; *кар-кар* – шуршание, шорох; *каш-каш* – очень горячий; *кур-кур* - шорох, шум; *курӯх-курӯх* – шорох, шелесть; *кук-кук* – кряхтанье; *лай-лай* – баю бай, баинки; *лах-лах* – постукивание, стук; *лум-лум* – плавно, тихо; *маҳ-маҳ* (*а*) – лениво, вяло (есть); *мᾰв-мᾰв* – мяу-мяу; *муқ-муқ* (ик) – пухлый, упитанный; *остᾰ-остᾰ* –тихо-тихо; *пат-пат* – бармотание; *патте-пате* (зибид) – прыгать, скакать; *пале-пале* – бок, сторона, край; *пул-пул* – свет, отблеск, огонки; *рам-рам* – топот, грохот; *рафта-рафта* – постепенно; *сāм (бар) сāм* – в страхе, в испуге; *шар-шар* – звук воды, шум водопода; *курр-курр* (чидов) – свистящий звук; *қут-қут* – звук подающая курица; *чунг-чунг* – согнувший; *шут-шут* (шат-шат) – хромой.

Собранный языковой материал можно разделить на две группы: полные и неполные (частичные) редупликации [Д. Карамшоев, 1985, А.Ш. Аламшоев 2021.] примерами полной редупликации является такие удвоения как *анбор-анбор, зуд-зуд, кам-кам, охиста-охиста* в таджикском и кам-кам, *оста-оста, лап-лап, жехт-жехт, ранг-ранг* в шугнанском языке.

При неполнойй редупликации во второй части повторных слов происходят формальные изменения. Неполные повторы выражают значение обобщенности, собирательности и др. например*: чой-пой, ош-пош, об-поб, нон-пон, якта-нимта* для таджикского языка и *гарда- парда, чой-пой, қут пут, шут-мут, қич-пич* – для шугнанского языка. Модели таких редупликаций рассмотрены и в работе Д.М. Искандаровой и Локман Бекташа [Искандарова 2016; 121-122].

Повторные слова часто представляют сомостоятельными частями речи и употребляются для обозначения различных смысловых оттенков [Буранова; 1982, 142с.].

Например, (i)*gone-(i)gone* – постоянно, понемногу, поочередно. *Ik az mi dore sictamard ca dakum ar með goni- goni ar mu gev patew* – Эти лекарства, которые я вам дам, каждый день по немногу кладите мне в рот.

Fil-fil (fal, filt) – смотреть на кого либо: *giδa daδ tar wam mis na filt xu, rawon sut* – Парень даже не посмотрел на неё и пошел дальше:

Ramb-ramb – топот, грохот, гул: *Yi soat ga ramb ramb sut – Через* некоторое время поднялся шум.

Jiraγ-piraγ – визг, плач: *Bačgala-en jiraγ piraγ sar čud*. Дети начали шумет.

Морфологические редупликации в таджикском и шугнанском языках:

а) Существительные в памирских языках, в отличие от дейктических форм, таких как местоимения и указательные падежи, очень редко различаются по падежам. Типичное иранское различие между абсолютным и косвенным падежами не встречается в шугни, рушани, бартанги, рошорви, язгулами или ишкашими. В Сариколле это встречается в различии между

множественным числом. маркеры *-хеле* (абс.) и *-эф* (обс.), а также в Ваханском различие обнаруживается только во множественном числе. *-is(t)* (абс.) и *-av* (оби.). Когда отложенный элемент присоединяется к основе существительного, который обычно является последним элементом в именной группе, может быть трудно решить, является ли этот элемент падежным окончанием существительного или послелогом всей группы. Грюнберг А.Л. и И.М. Стеблин-Каменский, например, окончание *-арк* «к» и окончание *-ан* «от», которые присоединяются к наклонной основе существительного, трактуют как новообразованные падежные окончания. Однако, когда они встречаются в сочетании с конструкцией изафет, в которой модификаторы ставятся после существительного, или в конструкциях с координатно-именными именами, окончание может следовать только за последним существительным, например, шугн: *Хуршед-ат ви нан-ен* (Хуршед и его мать). (ср. Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, 558 л.; Пейн 1981, 171). Существительные *(**тадж**: олам-олам, каппа-калон, хеш-пеш, маҷлис-паҷлис; **шугн**: чой-пой, гарда-парда, бач-кач, дӯнд-дӯнд, курҷ-курҷ, гул-пул, каҳт-паҳт, туд- пуд, бач- кач, буҷ-бала, хеҳ қавм и др.*

Парно повторные существительные с заменой начального согласного второго компонента: *гарда-парда, каҳт-паҳт, туд-пуд, цирах-пирах, сингир-мингир.* Оба компонент являются существительнимы*: бач-кач, буҷ-бала, хех-қавм.*

б) Прилагательные в памирских языках в основном инвариантны, не различаются ни по числу, ни по падежу. В языках подгруппы шугни-рушани некоторые прилагательные (как и существительные) могут обозначать род посредством чередования гласных, напр. шугнанский *кут* (муж.) ~ *кат* (жен.) (краткий). Прилагательных с такими чередованиями немного.

Во всех памирских языках прилагательные-модификаторы в називной конструкции предшествуют существительному. В Язгуламском, кроме того, прилагательные, обычно употребляется с суффиксом *шт. -(у)о*, который отмечает все премодифицирующие именные и адъективные группы: шугн.

рошт жов (жен.) (корова) (хорошая корова); шугн. *рушт ҳиҷ* (хороший (маск.) бык).

Сравнительные прилагательные образуются с помощью суффикса, например. шугн. *хаɣ-хаɣ-ди* (сладкий-сость.) «слаще». Повторение прил. может указывать на превосходную степень, например, шугн. *тэр-и-тэр* «очень черный». Однако превосходная степень в основном выражается синтаксически, например, наречными модификаторами: *дароз-дарози, баланд-баланди, кам-ками, шугн: айрӯн-айрӯн, барзин-барзин, даwӯн-даwӯн, wурз-wурз, курҷ-курҷ)*.

в) Числительные:

В целом, оригинальные цифры от «1» до «10» сохранены и используются в обычном режиме. Однако у таджикского *даҳ* для «10», а в подгруппе Шугн.-Рушани и Язгулами таджикские числительные для «1-10» могут использоваться в определенных контекстах, например, с часами (но не минутами) для обозначения времени. Для чисел выше «10» в основном представляют речь пожилых жителей и встречаются гораздо реже, чем заимствованные таджикские числительные.

Исконые порядковые числительные образованы суффиксами: шугн. -*эн*, однако во всех случаях наиболее распространены заимствованные формы из таджикского языка. Распределительные числа во всех языках образованы суффиксом -*и* (*δийӯни*): купить: «по две». Их можно повторять для акцента, как в шугн. *δийӯн -δийӯни* «по две». числительные (тадж*: якта-якта, се-се, ду-ду, чор-чор, ҳазор-ҳазор;* шугн*: йив-йив, йигӯн – йигӯн, пинз-хоɣ, wywд-waẋт, δис-δисак и т.д.);*

г) местоимение (тадж: *ҷо-ҷо, баъзе-баъзе;* шугн*: палэ-палэ, арод-тарод).*

д) глаголы: (**тадж**: *дуп-дуп, ҷунбон-ҷунбон, ларзон-ларзон, дав-дав, омад-омад***;** шугн*: мидо-мид, хидо-хид, зано-зан, wурс-wурс, барзин-барзин, дил-дил);*

е) наречие (**тадж**: тадж: *як ба як,дам ба дам, кам-кам, чору ночор, хеле-хеле, секин-секин,базур-базур, оҳиста-оҳиста, ҳар ҷо ҳар ҷо;* шугн*: хаҳ-хаҳ, арҷо-арҷо, тез-тез, кāм-кāм, лап-лап, дӯс-дӯс, пизор-пизор).*

ж) предлогов **шугн**: (ло ба лои…, қабат ба қабати…, мағз андар мағзи…; байни…, мобайни… …; шугн*: зив тар зив, пиҷ тар пиҷ, ғев тар ғев, мак тар мак, шанд тар шанд);*

з) союзы: (*гоҳ… гоҳ, хоҳ… хоҳ*, *на... на, чӣ...чӣ...;* шугн*: ё...ё, игон...игон).*

е) частицы и междометия: **тадж**: (*ҳа бале-ҳа бале, мана-мана;* шугн: *ӯн-ӯн, йима-йима).*

и) звукоподражание: **тадж**: тадж: *шар-шар (журчание);донг-донг (топот), грохот;* шугн*: қул-қул, шур-шур, ҷур-ҷур, бур-бур*).

Ниже приводятся этимологии некоторых редупликаций на персидско-таджикском и шугнанском языках: *Ab-ab* много воды; перс. *ab,* авест. *ap*, пехлав. *aw, av,* араб. *wab-wab; ab az ab; a-ataš* – риск, оташ – огонь, авест. *atar,* пехлав. *ataxš; ab-tab-a-u-tab* успех, великолепия; пример: *Чун гуҳар обу тоб агар дорӣ* (С. Табрези).

ab-jarub (кардан) – очистить, подготовить *ab* – вода, *jārub* веник; *ob-rang ab-u-rang* (додан) – покрасить поверхности что-либо; *ab-u-arag* покраснеть от стыда; *ав-u-alaf* – сельхоз корм для животных; *ав-u-gil* – ринадлежность, богатство; *ab-u-hava* – погода; *at-u-ašγal* – мусор; *aj-u-da¥* – влюблятся; *гумон мекунӣ оҷу доғи чашмонат астам*; *ah-u-vah – оҳ, оҳ; āx-u-tuf* – плевать; *axir-u axir* – в конце концов; *ba-ba* –дед; *baǵ-u-raǵ*; *kam-kam* – немного; *dul-dul* – позв. лощадь; *bul- bul* – звук. протикание воды; *alan-talan* беспорядок; *ašti-mašti* – примериться; *γur-γur* – гулдурос; *aftab-mahtab* - детская игра; *ari-ari* – да, да; *aram-u-aram* – медленно; *ārāiš-pirāiš* – наряд, нарядиться; *ādam-u-ādam* – халқ, одам – народ; *āxir-u-āgibat* – конец, финал; *ruy-a-ruy* – напротив; *xit-xit* – назыв. приглащат курицы; *andak-mandak* – мало; ajanna-axanna – сумашедший (араб); *bas-bas* – хватить; *baq-baq* – звук пчела; *agar-agar* – тадж, балуч. – иногда; *bur-bur* тадж, балуч. – издать звук; *păš-păš* – таджк,

балуч – дребизг (сломат); *pušt-pušt* – один за другим; *čiy-čix* – тадж, шум, крик; *čur-čur* – звук воды (балучи), таджк; *ču-ču* – о лошади, конья; *da-da* – отец (диалект) в балучи сестра; *daru-dowa* – мед, лекарства; *dam-dam* – часто; *dum ba dum* – следовать друг за другом; *ru-ru* (*ruba ru*) – напротив друг друга; *sah-an-sah* - король королей; *tak-tak* – стук (перс. шугн.); *ajin-ajin* – (курд) мало по малу; *iru-uru* – тут и там шугн. *мируя-wируя* (тадж, шугн); *par-par* – гулдузӣ (курд), вышывание; *čand-čund* – торговие (тадж, тюрк); *čaq-čaq* – разговоры беседы (тадж, шугн); *piš-piš* – зов. кошки (pers, шугн); *kux-kux* – кашлить (pers, шугн.); *pal-pal* –листет (перс. шугн).

Подводя итоги исследования можно констатировать что, языковые особенности произведений литераторов классического и современного периодов таджикской литературы, и, в частности, дублетов и синонимия данных произведений до сих пор нуждаются в дополнительном изучении. Ряд таджикских языковедов в ходе рассмотрения языка и стиля произведений того или иного литератора или в процессе исследования лексики и его наследия вкратце останавливаются на вопросах синонимии.

Становление лексико-грамматических особенностей указанной группы лексических единиц в сопоставляемых языках на основе проведенного сопоставительного анализа позволит дать их развернутую лингвистическую характеристику и установить сходства и различия. Благодатной почвой для проведения такого анализа являются источники художественной литературы в таджикском языке, двух и трехязычных словарей для шугнанского языка.

Дублетные слова во всех языках относятся к числу таких явлений, процесс формирования которых происходит непрерывно. Этот процесс отражает своеобразность состава синонимии, как происходящего от различных частей речи разряда слов. Слова, соответствующие данной категории, еще не полностью проявляют свою самостоятельность и сохраняют следы тех частей речи, от которых они образовались. Благодаря этому формируются и развиваются разновидности синонимов с различными лексикосемантическими оттенками и грамматическими функциями.

Основными свойствами дублетных слов являются то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине парные синонимы в некотором отношении противопоставляются обычным синонимам и сохраняют свою индивидуальную специфику.

Исторический путь формирования лингвистической терминологии сопоставляемых языков охватывает почти одинаковые периоды, однако, роль иноязычных языков в обогащении словарного состава этих языков во многом отличается. Если арабский и русский языки способствовали становлению лингвистической терминологии таджикского языка, то в шугнанском языке их роль осуществляли древные языки таких как авестийский, согдийский, пехлави.

Термин «редупликация» (от лат. reduplicatio – удвоение) в различных источниках трактуется по-разному, поэтому можно сказать, что на сегодняшний день его точного определения не существует. Под этим термином следует понимать различные языковые явления, такие как внутрисловные и межсловные удвоения. Дублеты или дуплеты – это взаимозаменяющие попарно используемые слова, обладающие одинаковой семантической нагрузкой, которая, однако, не обязательно должна быть эквивалентной. Они употребляются попарно только в контексте, и только это даёт право называть их дублетами.

Следовательно, они имеют непосредственное отношение к синтаксической синонимии, так как зачастую применяются в различных предложениях во избежание однообразия и повтора слов.

Дублеты дополняют и объединяют значения, которые в отдельности не всегда несут определенную семантическую нагрузку. Кроме того, парадигматика синонимов с дублетными значениями – симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, и это приводит к яркой и неординарной выраженности дублетов.

Для исчерпывающей характеристики лингвистической концепции о словах-дуплетах весьма важным представляется понимание и выбор области, сведения из которой необходимы для объяснения закономерностей развития и функционирования языка.

Звукоподражательные слова в сопоставляемых языках имеют много общих черт: примерно одинаковое количество суффиксальных звукоизображений. Возможно, эту черту следует интерпретировать как общую, унаследованную обоими сопоставляемыми языками из ранней индоевропейской эпохи, то есть структурную черту, сохраняющуюся в особой лексической нише, “отстающей в своем развитии” от общих темпов развития языка. Звукоподражательные единицы способны к формообразованию и словообразованию. Подавляющее большинство звукоподражательных слов являются глаголами. Как в таджикском, так и в шугнанском языках имеется довольно большое количество производных имитативных образований как в именах существительных, так и прилагательных, и предлогов.

Таким образом, в отличие от повторов звукоподражание строится на основе имитации звуков с определенным семантическим значением. Они также отличаются и от редупликатов, которые, хотя и строятся на основе фонетического подбора лексических единиц, но все же лишены имитационной основы (*садо, чег, шарраст, громбаст* – треск, лязг, шепот и т.д.). В обоих сопоставляемых языках звукоподражание является достаточно распространенным явлением, которое по способу построения, но не по семантическим признакам, напоминает парные синонимы.

Перечисленные выше языковые явления по форме и содержанию достаточно близки дублетных слов, но их специфические свойства, морфологическая структура, характер употребления и стилистико-композиционные особенности дают возможность провести четкое разграничение между этими явлениями, которые носят в основном фонетический характер, и дублетных слов сопоставляемых языков. В главе установлено, что для редупликатов,

дуплетов, слова повтора и их восприятия в обоих языках, помимо общих признаков, характерны отличительные свойства, выражающиеся преимущественно в синтаксических особенностях и, в меньшей мере, - в структурных.

Динамика развития названных форм в этих языках различна. В отличие от таджикского в шугнанском существуют другие виды дублетных слов. Такими формами являются дефисная конструкция, сложносоставное словообразование и изафетное словосочетание, которые внешне сотносимы с различными частями речи.

Для шугнанског языка подобные формы не характерны, поэтому их значения передаются дублетным словам в спрягаемой форме. Ряд таджикских языковедов в ходе рассмотрения языка и стиля произведений того или иного литератора или в процессе исследования лексики его наследия вкратце останавливаются на вопросах дублетных слов. Однако вопрос о сфере употребления дублетных слов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в отдельном диссертационном исследовании. Основной отличительной чертой дублетных слов является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине слова-повторы противопоставляются обычным синонимам.

Лингвокультурная обусловленность дублетных слов и их художественное оформление определяют характер их частоности употребления. При этом релевантность представляет оценочный или образный признак концептов описания, что обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами дублетных слов.

Для построения слов-повторов в сопоставляемых языках применяются такие способы, как аффиксация и словообразование. Но в отличие от других видов дублетных слов не отличаются большим спектром аффиксации и словообразования, так как они заключены в определенные рамки соответствующих моделей и конструкций.

С точки зрения истории языка появление этимологических дублетов в языке является отражением различных этапов формирования его словарного состава, с точки зрения лексикологии этимологические дублеты значительно расширяют словарный состав обеих языков, способствуя развитию синонимии.

Анализ семантических особенностей синонимических значений таджикского и шугнанского языков в различных контекстах, объединяющихся общим функциональным назначением, даёт возможность сделать вывод, что в них общий смысловой компонент может отличаться по своему семантическому весу и вместе с другими семами строить новые производные значения, которые входят в новую систему оппозиции, при этом они получают собственные семантические признаки.

Таким образом, основная задача употребления дублетных слов на всех морфологических уровнях в шугнанском языке заключается не только в расширении и обогащении словарного запаса, не только в развитии красочности и эмотивной контекста, но и в повышении культуры речи, вкуса и понимания слова, правильного подбора языкового материала и его надлежащей презентации. Эта сложнейшая задача требует от авторов и языковедов-исследователей тщательного анализа закономерности применения тех или иных лексических единиц и их употребления с правильных позиций.

Выводы к третьей главе

В главе установлено, что для повторных слов, редупликатов, дублетов и их восприятия в обоих языках, помимо общих признаков, характерны отличительные свойства, выражающиеся преимущественно в синтаксических особенностях и, в меньшей мере, – в структурных.

Динамика развития названных форм в этих языках различна. В отличие от таджикского в шугнанском существуют другие виды дублетных слов. Такими формами являются дефисная конструкция, сложносоставное

словообразование и изафетное словосочетание, которые внешне соотносимы с различными частями речи.

Для шугнанского языка подобные формы не характерны, поэтому их значения передаются дублетными словами в спрягаемой форме. Ряд таджикских языковедов в ходе рассмотрения языка и стиля произведений того или иного литератора или в процессе исследования лексики его наследия вкратце останавливаются на вопросах о дублетных словах. Однако вопрос о сфере употребления дублетных слов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в отдельном диссертационном исследовании. Основной отличительной чертой дублетных слов является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине повторные слова противопоставляются обычным синонимам.

Лингвокультурная обусловленность дублетных слов их художественное оформление определяют характер их частоности употребления. При этом релевантность представляет оценочный или образный признак концептов описания, что обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами дублетных слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование целого комплекса особенностей редупликации и слов-повторов даёт возможность изучить культуру, быт, традицоинный и национальный особенности носителя языка.

В данной работе впервые определена лексико-семантическая эквивалентность тематических групп редупликантов и слов-повторов таджикского и шугнанского языков. При изучении и анализе теоретической базы редупликантной системы и использовании определенных методов было выявлено множество взаимосвязей и эдинтичностей, а также различительные особенности между редупликациями и словамиповторами таджикского и шугнанкого языков.

В ходе исследования была выявлена картина ассоциативных значений тематических групп. В таджикском и шугнанском языках в основном наблюдается эквивалентность тематических групп в лексико-семантическом аспекте. В системе пардигматических отношений выделяются синонымы слов-повторов и дублетов. В некоторых случях эквивалентность дублетов и слов-повторов таджикского и шугнанского языков наблюдается почти в польной форме, лишь с некоторыми фонетическими изменениями в составе редупликатов. Установлено что сопоставительный анализ таджикской и шугнанской редупликатов осуществляется путём разработки сопоставительный системы изучения материалов сравниваемых языков при котором выяляются разлечительные особенности. Например при выявлении эквивалентности редупликатов и слов-повторов с нумиративными компонентами, что часто употребляемой число являются простые числительные как *як – йив* (один), *ду – δуйӯн* (два), *даҳ – δис* (десять) и дробные числительные *як-ду* (тадж), *йив-δуйӯн* (шугн) (один-два), *чор-панҷ* (тадж), *ҷавор-пинʒ* (шугн) (четыре-пять) с помощью которых отражаются образные выражения мыслей носителей языка.

Выясняется, что большинство редупликатов известны в общеиранских языках и распространяются с различными оттенками значения, что касается таджикского и шугнанского языков.

Фонетическое различие шугнанского в отличие от таджикского заключается в имеющихся фонемах: *ā, ū, ẏ, ê, δ, γ*.

- Обосновано что синонимические ряды в шугнанском языке образуют между собой абсолютную синонимию и оттенками значений не различаются.
- Все виды грамматических повторов (повторение конечных причастий, членов предложений и словосочетаний) можно отнести ко многим значениям. Одним словом, повторы необходимы для построения предложений и для выражения понятий, значений и различных смысловых оттенков.
- Согласно собранному языковому материалу, количество дублетных слов и слов-повторов в таджикском языке сосотавляет 300 лексических единиц, а в шугнанском языке их насчитывают 200 лексических единиц, которых мы классифицируем следующим образом:

- словарные единицы парного употребления, состав которых не может быть нарушен: вторая часть не может быть отделена от первой части; второй компонент дается для усиления первого компонента как словесного соотношения; некоторые из вторых компонентов не имеют определенного словарного значения; они не могут дать значение словаря вместе с первой частью. Слова этой пары употребления были разделены и дроблены. Обычно они используются как единая форма, поэтому их также можно назвать расширенными дублетами.

- следует отметить, что все виды лексических единиц парного употребления (корневые, продолженные и зависимые) не делятся на смысловые части, они семантически целы, их общее значение связано с содержанием компонентов (слов) их состава; при синтаксическом анализе они выступают только как один член предложения; по смыслу они

соотносятся и могут быть заменены, одним словом. Такие единицы (языка) являются одним из источников обогащения лексического состава языка (речи), а также их можно рассматривать как один из способов словообразования таджикского языка.

Во второй главе установлено, что для повторных слов, редупликатов, дублетов и их восприятия в обоих языках, помимо общих признаков, характерны отличительные свойства, выражающиеся преимущественно в синтаксических особенностях и, в меньшей мере, - в структурных.

Динамика развития названных форм в этих языках различна. В отличие от таджикского в шугнанском существуют другие виды дублетных слов. Такими формами являются дефисная конструкция, сложносоставное словообразование и изафетное словосочетание, которые внешне сотносимы с различными частями речи.

Для шугнанского языка подобные формы не характерны, поэтому их значения передаются дублетными словами в спрягаемой форме. Однако вопрос о сфере употребления дублетных слов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в уточнении. Основной отличительной чертой дублетных слов является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине повторные слова противопоставляются обычным синонимам.

Лингвокультурная обусловленность дублетных слов их художественное оформление определяют характер их частоности употребления. При этом релевантность представляет оценочный или образный признак концептов описания, что обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами дублетных слов. По вопросу частотного употребления дублетов и слов-повторов по нашему исследованию составляет: по произведению Ф. Мухаммадиева – 43%, по шугнанскому языку согласно словарям Карамшоева Д. и Аламшоева Ш. – 35%. И так статестическое количество дублетов в сравниваемых языках показывает, что

их количество в таджикском языке перевалирует над шугнанском. Причина заключается в том, что в современном таджикском языке больше заимствованных слов из других соседных стран и современного русского языка.

Звукоподражательные слова в сопоставляемых языках имеют много общих черт: примерно одинаковое количество суффиксальных звукоизображений. Возможно, эту черту следует интерпретировать как общую, унаследованную обоими сопоставляемыми языками из ранней индоевропейской эпохи, то есть структурную черту, сохраняющуюся в особой лексической нише, “отстающей в своем развитии” от общих темпов развития языка. Звукоподражательные единицы способны к формообразованию и словообразованию. Подавляющее большинство звукоподражательных слов являются глаголами. Как в таджикском, так и в шугнанском языках имеется довольно большое количество производных имитативных образований как в именах существительных, так и в прилагательных и предлогах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдурахманов Н. Парные слова в тюркских языках. Автореф докт. дисс., Алма-ата, 1975 – 36 с.
2. Аганин Р.А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. Автореф. канд. дисс., М., - 1959. – 16 с.
3. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – М.: Наука, 1964. – 105 с.
4. Аламшоев, М. М. Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков), изд - во «Помир», Хорог, 1994;
5. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – М., 19898.-568 с.
6. Алефиренко, Н. Фразеологичемкий словарь / Н. Алифиренко // Культурно- познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Элпис, 2008. – 72 с.
7. Алламуродова, С. Дж. Структурно-семантические особенности лексических средств межфразовой связи в русском и таджикском языках: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / С. Дж. Алламуродова. - Душанбе, 2011.-180 с.
8. Ахманова О.С. Очерки по общей русской лексикологии / О.С. Ахманова. - М.: Учпедгиз, 1957.-295 с.
9. Ахманова, О.С. Словарь линвистических терминов / О. С. Ахманова / Советская энциклопедия. - М., 1966. – 606 с.
10. Бахар М. Стилистика персидского языка, Техрон, 1915. – с. 29.
11. Бахтибеков Т. Грамматика шугнанского языка. «Дониш», Душанбе, 1979;
12. Бернштам, А. Н. Археологические памятники Памира // КСИИМК. (XXVI). 1949. - С. 128-130

13. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. Проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.- 612 с.
14. Броимшоева М. Этнолингвистический анализ шугнанских примет и предсказаний: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.22 / Институт языка и литературу.
15. Большая советская энциклопедия. М., 1990г.
16. Будагов, Р.А. Сходства и несходства меду родственными языками «Романский линвистический материал» / Р.А. Будагов. 2-ое изд.-М.: Добросвет, 2004. – 280 с.
17. Буранова Муаттар Махмудовна. Структурно-семантические особенности редупликативных слов в английском и узбекском языках.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 Ташкент, 1982. – 144 с.
18. Варатаньян, Э.А. Словарь крылатых слов и выражений / Э.А. Варатаньян. - М.: рус. Слово, 2001. – 414 с.
19. Виноградов, В.В. О языке худоественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654с.
20. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654с.
21. Ғаффоров, Р. Калимаҳои синонимӣ ва хусусиятҳои услубии онҳо / Р. Ғаффоров // В сб.: Масъалаҳои филология. – Душанбе, 2003. – С. 35-40.
22. Голубовский, М. Слова-повторы в языке (редупликация) / М. Голубовский. – Нева, 2011. - №7. – с. 186 – 193.
23. Горбачевич, К. русский синонимический словарь / К. Горбачевич. - СПБ, 1992. - 365 с.
24. Давронов, А.У. Синонимҳо дар «Қобуснома» - и Унсурмаолии Кайковус / А.У. Давронов // В. Сб. «Актуальные вопросы методики преподавания таджикского языка в русскоязычной аудитории». – Душанбе: РТСУ, 2001. – С.77-84.

25. Даминова, М.З. Сопоставительный анализ парных синонимов русского и таджикского языков. Монография. - Душанбе: «ЭРграф», 2021. - 160 с.
26. Джалилов Х. Об особом типе сложно связных предложений // Советская школа, 1963, № 5. стр. 50-53;
27. Джамшедов П, Шодибекова М Шугнанско английский словарь (категоря рода) Душанбе, 2016.-216 с,
28. Джамшедов П. Семантика вида глагола в русском, таджикском и английском языках / П.Д. Джамшедов. – Душанбе, 1989. – С. 110-122.
29. Джураева, С.Б. Синонимы в поэзии Абдурахмана Джами: дис. … канд. Филол. наук: 10.02.22 / С.Б. Джураева. – Худжанд, 2009.- 129с.
30. Додыхудоев Р.Х. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка. Душанбе, 1962;
31. Додыхудоева Л.Р. Шугнанский глагол в историческом освещении. Душанбе, 1988;
32. Друговейко, С.В. Лингвистический анализ отрывка из «Слово на Фомину неделю» Эпископа Кирилла Туровского / С.В. Друговейко//Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1998. – С. 106 – 126.
33. Евгеньева, А, П, Очерки поэзии в зап языку русской устной поэзии в записях XVII – XIX вв. / А.П. Евгеньева. – М.; Л., 1963. – 348 с.
34. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М, -Л., Изд - во. Акад. наук СССР, 1960. -387 с.
35. Забони адабии ҳозираи тоҷик, Душанбе, 1973. – 354 с.
36. Зехни Т. Н. Искусство речи, - Душанбе, 1976. - с. 150.
37. Зикриёев Ф. Речь – великая сила. Ленинабадская газета "Хакикат", 11 февраля 1999 г.: Повтор – средство образования сложно связных предложений. Проблемы языка и стиля поэзии Мирзо Турсунзаде. Худжанд. 1997. - С. 8-17.

38. Зикриеев Ф. Структурно-семантические особенности паратаксиса. Душанбе. "Знания". 1986 год.
39. М. Имматшоева. Выражение цветообозначения в разносистемных языках (на материале шугнано- рушанской языковой группы, таджикского и анлийского языков) 10.02.20;
40. Искандарова, Д.М. Явление и природа языковой редупликации (сопоставительный и типологический анализ) / Д.М. Искандарова // Проблемы русского языка в контексте компаративистики. – Душанбе, 2005.- с. 55-62.
41. Кабиров, Ш. Мулоҳизае чанд оид ба масоили ҳамгирои дар забон / Ш. Кабиров // В кн. Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» и проблемы современного таджикского языка. – Душанбе: РТСУ, 2011. – С. 24-27.
42. Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963; 1978;
43. Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках (шугнано - рушанская группа). Душанбе, 1978;
44. Карамшоев Д. К. Шугнанско-русский словарь / А. Л. Грюнберг. — М.: Восточная литература; Наука, 1988; 1991; 1999.
45. Карамшоев Д. Значение памирских языков для определения этногенеза древних иранцев // Этнические прорблемы истории Центральной Азии в древности (И тысячилетие до н.э.). - М., 1981, с. 230-241
46. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М: Едиториал УРСС, 2011. – 116с
47. Клюева, В.Н. Краткий словарь синлонимов русского языка / В.Н. Клюева. -2-е изд. – М., 1961. -278 с.
48. Кобзева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобзева. –М., 2000. - 352 с
49. Колесов, В.В. Принцип парного соеденения близкозначных слов в древнерусских литературных текстах / В.В. Колесов // Исследования по

истории и диалетологии русского языка: межвуз. сб. – Алма-Ата, 1990 а. –С. 3-1

50. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. –М.: «КомКнига» УРСС, 2005. Кононенко, В.И. Синонимика ситаксических конструкций в современном русском языке / В.И. Кононенко. – Киев: Наукова думка, 1970.-143 с.
51. Крысин, Л.П. Тольковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык. - 1998.
52. Лившиц. В. А. Иранские языки народов Средней Азии. В кн: «Народы Средней Азии и Казахстана» В. А. Лившиц, Т - 1: М., Изд.-во. АН СССР, 1962. - 768 с.
53. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М., 1979 а.- 352с.
54. Мандельштам, А.М. Материалы к историко - географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времён до X в. н. э. Сталинабад: Труды АН. Тадж. ССР, т. XLIII, 1957. - С. 72-84.
55. Маринова Е. В. Инноязычное слова в рсской речи конца 20-ого – начало 21 вв.: проблемы освоения и функционирования; автореф. дисс. … конд. филол. наук. - М., 2008.
56. Маслов, Ю.С. Вопросы сопостовительной аспектологии / Ю.С. Маслов. - М.: ЛГУ, 1978. 195 с.
57. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Учебник для филологических специальностей вузов. М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
58. Мирзоев Ш. Синонимия шутнанского языка. Автореф. диссс. канд. филол. наук. Душанбе, 1999;
59. Моногарова, Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей / Л. Ф. Моногарова М.: Наука, 1972. - 174 с.
60. Музаффарова Д. Некоторые словообразавательные особенности редупликации в таджикском и английском языках/ Д.Ш. Музаффарова//

Вестник. Таджикского Нацианального университета. Душанбе: Сино, 2014г.-№4/3(137). – С 28.-34.

61. Мухаммадиев, М. Силсилаи синоними ва хусусиятхои услубии синонимхо / М. Мухаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1968.– 165с.
62. Мухаммадиев, М. Синонимхо дар забони адабии хозираи точик / М. Мухаммадиев. – Душанбе, 1962. 234 с.
63. Мухтори, К. Лексико – стилистические особенности творчеств. –2002 С. 56-68.
64. Мухторов, З. Мистическая лексика газелей «Санои» / З. Мухторов. – Душанбе: Умо, 2001. – 128.
65. Назарзода С. Лингвистическое изучение классических письменных памятников. – Душанбе, 2004,-332с. Насриддинов А. Муродифоти аслӣ ва бадеии калимаҳо // в сб. “Масъалаҳои филология”. -Душанбе, 1998. – С. 80-104.
66. Ожегов, с.И. Тольковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выраений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Инст. Русс. Яз. им. В.В. Виноградова. -26-е изд., испр. И доп. – М.: ОНИКС: Мири и Образавание, 2010. 1360 с.
67. Пахалина Т. Н. Сравнительно - историческая морфология памирских языков. М. Наука, 1989; Шугнано - рушанская группа // Языки народов СССР. М, 1966;
68. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. В 3-х томах. Т.З. – М., 1968. – 551 с;
69. Распопов, И. П. Вариативность синтаксических конструкций и коммуникативных едениц языка / И.П. Расспопов // Филологические науки. – 1962. - №4. – С. 198-202.
70. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка / В.С. Расторгуева // В кн.: Тадикско- русский словарь (под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской). – М., 1954. – С. 535-536;

71. Рахими, М.В. Тадикско-русский словарь / М.В. Рахими, Л.В. Успенская. - М., 1954.- 675с;
72. Рустамов Ш. Лексика имени в современном литературном языке. - Душанбе, 1972.
73. Сиёев, Б. Мухтасоти истифодаи муродифоти чуфтистеъмол дар асари «Таърихи Бадахшон» / Б. Сиёев. - Душанбе, 2001.- с. 28-30;
74. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Под ред. А.П. Евгеньевой. - Л., 1970-1971. -324 с;
75. Словарь – тезаурус синонимов русской речи / под. общ. Ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.- 632;
76. Современный словарь иностранных слов. 3-е изд. Стер. – М.: Рус. Яз., 2000. -742 с.
77. Стеблин - Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков. - М, 1982;
78. Тихонов, А.Н. Словообразавательный словарь русского языка / А.Н. Тихонов: в 2 т. 3-е изд., испр. И доп. – М.: АСТ: Астрель, 2008. -564 с;
79. Ҷалилов Х., Зикриёев Ф. / Ибораҳои тавтологӣ дар забони тоҷикӣ // Мактаби Советӣ,1964 № 10
80. Шарипов Х. – Слова художника, - 1991, - с. 122;
81. Шукурова М. О семантических особенностях повторяющихся слов таджикского литературного языка. Таджикское языкознание. - Душанбе. «Знание», 1976. - с. 71-76;
82. Шукурова М. Повторы на таджикском языке. Автореф. канд. дисс. Душанбе.- 1978г.
83. Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М. 1990;
84. Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано- рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание. История, этимология, типология. (К 75 - летию профессора Абаева В. И.). - Н,1976;

85. Соколова В.С. Генетическое отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967 ; Соколова В. С. Генетические отношния мунджанского языка и шугнано - язгулямской языковой группы. Л., 1973;
86. Фарҳанги забони тоҷикӣ. - М.: Сов. Энциклопедия, 1969, тт. 1-2;
87. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома» (Краткий словарь «Шахнаме»). – Душанбе: Адиб, 1992.- 496 с;
88. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ- таджикско – русский словарь. – Душанбе, 2004. – 564 с.
89. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. - М.: «Прогресс» 1986, тт. 1-4.
90. Ҳалимов, С. Дар «Шохнома» офтоб яке нест / С. Халимов // В сб. «масъалахои филология». – Душанбе, 2003. – с. 121-130;
91. Хикматуллаев, Н. Семнатика – стилистические особенности лексических синонимов в трилогии Джалола Икроми «Двенадцать ворот Бухары»: автореф. дис. … канд. Филол. наук: 10.02. 22 / Н. Хикматуллаев. – Душанбе, 1995. -25 с.
92. Ҳошимов, С. Хусусиятҳои луғавии муродифот дар «Гулистон»- и Саъдии Шерозӣ / С. Ҳошимов. – Душанбе, 1978. 275 Мухторов, З. Мистическая лексика газелей «Санои» / З. Мухторов. – Душанбе: Умо, 2001. – 128;
93. Ҷамшедов П, Шодибекова М. Луғати шуғнонӣ-англисӣ (категорияи ҷинсият) Душанбе, 2016. – 216с.
94. Ҷамшедова Л.П. Роҷеъ батаркиби луғавии воҳидҳои ҷуфткорбурди синонимӣ ва ҳаммаъно// Актуальные вопросы филологии_ Душанбе: РТСУ,2009, 350-354
95. Ҷуразода, Ш. Хусусиятҳои семантикии «Маснавии маънавӣ» - и Ҷалоллиддини Румӣ / Ш. Ҷуразода. – Душанбе, 1989. – 211 с.
96. Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М. 1990;

97. Юсуфбеков Ш. П. Семантика и прагматика деиктических слов в языках шугнано - рушанской группы. Дисс. канд. филол. наук. - М, 1992.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

98. D.Borbor Comparative Etymological Dictionary of Reduplication in the languages and Dialects of Iran, Loa Angeles, 2008.- 520с.
99. Geiger W. Die Pamir - dialekte. In GIPh, Bd. I, Abt. 2, 1898-1901.
100. Hurch B. Mattes V/Editioal preface studieson reduplication. Berlin, NY 2005 275 с
101. Jamshedov P. Shughnanica. Душанбе, 2010; 315 с.
102. Jamshedov P. The roof of the world. Dushanbe, 2001;
103. John Payne, Pamir languages, Manchester, 1984.-p. 418-428

Художественная литература

104. Айнӣ, С. Ёддоштҳо (чаҳор кисм). Душанбе: сарред. илмии энсиклопедияи миллии точик, 2009. – 680 с.
105. Муҳаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ. Ирфон. Душанбе, 1974. – 367 с.
106. Мухаммадиев Ф. Угловая палата. Ирфон. Душанбе, 1989. – 283 с.
107. Умари Хайём. Рубоиёт. - Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2010. -99 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список редупликатов и слов-повторов, использованные в работе

В таджикском языке:

ab-ab много воды; перс. *ab,* авест. ар, пехлав. *aw, av,* араб. *wab-wab; ab az ab; ab-ataš* – риск, оташ – огонь, авест. *atar,* пехлав. *Ataxš; ab-tab-ab-u-tab* – *у*спех, великолепие; пример: *Чун гуҳар обу тоб агар дорӣ* (С. Табрези).

ab-jarub (кардан) – очистить, подготовить *ab* – вода, *jārub* веник; *ob-rang ab- u-rang* (додан) – покрасить поверхности что – либо; *ab-u-arag* покраснеть от стыда; *ав-u-alaf* – корм для животний; *ав-u-gil* – принадлежность, богатство; *ab-u-hava* – погода; *at-u-ašγal* – мусор; *aj-u-day* – влюблятся; *ax-u-vaҳ – oҳ, oҳ; āx-u-tuf* – плевать; *axir-u-axir* – в конце концов; *ba-ba* –дед; *bay-u-bay*; *kam-кам* – немного; *dul-dul* – позв. лощадь; *bul-bul* – звук. протикание воды; *alan-talan* – беспорядок; *ašti-mašti* – примериться; *γur-γur* – гулдурос; *às-u-pas* – бедный; *aftab-mahtab* – детская игра; *ari-ari* – да, да; *aram-u-iram* – медленно; *āraiš-piroiš* – делать фасон, одеваться, нарядиться; *adam-u-adam* – халқ, одам – народ; *axir-u-agibat* – конец, финал; *ruy-a-ruy* – напротив; *xit-xit* – назыв. приглащат курицы; *andak-mandak* – мало; ajanna-axanna – сумашедший (араб); *fil-fil* – перец (ар); *bah-bah* – very good – очень хорошо; *bas-bas* – хватить; *baq-baq* – звук пчела; *agar-agar* – тадж, балуч. – иногда; *bur-bur* тадж, балуч. – издать звук; *pušt-pušt* – один за другим; *čiy-čix* – тадж, шум, крик; *čur-čur* – звук воды (балучи), таджк; *ču-ču* – о лошади, конья; *da-da* – отец (диалект) в балучи сестра; *daru-dowa* – мед, лекарства; *dam-dam* – часто; *dum ba dum* – следовать друг за другом; *ru-ru* (ruba ru) – напротив друг друга; *zum-zum* (*zam zam*) святая вода в Мекке;

Бу-бу > бу-бу > бу-бу-аль-айн: «зрачок глаза, зеница ока» (лувий. *ti-ti-ta*, которое существует также в хет. «*зрачок* [*глаза*]» (Фридрих, с. 41); Эламские *ти-ти – каш* могут скрывать, древнеперсидские *ди-ди-яка* / *ти-ти – яка* [Bartholomae, 724, 1323; Kent, p. 191; Hinz 99: Filippone, c. 64-65]; араб. *бу-бу-бу-бун; бу-бу-ал-айн,* еврей. *Бах-бах> ба-ба.* сирий. *бу-бу*, перс., "*ба-баба-бак /би-би> би-би-ак.* шугн. *цем гацак*, курд., *ба-ба / би-би / бил -бил,*

армян., "*би- би, би-б-пи-пи-к, пу-пу-к.* тюрк, *бе-бе> бе-бек, "бу-бу/ бу-бу*. греч., *ви-ви> ви.* англ. *bybe*, зрачок «зрачок глаза» на персидском языке *пі-пі* означает как *ребенок*», так и зрачок глаза, то же самое различимо причем в таджикском языке, младенцы в глаза, как в: в диалекте гелакӣ (Иран) *ҫиті пі-пі,* в диалекте логар. *пі-пі-уак*, персидский, *нӣ-нӣ*, симнани, *нӣ-нӣ> пӣ-пӣ – ка,* сист., *пі-пі,* согд., *пу-пу> пу-пу* «зрачок глаза», араб., *на-на '>на / ну-ну> ну-ну" на-на "> на* [продолжительно / непреривное] вращение зрачка глаза. В сирий., *на-на > на-но*, осетин., *га-га> га-го-у> гагу-й,* груз., *га-гагу-га*, перс. *ка-ка> ка-к> ки-к* (зрачок), япон.," *каку-каку> каку-маку* «раговица», африканские языки *ми-м-те-т [т] е ти-т[т].* [Hurch, Bernard; Mattes, Veronika, 2005.].

шодию хурсандӣ, дару девор, меҳру муҳаббат, созу наво, хушу хурсандӣ, шабу руз, хашму ғазаб, сурху сафед, кору бор, шарму ҳаё, еру диёр, аҳду вафо, шуру ғавғо. баҳс-маҳбас, сиҳат саломат, курпа болишт, китоб-дафтар, курпа-бистар, даст ба даст, сар ба сар, гул ба гул, руз ба руз, сол ба сол, хона ба хона, нозу неъмат, дашту даман, обу арақ, ғаму ғусса, заҳру заҚум, долу дарахт, орзую омол, одаму олам, боғу роғ, ҷангу ҷидол, ғала пала, калтаку куртак, чоку чилок, хоку хингил, сӯзу гудоз, сару бар, бача-кача, фаччу лач, гапу калоча, чӯбу чаҳс, беху бун, харачу марач, апаку чапак, балову ано, хайру шарр, ҳисобу китоб, дурушту даҒал, тартибу тариқат, ранҷу машаққат, радду бадал, макру ҳиял, назру ниёз, зеру забар, лолу мим, қазову қадар, сиҳат-саломат, аҷоибу ғароиб, аллоҳу акбар, дину имон, хайру эҳсон, ассалому алейкум, ҳисобу китоб, гушу ҳуш, алғав-далғав, харачу-марач, гапу калоча, чингу линг, масту аласт, оҳу оҳ, оҳу вой, ҳай-пай, пачаҚу мачаҚ, чиккаву пукка, чин-пин, пагоҳ-магоҳ, дарҳам-барҳам, лашу луш, чолоку чалок, молу ҳол, ҳангу манг, моту маҳбут, сузу гудоз, шарту шурт, : *наву тоза, қаду қомат, ҳавову ҳавас, орзуву ҳавас, яккаву танҳо, ғаму андӯҳ, суруди тарона, гушаву канор, ёру дуст, ёру ошно, шӯру ғавғо, макру ҳиял, ранҷу озор, рашку ҳасад, нозуку маҳин, чусту чолок, обу хаво, боду хаво (иқлим), хату савод (маълумот,*

маърифатнокӣ), ҳисобу китоб (муҳандисӣ, бухгалтерия, қоғазу қалам (зиёй будан, навиштан, котибӣ, нависандагӣ), обу замин, кору бор (кишоварзӣ, хоҷагии қишлоқ), китобу қалам (омили зиёй), гарму хунук (зарфи гарму хунук-холодилник, мафҳуми динӣ, маҷоз); доруву даво, доруву дармон (тиббӣ: дору, маводи табобатӣ); зану бача, марду зан (оила), обу нон, ошу нон, нону об, нону намак (хўрокиҳо ғизо), арраю теша (асбоби дуредгарй), сармову гармо - гарму сард, сардию гармй, (рўзгор), хурду калон (ҳама – одамон, мардум, ҷомеа), саволу ҷавоб (пурсиш), чизу чора (мол) сарфу наҳв (грамматика), коргару деҳқон, тобу тавон, ҳусну накҳат, шодию сурур, шуру ғавғо, тираву тор, ёду ҳуш, атвору кирдор, сарv сомон, урфу одат, хулқу атвор, хору хас, дуру дароз, чизу чора, хасv хошок, даву ғеч, дону дид, обу арак, хобу хур, ёру ҷура, чангу ғубор, тахту тоҷ, тару тоза, тунду тез, қурбу киммат, зеру забар, чину оҷинг, каду баст, ҳисобу китоб, обу замии, обу ҳаво, хату савод, қоғазу қалам, ҳисобу китоб, хурду калон, шабу руз (рузу шаб), солу моҳ, нону намак, буду шуд, ибою хато, саволу ҷавоб, ошу нон (нону ош), синну сол, дору-дармон, сармову гармо, зану бача, обу нон, ору номус, гуфту шунид – гуфтушунид рафту омад, омаду рафт – омадурафт, болою поин – болопоин. каллаю поча – каллапоча, тохту тоз-тохтутоз, хайру хуш, гирду гун, саволу ҷавоб, каҷу килеб, пасту баланд, ҷабру ҷафо, ганҷу зару гавҳар; шугн: зарат зевар; арабск тадж.+арабск.: тааммулу бардошту сабр; узбекско-таджикско арабские: яроқ, анҷом-аслиҳа, ҷангу ҷидол, арзу даъво, сулҳу ваҳдат, макру фиреб, шавқу рағбат, гапу гапча, дурру марҷон, касбу кор, сару сомон, сару нуг , бечуну чаро, шикасту рехт, карру фар, буду бош, суп-сурх, каб-кабуд, сип-сиёҳ, заб-зард, шилдир-пилдир, тарақ-туруқ, шалдар-шулдур, шав-шув, гурс-гурс, фаш-фаш, гулдур-гулдур, чақ-чақ, ғур-ғур, чаҳ-чаҳ, қаҳ-қаҳ, ғарч-ғарч, шибир-шибир, баҳ-баҳ, паст-паст, ялт - ялт, милт-милт, ялтар-юлтур, чарақ-чарақ, қоҳ-қоҳ, пир, калон-калон, баланд-баланд, гурўҳ-гурўҳ, давида-давида, оҳиста-оҳиста , тозон-тозон, сип-сиҳат, тип-торик, суп-сурх, дуппа-дуруст, сип-сиёҳ, шодию хурсанди

дару девор, меҳру муҳаббат, созу наво, хушу хурсандӣ, шабу руз, хашму ғазаб, сурху сафед, кору бор, шарму ҳаё, еру диёр, аҳду вафо, шуру ғавғо, қатор-қатор, пачка-пачка, калон-калон, майда-майда, андак-андак, нав-нав, ширин-ширин, дароз-дароз, муру малах, лату куб; зебу зиннат.

В шугнанском языке:

Шоҳ-ан-шоҳ – король королей; *тақ-тақ* – стук (перс, шугн); *аҷин-аҷин* – (*ajin-ajin)* – (курд) мало по малу; *иру-уру* – *тут и там* (шугн.) *мируя-wируя* (тадж, шугн); *пар-пар* – (*par-par)* – гулдузӣ (курд), вышывание; *чанд-чунд* – узнать цену у торговца (тадж, тюрк); *чақ-чақ* – разговоры беседы (тадж, шугн); *пиш-пиш*– зов. кошки (перс, шугн); *кух-кух* – кашлить (перс, шугн.); *пал-пал* (*pal-pal)* – блистет (перс, шугн.)*, вай-вай, ой-ат-вой, тер-киштер, зирд рух зирд, сап-сафед, зул-зулик*, *пāст-пāстик, фаш-фаш, дуп-дуп, курш-курш, ғур-ғур, чақ-чақ, ялт-ялт, қуғ-қуғ, ваг-ваг, фил-фил, дус-дус, кам-кам, лап-лап, зул-зулик, хап-хап*, *тилим-тилим*, *ойиста-ойиста*, *паст-пастик, дароз-дароз*, *торик-торик*, *хап-хап, рӯ па рӯ , зар зар*, *цем тар цем, δум пис δум, чид пис чид, ẋар тар ẋар, кал-тар кал, тирмо-тирмо*, *чети-чети*, *чид пис чид*, *бурҷ-бурҷ*, *торик-торик*, *ҷалд-ҷалд*, *ẋап-ẋап*, *тилим-тилим*, *ойиста-ойиста*, *нёз-нёз*, *танҷ-танҷак*, *риқ-рик*, *хап-хап, сэр-сэрак, дуқ-дуқак*, *жэхт-жэхт*, *рӯй па рӯй, £ар тар £ар, цэм тар цэм, £ум пис £ум, мак тар мак. цем тар цем, кал тар кал, вуст тар вуст, ẋар тар ẋар, меð тар меð, чид тар чид, гап тар гап, вуст бар//ми вуст , тис//бар тис.*

-а-ҳа-ҳа (назир ловен – ат веванд а-аа су́д); *aw-aw* – звукоподражание, лай, тявканье; *ай-ай-ой, эй, ах* – увы; *тит-тит* (ак) разбитый вдребезги; *цуг-цуг* (ак) рванный; *айру́н-айру́н* – растерянности; *бач-кач* – дети; *бад-бад* (чихтов) смотрет со злостью; *барг (ас) барг* – не шелохнется, тихоничко; *баргӯ-баргӯ* – обрывать листья; *бардор-бардор* (чидов) – хвалить; *барзин-барзин* – обматывание, скручивание; *wарраст-wарраст* – быстро, бегло; *баг-баг* (о пчела) звук пчела, мухы жужать; *wай-wай-ой*, ох; *wурз-wурз* – судороги, дрожь, озноб; *wурс-wурс* – щепетать; *га-га-* иногда; *гап-гап* –

разговоры, толки слухи; *гур-гур* – друг за другом, толпой ; *даwу́н-даwу́н* – прорастать, бегом; *дам (ба) дам* – непристанно, часто; *дар ба дар* – скиталец, бродяга; *дақ-дақ* – дрожать, трястись, трепетать; *туҳа-муҳа* – дорожные припасы; *дӣл-дӣл* (*чидов*) – утещать, успокаивать; *дус-дус (ик*) – по немногу; *ду́нд-ду́нд (ак*) – на части, в дребезги; *бис-бисак* – (устно) сто; *вуст* (*ми*) *вуст* – рука об руки; *ӧик-ӧик* – заикание, коноязычие; *йигу́н-йигу́н* – иногда, временами; *хуч-хуч* (*ак*) – медленно; *кам-кам* – мало; по мало; кар-кар – шуршание, шорох; *каш-каш* – очень горячи; *кур-кур* – шорох, шум; куру́х-куру́х – шорох, шелесть; *кук-кук* – кряхтанье; *лай-лай* – баю бай, баинки; *лах-лах* – постукивание, стук; *лу́г-лу́г* - толгой, гурбой; *лум-лум* – плавно, тихо; *лӯг-лӯг* – подзывать яка; *маҳ-маҳ* (а) – лениво, вяло (есть); *мӑв-мӑв* – мяу мяу; *муқ-муқ* (ик) – пухлый, упитанный; *остӑ-остӑ* – тихо; *пат-пат* – бармотание; *патте-пате* (зибид) – прыгать, скакать; *пале-пале* – бок, сторона, край; *пул-пул* – свет, отблеск, огонки; *рам-рам* топот, грохот; *рафта-рафта* – постепенно; *сӑм (бар) сӑм* – в страхе, в испуге; *шар-шар* – звук воды, шум водопода; *курр-курр* (чидов) – свистящий звук; *қут-қут* – звук подающая курица; *чунг-чунг* – согнувший; *шут-шут* (*шат-шат*) – хромой, *оста-оста, лап-лап, жехт-жехт, ранг-ранг, гарва- парва, чой-пой, қут пут, шут-мут, қич-пич, (и)гоне-(и)гоне, фил-фил (фалт, филт), рамб-рамб, ҷираг-пираг, чой-пой, гарда-парда, бач-кач, ду́нд-ду́нд, курҷ-курҷ, гул-пул, кахт-пахт, туд-пуд, бач-кач, буҷ-бала, хеҳ қавм, гарда-парда, каҳт-паҳт, туд-пуд, ҷирах-пирах, сингир-мингир, бач-кач, буҷ-бала, хех-қавм, хаӯ-хаӯ, тер-и-тер, айру́н-айру́н, барзин-барзин, даwу́н-даwу́н, wурз-wурз курҷ-курҷ, йив-йив, йигӯн-йигӯн, пинз-хоӯ, вувд-ваҳт, вис-висак, пале-пале, арод-тарод, пали-пали, қут-қут, шур-шур, мав-мав, лай-лай, wурс-wурс, барзин-барзин, дақ-дақ, дил-дил, хах-хах, арҷо-арҷо, тез-тез, кам-кам,бурҷ- бурҷ, лап-лап, дус-дус, пизор-пизор.*

Список сокращений:

анг. – английский

авест. – авестийский

араб. – арабский

перс. – персидский

пехлав. – пехлави

балуч. – балучeский

тадж.-таджикский

шугн. – шугнанский

курд. – курдский

тюрк. – тюркский

греч. – греческий

лувий. – лувийский

хетт. – хеттском

еврей. – еврейский

сирий. – сирийский

гелак. – гелаки

логар. – логарди

симн. – симнани

сист. – систани

осет. – осетинский

груз. – грузинский